

2023 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Нуцкова Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Nutskova E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zakharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2023

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Коноплева И.Н.

Вступительное слово.....1

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

Буслаева Е.Л., Власова Н.В.

Особенности мотивации и самоконтроля курсантов
вузов МВД России на разных этапах обучения.....2–13

Рябова М.Г., Канунников Р.И.

Индивидуально-психологические особенности сотрудников органов внутренних
дел с различными типами профиля латеральной организации мозга 14–29

Мартиросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.

Особенности личных и деловых качеств сотрудников ОВД,
уволившихся на первом году службы 30–48

Пухарева Т.С., Рудин А.В.

Карьерные ориентации сотрудников правоохранительных органов 49–

Борисова С.Е.

Феномен коррупционного поведения и его ассоциативно-понятийная
составляющая в социальных репрезентациях руководителей подразделений
дорожно-патрульной службы ГИБДД.....58–69

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Балин В.Д., Ильина В.А.

Теоретико-прикладные аспекты категориально-
понятийного аппарата юридической психологии 70–81

Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В.

Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости
фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе.....82–93

Русаковская О.А.

«Проблемные ситуации» как методика судебно-психиатрического исследования:
параметры оценки и проверка внутренней согласованности.....94–109

Булдыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д., Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е.

Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений 110–126

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.

Изучение личности пожизненно осужденного как условие
эффективной оперативно-розыскной профилактики..... 127–142

**ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
LEGAL PSYCHOLOGY**

Афанасьева И.В., Пимонов В.А.

Конфиденциальность как принцип деятельности практикующего психолога:
современное состояние нормативно-правового регулирования и перспективы..... 143–152

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф.

Перспективы использования психофизиологических методов для оценки
стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора 153–165

Миронова О.И., Роговая О.С.

Трудности взаимодействия с созависимыми: системно-семейный анализ 166–182

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.

Профессиональные деформации педагогов и девиации учащихся в период
глобального кризиса: психологическая диагностика, профилактика, коррекция..... 183–205

Пазухина С.В.

Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и
протестного поведения в молодежной среде..... 206–223

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE:

MODERN METHODS OF DIAGNOSTICS AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Konopleva I.N.

Foreword..... 1

PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

Buslaeva E.L., Vlasova N.V.

Motivation and Self-Control Features in Cadets of Ministry
of Internal Affairs Universities at Different Stages of Training..... 2–13

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.

Individual Psychological Characteristics of Employees of Internal Affairs
Bodies with Different Types of Lateral Brain Organization Profile 14–29

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.

The Personal and Business Qualities Features of Police Officers
Who Quit in the First Year of Professional Activity 30–48

Pukhareva T.S., Rudin A.V.

Career Orientation of Law Enforcement Officers 49–57

Borisova S.E.

The Phenomenon of Corrupt Behavior and its
Associative-Conceptual Component in the Social Representations
of the Heads of Departments of the Traffic Police Road Patrol Service..... 58–69

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Balin V.D., Ilyina V.A.

Theoretical and Applied Aspects of the Categorical
and Conceptual Apparatus of Legal Psychology..... 70–81

Kuptsova D.M., Dvoryanchikov N.V.

Evaluation of the Value of Physiological Cues to Determining
the Salience of a Risk Factor in a Situation of Screening Polygraph Test 82–93

Rusakovskaya O.A.

“Problem Situations” as a Forensic Assessment Instrument:
Assessing Parameters and Checking Internal Consistency 94–109

Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D., Remeeva A.F., Lysenko N.E.

Current Studies of The Neuronal Foundations of Moral Decision-Making..... 110–126

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.

The Study of the Personality of Life-Sentenced Prisoners As a Condition
for Effective Operational-Search Prevention 127–142

LEGAL PSYCHOLOGY

Afanasieva I.V., Pimonov V.A.

Confidentiality as a Principle of the Activity of a Practicing Psychologist:
the Current State of Regulatory Regulation and Prospects 143–152

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F.

Prospects for the Use of Psychophysiological Methods to Assess Stress
Resistance in a Situation of Professional Psychological Selection 153–165

Mironova O.I., Rogovaya O.S.

Difficulties of Interaction with Codependents: System-Family Analysis 166–182

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.

Professional Deformations of Teachers and Deviations of Students
During the Global Crisis: Psychological Diagnosis, Prevention, Correction 183–205

Pazukhina S.V.

Psychological Foundations of Psychological and Pedagogical Prevention
of Extremism and Protest Behavior among Young People 206–223

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию новый тематический выпуск нашего журнала, тема выпуска — «Современные методы диагностики и развития профессионально-важных качеств сотрудников правоохранительных органов».

Выпуск посвящен актуальным проблемам юридической психологии в профессиональной деятельности. Статьи номера освещают проблемы как традиционных областей юридической психологии, так и новых интенсивно развивающихся направлений.

Читателю будет интересна работа, посвященная изучению коррупционного поведения на уровне социальных репрезентаций как проявления психологического пространства профессиональной группы сотрудников Госавтоинспекции. Исследование посвящено определению особенностей социальных представлений о феномене коррупционного поведения, выявляемых на основе установления респондентами ассоциативно-смысловых отношений с иными понятиями.

Существуют обстоятельства, которые в современных условиях с особой остротой ставят проблему улучшения психологической подготовки работников правоохранительных органов — современное развитие нашего общества требует отказа от одностороннего увлечения силовыми методами и овладения более цивилизованными психологическими, педагогическими, этическими методами работы с гражданами. Эта работа предъявляет особые, высокие требования к личным качествам человека. наших читателей, несомненно, заинтересует исследование особенностей мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения. Специалистам будет полезно узнать о проведенном исследовании, посвященном выявлению особенностей межполушарной асимметрии у сотрудников органов внутренних дел, присущих тому или иному типу профиля латеральной организации мозга, в ходе которого выявлена взаимосвязь с индивидуально-психологическими особенностями личности.

Зависимость успешности работы от способностей человека к ней установлена давно. Чем сложнее работа, чем выше ее требования, тем меньшее число людей способно выполнять ее, и тем важнее тщательно отбирать людей при приеме на работу. Именно это и рассматривается в статье, освещающей перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора.

Специальное внимание в нашем выпуске уделено вопросам профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов в области юридической психологии.

Интересна работа, затрагивающая современное состояние нормативно-правового регулирования деятельности практикующего психолога.

Работы будут интересны специалистам в области правоохранительной и социальной деятельности, педагогам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами юридической психологии.

С уважением и готовностью к сотрудничеству,
заместитель главного редактора журнала «Психология и право»
Коноплева И.Н.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения

Буслаева Е.Л.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Власова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования особенностей мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения. Теоретическими основаниями работы выступает анализ результатов исследований зарубежных и отечественных авторов, подтверждающих полимотивированность и динамичность мотивационных характеристик в процессе осуществления учебно-профессиональной деятельности. В исследовании приняли участие 118 курсантов всех курсов обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в возрасте от 17 до 22 лет. Для сбора эмпирических данных использованы следующие методики: «Шкала академической мотивации» (авторы Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин); опросник волевого самоконтроля (авторы А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман). Результаты проведенного исследования показали статистически значимые различия выраженности учебно-профессиональной мотивации и самоконтроля на разных этапах обучения. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации процесса и качества подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: учебная мотивация, познавательная мотивация, мотивация достижения, интроецированная мотивация, экстернальная мотивация, волевой самоконтроль, настойчивость, самообладание.

Для цитаты: Буслаева Е.Л., Власова Н.В. Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 2–13. DOI:10.17759/psylaw.2023130201

Motivation and Self-Control Features in Cadets of Ministry of Internal Affairs Universities at Different Stages of Training

Elena L. Buslaeva

Moscow State Linguistic University; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Nataliya V. Vlasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: L1025173@yandex.ru

The paper discusses the results of an empirical study of the motivation and self-control characteristics in cadets of the Ministry of Internal Affairs university at different stages of training. The theoretical basis of the paper is research analysis of different works made by different authors, confirming the polymotivation and dynamism of motivational characteristics in the process of carrying out educational and professional activities. The study involved 118 cadets of The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia at all stages of training (aged from 17 to 22 years). To collect empirical data, the following methods were used: “Scale of academic motivation” (authors T.O. Gordeeva, O.A. Sychev, E.N. Osin); questionnaire of volitional self-control (authors A.G. Zverkov, E.V. Eidman). The results of the study showed statistically significant differences in the intensity of educational and professional motivation and self-control at different stages of training. The results obtained can be used to optimize the process and quality of training of future law enforcement officers.

Keywords: educational motivation, cognitive motivation, achievement motivation, introjected motivation, external motivation, volitional self-control, perseverance, self-control.

For citation: Buslaeva E.L., Vlasova N.V. Motivation and Self-Control Features in Cadets of Ministry of Internal Affairs Universities at Different Stages of Training. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 2–13. DOI:10.17759/psylaw.2023130201 (In Russ.).

Введение

Современная политическая и социально-экономическая ситуация в России, напряженная международная обстановка, повышенная социальная агрессивность и конфликтность обуславливают необходимость повышения качества профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, формирования их профессиональной направленности и развития индивидуально-личностных свойств, обеспечивающих компетентное выполнение служебной деятельности в стремительно меняющихся условиях. Сложность и важность деятельности сотрудников правоохранительных органов в складывающейся сегодняшней обстановке определяют актуальность изучения особенностей мотивации и самоконтроля не только у сотрудников, но и у курсантов в процессе обучения. Успешность субъекта учебной деятельности в вузе зависит от большого количества факторов, одними из которых являются

высокая мотивация и развитый самоконтроль, позволяющие управлять своим состоянием и поведением в учебной, а затем и профессиональной деятельности.

Актуальность изучения учебной мотивации и самоконтроля у курсантов определяется необходимостью знания и понимания их специфики и особенностей, проявляющихся в разные периоды обучения и профессионализации, с целью их эффективного формирования и совершенствования самого процесса подготовки сотрудников МВД России.

Мотивация является одним из фундаментальных предметов изучения в отечественной и зарубежной психологии, значимость которой определяется необходимостью знания и понимания условий и факторов активности личности, определяющих направленность деятельности специалиста.

Понятие мотивации имеет различные трактовки среди ученых. По определению Х. Хекхаузена, «...мотивация не является единым процессом, равномерно от начала до конца пронизывающим поведенческий акт. Она, скорее, складывается из разнородных процессов, осуществляющих функцию саморегуляции на отдельных этапах поведенческого акта, прежде всего до и после выполнения действия. От мотивации зависит, как и в каком направлении будут использованы различные функциональные способности. Мотивацией также объясняется выбор между различными возможными действиями, между различными вариантами восприятия и возможными содержаниями мышления; кроме того, ею объясняются интенсивность и упорство в осуществлении выбранного действия и достижения его результатов» [13, с. 18].

Е.П. Ильин определяет мотивацию как «...совокупность мотивов ее составляющих» [5, с. 108], А.А. Файзуллаев рассматривает как процесс психической регуляции деятельности [12], А.Н. Леонтьев как «...процесс действия мотивов и как механизм, который определяет возникновение, направление и способ реализации конкретных видов деятельности» [8, с. 23].

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению мотивации у сотрудников и курсантов правоохранительных органов, показывает многогранность изучения проблемы мотивации и дает представление о мотивации профессиональной деятельности, мотивации выбора профессии, мотивации учебно-профессиональной деятельности, об их особенностях, видах и корреляции с другими переменными.

В.Л. Кубышко, В.М. Крук, И.В. Гайдамашко и др. авторы обращают внимание на то, что механизмом мотивации является самодетерминация, которая «...состоит в осознанной, реализуемой самим специалистом трансформации мотивации для достижения ее безусловной направленности на выполнение необходимых профессиональных действий в конкретной ситуации» [7, с. 81].

Результаты эмпирических исследований показывают, что нередко у сотрудников правоохранительных органов мотивы профессионального долга уступают место узко личным мотивам. Так, например, исследование М.Г. Рябовой, Р.И. Канунникова показывает, что у сотрудников полиции доминирует мотивация избегания неудач и достижения поставленной цели, а курсанты больше ориентированы на достижение результатов [10]. В исследовании Е.В. Светлаковой у сотрудников обнаружено доминирование личных мотивов [11].

Мотивация сотрудников правоохранительных органов является процессом и результатом воздействия внутренних и внешних факторов.

Дж. Фортенберри отмечал, что под влиянием внешних факторов, к которым относятся сложный и напряженный характер деятельности, постоянное сопряжение с негативными социальными явлениями, может произойти снижение эффективности работы полицейского и возникновение деструктивных установок [16].

Для зарубежных исследований проблема мотивации сотрудников полиции также является актуальной. Исследование S. Elntib, D. Milincic показало, что доминирующими мотивами выбора работы в полиции у новобранцев разных стран послужили факторы материального обеспечения и карьерного роста [17].

В исследовании Ismail, C. Demirkol, Mahesh k. Nalla обнаружено, что самоэффективность и обратная связь повышают мотивацию сотрудников полиции к работе, что приводит к вознаграждению и, как следствие, удовлетворенности работой сотрудников полиции [15].

Мотивация учебной деятельности курсантов является важной детерминантной, обуславливающей успешность усвоения знаний в процессе обучения, стремление к знаниям, интерес и увлеченность. Результаты исследования Ю.К. Нимировской показали, что успешность учебной деятельности курсантов находится в прямой корреляции с их мотивацией на успех [9].

Н.В. Власова, М.И. Марьин отмечают важность и необходимость наполнения учебно-профессиональной деятельности курсантов глубоким содержанием и смыслом. «В ходе непосредственной учебной деятельности, которая выступает применительно к профессиональным целям обучения в качестве средства их достижения, отношение к усвоению профессиональных компетенций выступает ее мотивационно-целевой основой» [3, с. 262]. В процессе учебно-профессиональной деятельности происходит «...не только целенаправленное освоение системы знаний и умений, необходимых для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности, но и становление ценностных представлений об этой деятельности, развитие и наполнение предметным содержанием ее целей» [1, с. 234].

Вместе с тем процесс обучения в вузе сопровождается определенными энергетическими затратами, что может оказать негативное влияние на успешность обучения и учебную мотивацию. И наоборот, большие физические и волевые затраты порождают мотивацию к увольнению курсантов [6].

Необходимым компонентом процесса самоуправления и саморегуляции выступает самоконтроль. Самоконтроль является личностно-мотивационным ресурсом и представляет собой «...способность индивида управлять своим поведением и эмоциями, обдуманно реагировать на происходящие события, воздерживаться от неадаптивного импульсивного поведения и прерывать действия, обусловленные нежелательными импульсами и эмоциями» [4, с. 47]. Самоконтроль проявляется в контроле достижений, контроле мыслей, контроле эмоций, контроле импульсов [18].

Самоконтроль выступает источником целеполагания, что имеет особое значение для профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов. Высокий уровень развития самоконтроля обеспечивает успешность и эффективность ее выполнения.

В экстремальных ситуациях профессионально значимой деятельности мотивационный фактор профессионально-личностной надежности присутствует на фоновом уровне. Выбор целей и задач сопровождается процессом осознаваемого мотивационного самоконтроля [7].

Деятельность сотрудников полиции наделена и «...определенными властными полномочиями... для осуществления регуляции социально-правовых отношений» [2, с. 60]. Это также предполагает высокий уровень развития самоконтроля, волевой регуляции, стрессоустойчивости и толерантности.

В.Л. Цветков, В.А. Балашова подчеркивают, что «...одним из приоритетных направлений профессионального становления сотрудника правопорядка является развитие организованности, дисциплинированности, стрессоустойчивости, готовности действовать в ситуациях, связанных с преодолением негативного психологического воздействия» [14, с. 396].

Изучение особенностей мотивации и самоконтроля личности курсантов в разные периоды обучения в вузе явилось целью нашего эмпирического исследования.

Материалы и методы исследования

В эмпирическом исследовании особенностей мотивации и самоконтроля курсантов МВД России на разных этапах обучения приняли участие 118 курсантов всех курсов обучения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в возрасте от 17 до 22 лет.

Для изучения особенностей мотивации и самоконтроля на разных этапах обучения весь период обучения в вузе был разделен на три этапа: начальный, включающий период обучения на первом курсе; промежуточный, охватывающий период обучения на втором и третьем курсах; заключительный этап, включающий период обучения на четвертом и пятом курсах.

Выявление особенностей мотивации и самоконтроля курсантов МВД России на разных этапах обучения проведено на основе сравнительного анализа результатов исследуемых групп респондентов, полученных при использовании следующих методик: «Шкала академической мотивации» (авторы Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин); тест-опросник волевого самоконтроля (авторы А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман). Обработка полученных результатов осуществлялась с применением статистического критерия проверки гипотез в системе SPSS Statistics-26: коэффициента ранговой корреляции Спирмена, критерия Стьюдента для независимых выборок. Проверка выборок с помощью критерия Колмогорова—Смирнова показала нормальность распределения (при $p > 0,05$).

Результаты и их обсуждение

Гипотеза исследования заключалась в предположении о наличии особенностей мотивации и самоконтроля у курсантов на разных этапах обучения в вузе, а также наличии связи между показателями академической мотивации и показателями самоконтроля.

Результаты, полученные с использованием методики «Шкала академической мотивации» Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты по методике «Шкала академической мотивации»
(Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин) (N=118)

Показатели методики	Начальный этап, средний показатель	Промежуточный этап, средний показатель	t-эмп критерий Стьюдента	Завершающий этап, средний показатель	t-эмп критерий Стьюдента
Внутренняя мотивация					
Познавательная мотивация	18,9	16,9	2,9*	17,7	0,9
Мотивация достижения	18,1	16,2	2,8*	17,1	2,9*
Внешняя мотивация					
Интроецированная мотивация	16,2	14,4	2,7*	15,9	2,9*
Экстернальная мотивация	18,5	18,2	1,4	18,9	1,1

Примечание: «*» — статистически достоверные различия при $p \leq 0,01$.

Полученные данные позволяют констатировать, что наиболее значимыми для студентов первого курса выступают внутренняя мотивация по обоим шкалам: познавательная мотивация и мотивация достижения, внешняя мотивация по шкале «Экстернальная мотивация». Полученные данные свидетельствуют о том, что курсантам первого курса свойственны желание узнавать новое, стремление понимать изучаемые предметы, проявление интереса и удовольствия в процессе познания. На первом курсе это может быть связано с формирующимся интересом к учебному процессу, высоко ценится способность решать трудные задачи, проявляется желание достигать высоких результатов. Высокий показатель экстернальной мотивации связан с протекающей на первом курсе адаптации к обучению в вузе и желанием соответствовать его требованиям в полной мере.

На втором и третьем курсах заметно снижаются показатели мотивации. Статистически значимо снижаются познавательная мотивация, мотивация достижения, интроецированная мотивация. Это может быть обусловлено некоторым осознанием разрыва между академической подготовкой и практикой реальной жизни, несопадением ожиданий, связанных с учебной деятельностью и пребыванием в вузе. Снижение экстернальной мотивации не имеет значимых различий. Специфика вуза диктует необходимость строго следовать предъявляемым требованиям для избегания возможных проблем.

На завершающем этапе обучения в вузе выраженность познавательной мотивации практически не меняется. Это может быть связано с тем, что заканчивая процесс обучения в вузе, курсанты уже имеют определенный запас теоретических знаний и сформированных компетенций, и на фоне этого снижается общий познавательный интерес. Мотив достижения, связанный с получением максимального результата по завершении обучения, статистически значимо возрастает, что объяснимо для завершающего этапа обучения. Интроецированная мотивация, отражающая чувство долга также возрастает статистически значимо. Экстернальная мотивация возрастает по сравнению с промежуточным этапом обучения, но не имеет статистически значимых различий. Доминирование экстернальной мотивации у курсантов четвертого и пятого курсов объясняется высокой значимостью для них стремления избежать негативной оценки со стороны социума, в частности преподавателей и руководства вуза, не получить дисциплинарного взыскания.

Экстернальная мотивация на всех этапах обучения имеет высокую выраженность и не имеет значимых различий, что может быть связано с предъявляемыми учебным заведением требованиями, контролем дисциплинированности курсантов и необходимостью следовать этим требованиям на всех этапах обучения.

Интроецированная мотивация имеет наименьшую выраженность на всех этапах обучения, по сравнению с другими показателями мотивационной сферы, из чего следует, что чувство долга и ответственности перед другими людьми не является для курсантов первостепенным.

Для выявления особенностей самоконтроля на разных этапах обучения у респондентов сравниваемых групп использовался тест-опросник волевого самоконтроля (авторы А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман). Полученные данные представлены в табл. 2.

Результаты, полученные с использованием опросника волевого самоконтроля, позволили выявить выраженность настойчивости и самообладания на каждом этапе обучения. Сравнительный анализ результатов показал значимые различия на разных этапах обучения.

Показатели настойчивости, проявляющиеся в умении мобилизовать свои силы для длительного преодоления трудностей для достижения поставленных целей, выражены на среднем уровне на начальном и промежуточном этапах обучения. На завершающем этапе обуче-

ния выраженность настойчивости значимо отличается от показателей промежуточного этапа и имеет высокий уровень, поскольку курсанты ориентированы на успешное завершение вузовского обучения, и это требует максимального сосредоточения, активизации внутренних ресурсов и энергетических затрат для достижения цели.

Самообладание, характеризующееся произвольным контролем эмоциональных реакций и состояний, повышается на каждом этапе обучения и достигает высокого уровня к концу обучения. Показатели самообладания имеют линейно повышающуюся выраженность и статистически отличаются на завершающем этапе. Самообладание является профессионально значимым личностным качеством будущего сотрудника правоохранительных органов, и ни у одного респондента не было обнаружено низких значений. В процессе учебно-профессиональной деятельности происходит формирование и усиление индивидуальных ресурсов личности в самообладании и проявлении самоконтроля.

Таблица 2

**Результаты тест-опросника «Опросник волевого самоконтроля»
(А.Г. Зверков, Е.В. Эйдман) (N=118)**

Показатели методики	Начальный этап, средний показатель	Промежуточный этап, средний показатель	t-эмп критерий Стьюдента	Завершающий этап, средний показатель	t-эмп критерий Стьюдента
Настойчивость	8,2	8,3	1,9	11,2	3,1*
Самообладание	6,9	7,3	1,1	9,8	3,4*

Примечание: «*» — статистически достоверные различия при $p \leq 0,01$.

На следующем этапе исследования была изучена взаимосвязь мотивационных компонентов и показателей самоконтроля. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Связь мотивации и самоконтроля курсантов на разных этапах обучения (N=118)

Показатели мотивации	Показатели самоконтроля	Начальный этап	Промежуточный этап	Завершающий этап
Познавательная мотивация	Настойчивость	0,631*	0,352	0,239
	Самообладание	0,287	0,326	0,298
Мотивация достижения	Настойчивость	0,658*	0,536*	0,692*
	Самообладание	0,582*	0,573*	0,654*
Интроецированная мотивация	Настойчивость	0,327	0,315	0,306
	Самообладание	0,428*	0,327	0,398*
Экстернальная мотивация	Настойчивость	0,623*	0,548*	0,731*
	Самообладание	0,594*	0,591*	0,715*

Примечание: «*» — статистически достоверные различия при $p \leq 0,05$.

Корреляционный анализ показателей мотивации и самоконтроля показывает, что на начальном этапе обучения в вузе у курсантов наблюдается статистически значимая связь познавательной мотивации и настойчивости. Настойчивость, выступая личностным ресурсом, сопровождает стремление к получению знаний. Стремление к получению знаний и необходимость адаптации к новым условиям, формам и видам вузовской учебной деятельности требуют определенных усилий.

Мотивация достижения имеет значимую связь с настойчивостью и самообладанием, на основании чего можно сделать вывод о том, что для достижения академических результатов требуется самоконтроль.

Интроецированная мотивация имеет умеренную связь с самообладанием. Это говорит о том, что достижение результатов учебной деятельности у курсантов в некоторой степени ориентировано на необходимость проявления долга и ответственности перед другими людьми.

Экстернальная мотивация тесно связана с настойчивостью и самообладанием, это объясняется статусом первокурсника, оказавшегося в новых условиях обучения, необходимостью адаптации и требованиями самого вуза.

На промежуточном этапе обучения статистически значимая связь показателей самоконтроля была обнаружена только с мотивацией достижения и экстернальной мотивацией.

На завершающем этапе также статистически значимая связь показателей самоконтроля была обнаружена с мотивацией достижения, экстернальной мотивацией и умеренная связь с интроецированной мотивацией. Познавательная мотивация имеет слабую, статистически не значимую связь с самоконтролем, т. е. стремление к знаниям у старшекурсников не сопряжено с волевыми усилиями.

Таким образом, подтвердилось выдвинутое предположение о том, что мотивация и самоконтроль на разных этапах обучения в вузе подвержены изменению, имеют отличительные особенности и связаны между собой.

Выводы

1. Показатели внешней и внутренней мотивации претерпевают изменения на разных этапах обучения в вузе, снижаясь на промежуточном этапе обучения, растут на завершающем этапе обучения, а показатели волевого самоконтроля линейно растут. Снижение выраженности всех показателей мотивации может быть объяснено некоторым осознанием разрыва между академической подготовкой и практикой реальной жизни, несопадением ожиданий, связанных с учебной деятельностью и пребыванием в вузе.

2. На всех этапах обучения у курсантов доминирует экстернальная мотивация, что можно объяснить спецификой обучения в вузе, предъявляющей к дисциплинированности курсантов высокие требования, и необходимостью им следовать во избежание возможных проблем.

3. Мотивация достижения и экстернальная мотивация у курсантов на всех этапах обучения имеют статистически значимую связь с самоконтролем.

Заключение

Приоритетными задачами образовательных организаций высшего образования МВД России является подготовка профессионально компетентных специалистов, обладающих высококоразвитыми профессионально значимыми личностными качествами. Системное развитие мотивации позволяет сформировать устойчивый тип мотивации, достаточный для формирования у курсанта необходимых качеств и характеристик, необходимых для качественного выполнения оперативно-служебных задач в профессиональной деятельности.

Мотивация учебной деятельности представляет собой динамический процесс физиологических и психологических механизмов, управляющих поведением и деятельностью курсантов и определяющих их активность, устойчивость и самоконтроль. Для будущих сотрудников правоохранительных органов, деятельность которых связана с высокой психической на-

пряженностью, важными являются не только сформированность профессионально направленной мотивации, но и развитость самоконтроля.

Литература

1. Буслаева Е.Л. Кризисы профессионального становления студентов-психологов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (277). С. 233–235.
2. Буслаева Е.Л. К проблеме формирования имиджа сотрудников полиции в современных условиях // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 2. С. 59–61.
3. Власова Н.В., Марьин М.И. Особенности мотивации к будущей деятельности психолога у курсантов высших образовательных организаций МВД России [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Том 26. № 3 (86). С. 259–267. doi:10.24412/1999-6241-2021-3-86-259-267
4. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 2. С. 46–58. doi:10.17759/chp.2016120205
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб, 2015. 512 с.
6. Костина Е.В., Дубинский А.А., Булыгина В.Г. Индивидуально-психологические характеристики курсантов учебных заведений МВД с мотивацией к увольнению в связи с высокими физическими и волевыми затратами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 2–15. doi:10.17759/psylaw.2022120401
7. Кубышко В.Л., Крук В.М., Гайдамашко И.В., Вахнина В.В., Федотов А.Ю. Мотивация специалиста силовых структур как основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 66–82. doi:10.17759/psylaw.2022120406
8. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971. 38 с.
9. Нимировская Ю.К. Педагогические подходы к мотивации курсантов младших курсов в образовательных организациях МВД России [Электронный ресурс] // Научное мнение. 2019. № 7–8. С. 100–107. doi:10.25807/PVN.22224378.2019.7-8.100.107
10. Рябова М.Г., Канунников Р.И. Соотношение ценностных ориентаций и мотивации у курсантов образовательных организаций МВД России и сотрудников ОВД [Электронный ресурс] // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 4 (60). С. 157–165. doi:10.37724/RSU.2021.60.4.014
11. Светлакова Е.В. Профессиональная мотивация сотрудников полиции на стадии профессионального становления // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2 (13). С. 84–89.
12. Файзуллаев А.А. Принятие мотива личностью // Психологический журнал. 1985. Том 6. № 4. С. 87–96.
13. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб: Питер; М.: Смысл, 2003.
14. Цветков В.Л., Балашова В.А. Профессиональная мотивация курсантов [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Том 25. № 4 (83). С. 395–401. doi:10.24411/1999-6241-2020-14005

15. Demirkol I.C., Nalla M.K. Enhancing Motivation and Job Satisfaction of Police Officers: A Test of High Performance Cycle Theory // *Criminal Justice and Behavior*. 2018. Vol. 45. P. 1–15. doi:10.1177/0093854818796873
16. Elntib S., Milincic D. Motivations for becoming a police officer: A global snapshot // *Journal of Police and Criminal Psychology*. 2021. Vol. 36. P. 211–219. doi:10.1007/s11896-020-09396-w
17. Fortenberry M.J.A. Improving Motivation and Productivity of Police Officers // *Law Enforcement Bulletin*. 2015. Vol. 4.
18. Wolfe R.N., Johnson S.D. Personality as a predictor of college performance // *Educational and Psychological Measurement*. 1995. Vol. 55(2). P. 177–185. doi:10.1177/0013164495055002002

References

1. Buslaeva E.L. Krizisy professional'nogo stanovleniya studentov-psikhologov [Professional formation crises of psychology students]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 2017, no. 4 (277), pp. 233–235. (In Russ.).
2. Buslaeva E.L. K probleme formirovaniya imidzha sotrudnikov politzii v sovremennykh usloviyakh [To the problem of image formation police officers in modern conditions]. *Mezhdunarodnyi zhurnal psikhologii i pedagogiki v sluzhebnoi deyatelnosti = International Journal Psychology and Pedagogics Official Activity*, 2018, no. 2, pp. 59–61. (In Russ.).
3. Vlasova N.V., Maryin M.I. Osobennosti motivatsii k budushchei deyatelnosti psikhologa u kursantov vysshikh obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii [Peculiarities of Motivation to Pursue a Career in Psychology among the Cadets of Higher Educational Institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021. Vol. 26, no. 3 (86), pp. 259–267. doi:10.24412/1999-6241-2021-3-86-259-267 (In Russ.).
4. Gordeeva T.O., Osin E.N., Suchkov D.D., Ivanova T.Yu., Sychev O.A., Bobrov V.V. Samokontrol' kak resurs lichnosti: diagnostika i svyazi s uspešnost'yu, nastoichivost'yu i blagopoluchiem [Self-Control as a Personality Resource: Assessment and Associations with Performance, Persistence and Well-Being] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2016. Vol. 12, no. 2, pp. 46–58. doi:10.17759/chp.2016120205 (In Russ.).
5. Ilin E.P. Motivatsiya i motivy. Saint Petersburg, 2015. 512 p. (In Russ.).
6. Kostina E.V., Dubinsky A.A., Bulygina V.G. Individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki kursantov uchebnykh zavedenii MVD s motivatsiei k uvol'neniyu v svyazi s vysokimi fizicheskimi i volevymi zatratami [Individual-Psychological Characteristics of Cadets of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs with Motivation for Dismissal Due to High Physical and Volitional Costs] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 2–15. doi:10.17759/psylaw.2022120401 (In Russ.).
7. Kubyshko V.L., Kruk V.M., Gaidamashko I.V., Vakhnina V.V., Fedotov A.Yu. Motivatsiya spetsialista silovykh struktur kak osnovnaya komponenta professional'no-lichnostnoi nadezhnosti v slozhnykh situatsiyakh [Motivation of a Specialist of Law Enforcement Agencies as the Main Component of Professional and Personal Reliability in Difficult Situations] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 66–82. doi:10.17759/psylaw.2022120406 (In Russ.).
8. Leontiev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii. Moscow, 1971. 38 p. (In Russ.).

9. Nimirovskaya Yu.K. Pedagogicheskie podkhody k motivatsii kursantov mladshikh kursov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Pedagogical approaches to motivation of junior students at educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Nauchnoe mnenie = The Scientific Opinion*, 2019, no. 7–8, pp. 100–107. doi:10.25807/PBH.22224378.2019.7-8.100.107 (In Russ.).
10. Ryabova M.G., Kanunnikov R.I. Sootnoshenie tsennostnykh orientatsii i motivatsii u kursantov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii i sotrudnikov OVD [Values and Motivation in Military Students of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk = Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal*, 2021, no. 4 (60), pp. 157–165. doi:10.37724/RSU.2021.60.4.014 (In Russ.).
11. Svetlakova E.V. Professional'naya motivatsiya sotrudnikov politsii na stadii professional'nogo stanovleniya. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2019, no. 2 (13), pp. 84–89. (In Russ.).
12. Faizullaev A.A. Prinyatie motiva lichnost'yu. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1985. Vol. 6, no. 4, pp. 87–96. (In Russ.).
13. Heckhausen H. Motivatsiya i deyatel'nost' [Motivation und Handeln]. Saint Petresburg: Piter; Moscow: Smysl, 2003. (In Russ.).
14. Tsvetkov V.L., Balashova V.A. Professional'naya motivatsiya kursantov [Cadets' Professional Motivation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2020. Vol. 25, no. 4 (83), pp. 395–401. doi:10.24411/1999-6241-2020-14005 (In Russ.).
15. Demirkol I.C., Nalla M.K. Enhancing Motivation and Job Satisfaction of Police Officers: A Test of High Performance Cycle Theory. *Criminal Justice and Behavior*, 2018. Vol. 45, pp. 1–15. doi:10.1177/0093854818796873
16. Elntib S., Milincic D. Motivations for becoming a police officer: A global snapshot. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2021. Vol. 36, pp. 211–219. doi:10.1007/s11896-020-09396-w
17. Fortenberry M.J.A. Improving Motivation and Productivity of Police Officers. *Law Enforcement Bulletin*, 2015. Vol. 4.
18. Wolfe R.N., Johnson S.D. Personality as a predictor of college performance. *Educational and Psychological Measurement*, 1995. Vol. 55(2). P. 177–185. doi:10.1177/0013164495055002002

Информация об авторах

Буслаева Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ); доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Власова Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Буслаева Е.Л., Власова Н.В.
Особенности мотивации и самоконтроля курсантов
вузов МВД России на разных этапах обучения

Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 2–13.

Buslaeva E.L., Vlasova N.V.
Motivation and Self-Control Features in Cadets
of Ministry of Internal Affairs Universities
at Different Stages of Training

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 2–13.

Information about the authors

Elena L. Buslaeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1913-9198>, Russia, e-mail: moselena2201@yandex.ru

Nataliya V. Vlasova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3452-1133>, e-mail: 11025173@yandex.ru

Получена 04.02.2023
Принята в печать 24.05.2023

Received 04.02.2023
Accepted 24.05.2023

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

**Индивидуально-психологические особенности
сотрудников органов внутренних дел с различными
типами профиля латеральной организации мозга**

Рябова М.Г.

Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Канунников Р.И.

Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Статья посвящена исследованию индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел с различными типами профиля латеральной организации мозга (ПЛО). Определение психологических качеств для конкретного типа ПЛО способствует успешному прохождению службы сотрудниками ОВД. Цель исследования — выявление особенностей межполушарной асимметрии у сотрудников органов внутренних дел, присущих тому или иному типу профиля латеральной организации мозга. Теоретические положения доказаны экспериментальной частью исследования, в ходе которого: 1) определены типы ПЛО у сотрудников органов внутренних дел; 2) выявлена взаимосвязь между типом ПЛО и индивидуально-психологическими особенностями (саморегуляция, стиль мышления, аддиктивность личности, толерантность к неопределенности)..

Ключевые слова: профиль латеральной организации мозга (ПЛО), саморегуляция, амбидекстры, леворукие, праворукие, сотрудники органов внутренних дел.

Для цитаты: *Рябова М.Г., Канунников Р.И.* Индивидуально-психологические особенности сотрудников органов внутренних дел с различными типами профиля латеральной организации мозга [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 14–29. DOI:10.17759/psylaw.2023130202

Individual Psychological Characteristics of Employees of Internal Affairs Bodies with Different Types of Lateral Brain Organization Profile

Maria G. Ryabova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Roman I. Kanunnikov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

The article is devoted to the study of individual psychological characteristics of employees of the internal affairs bodies with different types of lateral brain organization (PLO) profile. Determination of psychological qualities, for a specific type of PLO contributes to the successful completion of service to an employee of the Department of Internal Affairs. The purpose of the study is to identify the individual psychological characteristics of employees of the internal affairs bodies inherent in a particular type of profile of the lateral organization of the brain, influencing the performance of official activities. The theoretical provisions are proved by the experimental part of the study, during which: 1) the types of PLO among employees of internal affairs bodies are determined; 2) the relationship between the type of PLO and individual psychological characteristics is revealed: (self-regulation, style of thinking, personality addiction, tolerance to uncertainty).

Keywords: the profile of the lateral organization of the brain (PLO), self-regulation, ambidextrous, left-handed, right —handed, law enforcement officers.

For citation: Ryabova M.G., Kanunnikov R.I. Motivation and Self-Control Features in Cadets of Ministry of Internal Affairs Universities at Different Stages of Training. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 14–29. DOI:10.17759/psylaw.2023130202 (In Russ.).

Введение

Проблема значимых индивидуально-психологических различий, а также различий процессов саморегуляции при разных вариантах латеральных профилей межполушарной асимметрии, по нашему мнению, требует пристального внимания, так как специфика выполнения служебной деятельности в органах внутренних дел носит экстремальный характер, поэтому предъявляются высокие требования к личности сотрудника. Выполнение функциональных обязанностей сотрудником на должном уровне требует от него наличия определенных психологических качеств, таких как: психофизиологическая выносливость, эмоциональная устойчивость, самообладание, способность рационально действовать в экстремальных ситуациях, способность к самоорганизации и саморегуляции и др., которые могут быть связаны с межполушарной организацией мозговой активности[9].

Вопросами изучения ПЛО занимались такие ученые, как Р. Хиллиард [13] — влияние латеральности полушария на задачу распознавания лиц; А.Р. Лурия [5]—концепция о струк-

турно-функциональных блоках мозга; О.Н. Котцова[4] — взаимосвязь межполушарной функциональной асимметрии и индивидуально-психологических и личностных особенностей и др.

Одним из основных понятий в контексте данной работы является понятие функциональной (межполушарной) асимметрии мозга. Под функциональной (межполушарной) асимметрией мозга понимается преобладание в нервно-психической деятельности одного полушария над другим. Чаще всего данный аспект рассматривается как результат эволюции функциональной дифференциации его мозга.

Профиль латеральной организации мозга (ПЛО) — это индивидуальное сочетание функциональной асимметрии полушарий головного мозга, характерное для определенной личности. В основе профиля латеральной организации мозга лежит функциональная асимметрия, которая определяется неравнозначностью участия больших полушарий головного мозга человека в протекании различных процессов в организме. Виды функциональной асимметрии принято делить на три совокупности: моторную, сенсорную и психическую асимметрию человека [6].

Существует множество подходов к определению профиля латеральной организации и изучению его особенностей. Одним из наиболее разработанных подходов является концепция Е.Д. Хомской. Оценка асимметрии ПЛО осуществляется на основании трех анализаторных систем: мануальной, слухоречевой и зрительной. В связи с этим асимметрия может быть разной степени.

Е.Д. Хомская объединяла возможные варианты ПЛО в пять типов:

1. «чистые» правши (профиль ППП — преобладание правой руки, правого уха и правого глаза);
2. праворукие;
3. амбидекстры;
4. леворукие;
5. «чистые» левши [7].

В исследованиях В.Ю. Будиловой указывается на то, что у людей имеется доминирующее полушарие головного мозга. У человека с левополушарным типом организации мозга в качестве доминирующего полушария выступает левое полушарие. У таких людей наблюдается склонность к абстрагированию.

Люди с правополушарным типом организации головного мозга характеризуются дивергентным типом мышления. Если сравнить левополушарных и правополушарных людей, то можно сделать вывод о том, что эти люди по-разному приспосабливаются к миру, используя свои способности. Доминирующее полушарие помогает человеку определиться со своей будущей профессией и выполнять ее в последующем на более высоком уровне[1].

Н.А. Могучева в своих исследованиях, отмечает, что существует взаимосвязь между межполушарной функциональной асимметрией и индивидуально-психологическими особенностями. Так, у праворуких и чистых правшей наиболее сформировано стремление к саморегуляции. Такое стремление обусловлено в первую очередь планированием своей деятельности, желание контролировать не только свою деятельность, но и деятельность окружающих. В.Ф. Родин отмечает, что саморегуляцию следует рассматривать как активизацию сознания, направленную на выполнение поставленной задачи [10].

М.А. Чуносков, М.А. Таранин доказывают, что от саморегуляции зависит успешность или неуспешность выполнения сотрудниками органов внутренних дел служебной деятельности

[11]. В работах О.А. Жидковой раскрывается влияние эмоций на саморегуляцию в процессе адаптации сотрудников полиции к выполнению служебных задач. Отличие «чистых правшей» от праворуких испытуемых заключается в том, что «чистые правши» терпимы к возникновению каких-либо ситуаций неопределенности и не испытывают дискомфорта в межличностных отношениях, а праворукие испытуемые испытывают дискомфорт при возникновении ситуации неопределенности в межличностных отношениях. Возможно, это зависит от того, что они отличаются наличием эмоциональных переживаний при изменяющихся условиях [2].

Ю.П. Игнатова, И.И. Макарова считают, что «чистые левши» в меньшей степени способны продумывать план своих действий, ставить перед собой конкретные цели и достигать их, резко реагируют на критику со стороны других людей и с трудом адаптируются к новым условиям окружающей действительности. Также они отличаются широким взглядом на окружающую действительность, не связанным детальным анализом определенной проблемы. Возможно, это связано с тем, что они не считают должным погружаться в проблему и пытаться подстроиться под ее решение [3].

«Чистые левши» испытывают стремление к ясности и упорядоченности во всем, избеганию неопределенности. Также они редко фиксируются на эмоциональных переживаниях, в том числе на каком либо воздействии. Данные показатели, возможно, свидетельствуют о том, что у «чистых левшей» имеется способность решать собственные проблемы по определенному постоянному плану работы без ухода от реальности [12].

По мнению Т.В. Пономаревой и Т.В. Бушуевой, амбидекстры характеризуются неумением и нежеланием планировать что либо, трудностями в определении цели, но помимо этого у них сформирована адекватная самооценка. Также для них присущи все стили мышления, как и для праворуких испытуемых, что способствует быстрому и легкому перестраиванию своих приемов и стратегий поведения [8]. Стремление к новизне и оригинальности у амбидекстров, сопровождающееся как принятием неопределенности, так и непринятием неопределенности в определенных ситуациях, связано с тем, что они непостоянны в своем поведении и испытывают сильные эмоциональные переживания определенных проблем. Все это приводит к сложностям самоорганизации и саморегулирования поведения.

К наиболее важным индивидуально-психологическим особенностям сотрудников полиции, влияющим на эффективность выполнения служебной деятельности, можно отнести: саморегуляцию поведения, стиль мышления, умение выстраивать межличностные отношения [9].

Обладая знаниями об индивидуально-психологических особенностях сотрудников ОВД, связанных с признаками латеральной организации мозга, можно предположить, что праворукие сотрудники имеют более высокий уровень саморегуляции и самостоятельности в организации произвольной активности по сравнению с амбидекстрами и леворукими, которые менее способны к сохранению внутренней стабильности.

Методика

В исследовании приняли участие 152 сотрудника органов внутренних дел в возрасте от 22 до 46 лет. Из них — 127 лиц мужского и 25 женского пола.

В ходе экспериментального исследования применялись следующие методики: опросник Аннет (доминирование руки); моторные пробы Е.Д. Хомской; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; опросник «Стили мышления» Р. Брэймсона и А Харрисона; новый опросник толерантности к неопределенности «НТН» Т.В. Корниловой.

В результате обработки данных, полученных с помощью опросника Аннет и моторных проб Е.Д. Хомской, все испытуемые были разделены на 5 групп по типу профиля латеральной организации мозга (см. рис. 1).

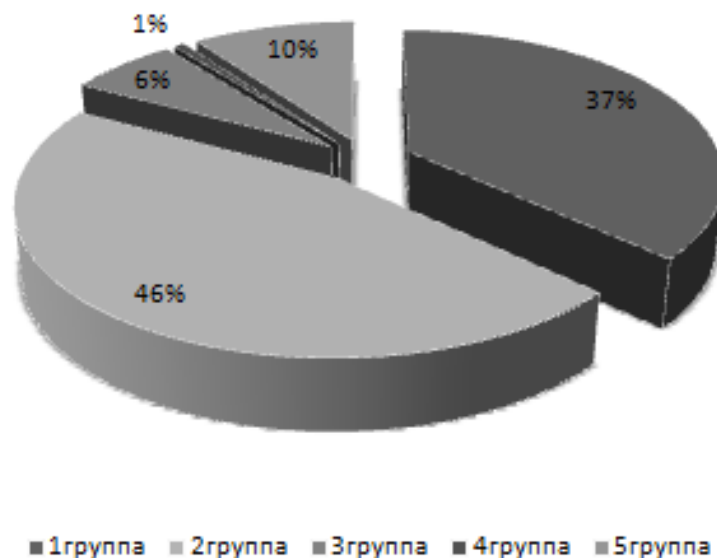

Рис. 1. Профиль латеральной организации мозга:

1-я группа — «чистые правши»; 2-я группа — праворукие испытуемые; 3-я группа — амбидекстры; 4-я группа — леворукие испытуемые; 5-я группа — «чистые левши»

Полученные данные были распределены таким образом, что большую часть респондентов составляют сотрудники органов внутренних дел, имеющие вторую группу ПЛО, (праворукие испытуемые) — 46%, а также испытуемые с первой группой ПЛО (чистые правши) — 37%. При этом очень редко наблюдается четвертый тип ПЛО (леворукие испытуемые) — только 1%, в связи с чем эта группа испытуемых была исключена из дальнейшего анализа показателей.

При помощи опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой были выявлены особенности саморегуляции обследуемых групп. Полученные данные были подвергнуты сравнительному анализу (критерий Краскала — Уоллиса) с помощью компьютерной программы IBMSPSS Statistics for Windows. В результате были выявлены статистически значимые различия по следующим шкалам:

1. шкала «Планирование» (1-я группа — 77,2; 2-я группа — 79,6; 3-я группа — 69,2; 5-я группа — 31,4; $p \leq 0,001$);
2. шкала «Моделирование» (1-я группа — 84,9; 2-я группа — 80,5; 3-я группа — 52,4; 5-я группа — 47,1; $p \leq 0,003$);
3. шкала «Программирование» (1-я группа — 81,8; 2-я группа — 82,1; 3-я группа — 56,1; 5-я группа — 48,6; $p \leq 0,009$);
4. шкала «Оценка результатов» (1-я группа — 84,9; 2-я группа — 66,9; 3-я группа — 79,9; 5-я группа — 89,1; $p \leq 0,065$);
5. шкала «Гибкость» (1-я группа — 86,9; 2-я группа — 72,2; 3-я группа — 94,8; 5-я группа — 51,2; $p \leq 0,01$);
6. шкала «Общий уровень саморегуляции» (1-я группа — 87,9; 2-я группа — 78,2; 3-я группа — 49,0; 5-я группа — 46,8; $p \leq 0,02$) (рис. 2).

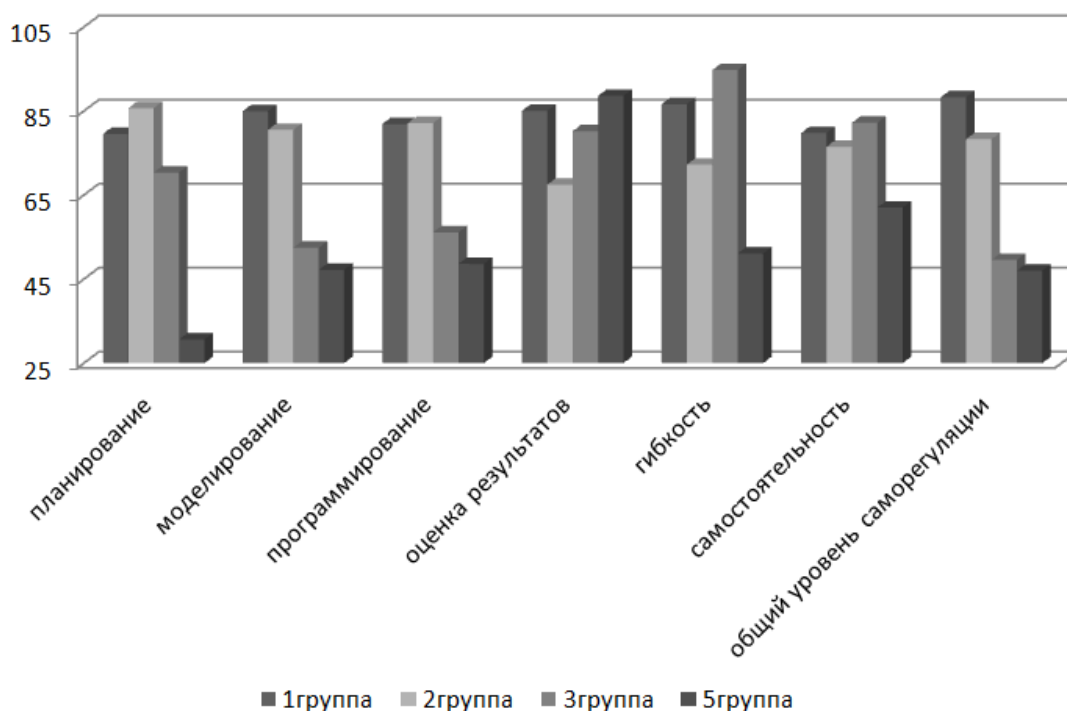

Рис. 2. Особенности саморегуляции сотрудников ОВД с различными типами ПЛО:
 1-я группа — «чистые правши»; 2-я группа — праворукие испытуемые;
 3-я группа — амбидекстры; 5-я группа — «чистые левши»

Анализируя полученные данные можно заключить, что более высокие значения по шкале «Планирование» показали праворукие испытуемые и «чистые правши». У них планы зачастую реалистичны, детализированы и устойчивы, они всегда идут к достижению поставленных целей. Более низкие показатели были обнаружены у сотрудников с 5-м типом ПЛО — «чистые левши»; в данном случае цели подвержены частой смене, они выдвигаются ситуативно и редко достигаются.

Более высокие значения по шкале «Моделирование» показали праворукие и «чистые правши». Это говорит о том, что они в большей степени способны выделять значимые для них цели, определять дальнейшую стратегию своего поведения.

Шкала «Оценка результатов» характеризует индивидуальные достижения в служебной деятельности, основанные на стремлении к адекватной самооценке у «чистых левшей». Также аналогичные показатели имеют «чистые правши» и амбидекстры.

Склонность к развитости такого компонента саморегуляции, как «гибкость» показали амбидекстры, «чистые правши» и праворукие испытуемые. Для них характерна пластичность и гибкость при выполнении служебной деятельности. Более низкие значения отмечаются у «чистых левшей», которые неадекватно реагируют на критику в свой адрес, проявляют обидчивость и подозрительность.

По шкале «Общий уровень саморегуляции» в большей степени самостоятельны в принятии решений праворукие испытуемые и «чистые правши». У амбидекстров и «чистых левшей» общий уровень саморегуляции — на среднем уровне. Оценивая результаты по единой шкале «Общий уровень саморегуляции», мы видим, что у испытуемых с правосторонней

асимметрией более сформирована индивидуальная саморегуляция, чем у испытуемых с левосторонней и равносторонней асимметрией.

Таким образом, оценивая результаты методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, можно говорить о том, что у испытуемых с первым и вторым типом ПЛЮ («чистые правши» и праворукие) в большей мере сформированы все показатели индивидуальной саморегуляции. Это говорит о том, что люди с правосторонней асимметрией мозга обладают способностью к управлению своим психоэмоциональным состоянием, больше приспособлены к сохранению внутренней стабильности организма, умеют продумывать способы своих действий, а также быстро реагировать на изменения окружающей действительности.

У респондентов с третьим типом ПЛЮ (амбидекстры) более развиты такие показатели саморегуляции, как планирование, оценка результатов, гибкость и самостоятельность. Но в малой степени развиты показатели моделирования и программирования. Это говорит о том, что у амбидекстров более сформирована адекватность самооценки, осознанность и самостоятельность в планировании деятельности.

У испытуемых с пятым типом ПЛЮ («чистые левши») в большей степени сформирована адекватность самооценки и результатов своих действий. Но остальные показатели саморегуляции развиты на более низком уровне, такие как планирование, моделирование, программирование, гибкость и самостоятельность. Это свидетельствует о том, что «чистые левши» в меньшей степени способны продумывать план своих действий, ставить перед собой конкретные цели и достигать их, резко реагируют на критику со стороны других людей, с трудом адаптируются к новым условиям окружающей действительности.

Далее нами были проанализированы результаты опросника «Стили мышления» Р. Брэймсона и А. Харрисон.

В результате выявлены статистически значимые различия по следующим шкалам:

1. «Синтетический стиль мышления» (1-я группа — 87,95; 2-я группа — 57,32; 3-я группа — 85,31; 5-я группа — 45,50; $p \leq 0,001$);
2. «Прагматический стиль мышления» (1-я группа — 76,47; 2-я группа — 71,97; 3-я группа — 76,31; 5-я группа — 31,23; $p \leq 0,001$);
3. «Аналитический стиль мышления» (1-я группа — 64,72; 2-я группа — 68,60; 3-я группа — 50,63; 5-я группа — 93,33; $p \leq 0,078$);
4. «Реалистический стиль мышления» (1-я группа — 63,05; 2-я группа — 83,48; 3-я группа — 80,88; 5-я группа — 23,43; $p \leq 0,001$) (рис. 3).

Исходя из полученных данных, можно заключить следующее, что синтетический стиль мышления преобладает у «чистых правшей» и амбидекстров. Данные испытуемые в большей степени стремятся к созданию чего-то нового и оригинального, к комбинированию не сходных, часто противоположных идей и взглядов. Они чувствительны к противоречиям и рассуждениям других людей и взглядов. Праворукие испытуемые и «чистые левши» менее обладают навыками синтетического стиля мышления, не стремятся к познанию чего-то нового и неизвестного.

Идеалистический стиль мышления преобладает у «чистых правшей» и праворуких испытуемых. Данные респонденты склонны представлять окружающую действительность лучше, чем она есть на самом деле, они испытывают повышенный интерес к определенным целям и действиям и при решении конфликтных ситуаций всегда идут на компромисс.

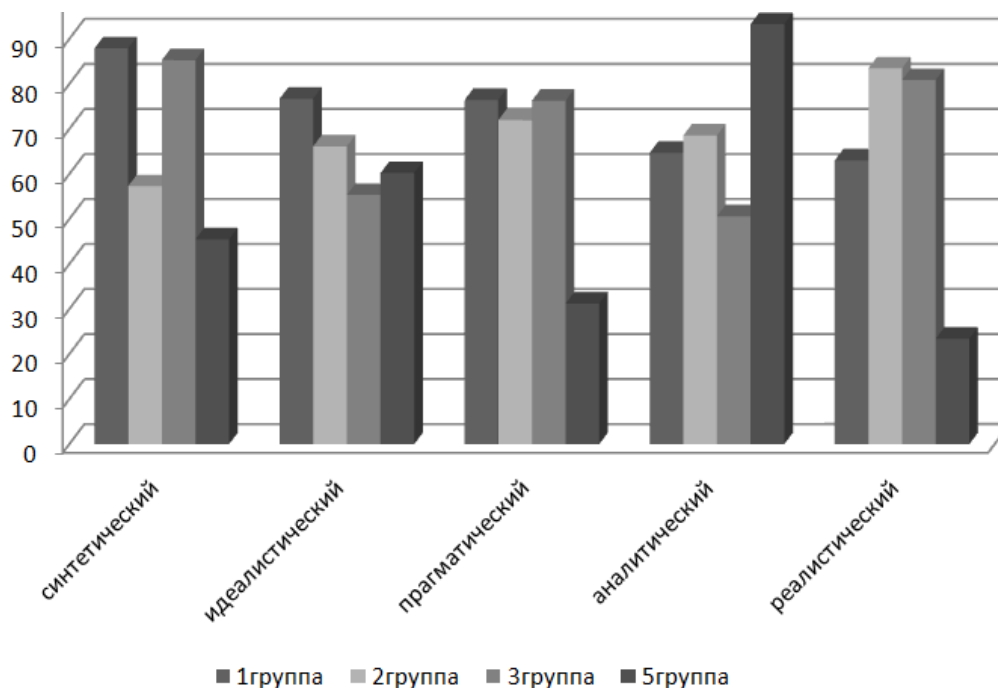

Рис. 3. Особенности стилей мышления сотрудников с различными типами ЛЛО:
1-я группа — «чистые правши»; 2-я группа — праворукие испытуемые;
3-я группа — амбидекстры; 5-я группа — «чистые левши»

Прагматический стиль мышления характерен в большей степени для «чистых правшей», праворуких испытуемых и амбидекстров. Для данных респондентов характерно планировать и реализовывать жизненную стратегию, абстрагироваться от ненужных мелочей и действовать по плану. «Чистые левши» в меньшей степени обладают навыками прагматического стиля мышления, они не умеют ставить конкретные жизненные цели и находить рациональные способы их воплощения.

Более высокие показатели по аналитическому стилю мышления были определены у «чистых левшей». Это говорит о том, что они умеют анализировать и склонны к рассуждениям, способны прогнозировать процессы и разрабатывать перспективные программы развития. Амбидекстры показали более низкие результаты по данной шкале, они не обладают навыками синтеза определенной проблемы.

Реалистический стиль мышления преобладает у праворуких испытуемых и амбидекстров. Данные испытуемые отличаются тем, что критично воспринимают все происходящие события. Низкие значения были обнаружены у «чистых левшей», они характеризуются тем, что живут в наивном восприятии окружающей действительности.

Таким образом, оценивая результаты по опроснику «Стили мышления» Р. Брэймсона и А. Харрисона, можно говорить о том, что испытуемым с первым типом ЛЛО («чистые правши») в большей степени присущи все стили мышления. Для респондентов со вторым типом ЛЛО (праворукие) более характерны идеалистический, прагматический, аналитический и реалистический стили мышления. Для испытуемых с третьим типом ЛЛО (амбидекстры) в большей степени присущи синтетический, идеалистический, прагматический и реалистический стили мышления. А для испытуемых с пятым типом ЛЛО (чистые левши) более свойственны аналитический и идеалистический стили мышления. Можно предположить, что такие

результаты зависят от того, что выраженность разных стилей мышления у испытуемых с правосторонним и равносторонним (амбидекстры) профилем организации мозга обеспечивает способность легче перестраивать свои приемы и стратегии поведения. Испытуемые с левосторонним профилем организации мозга отличаются широким взглядом на окружающую действительность, не связанным детальным анализом определенной проблемы. Возможно, это связано с тем, что они не хотят должным образом погружаться в проблему и пытаются подстроиться под ее решение.

Следующим этапом сравнительного анализа являлась обработка опросника «Толерантность к неопределенности» Т.В. Корниловой и методики диагностики аддиктивной идентичности.

Нами были выявлены статистически значимые различия по следующим шкалам:

5. «Толерантность к неопределенности» (1-я группа — 69,91; 2-я группа — 87,55; 3-я группа — 84,40; 5-я группа — 40,07; $p \leq 0,001$);
6. «Интолерантность к неопределенности» (1-я группа — 65,79; 2-я группа — 83,29; 3-я группа — 79,95; 5-я группа — 86,13; $p \leq 0,12$);
7. «Межличностная интолерантность к неопределенности» (1-я группа — 57,55; 2-я группа — 92,51; 3-я группа — 71,20; 5-я группа — 71,53; $p \leq 0,001$);
8. «Аддиктивная идентичность» (1-я группа — 68,19; 2-я группа — 86,72; 3-я группа — 90,50; 5-я группа — 41,83; $p \leq 0,002$) (рис. 4).

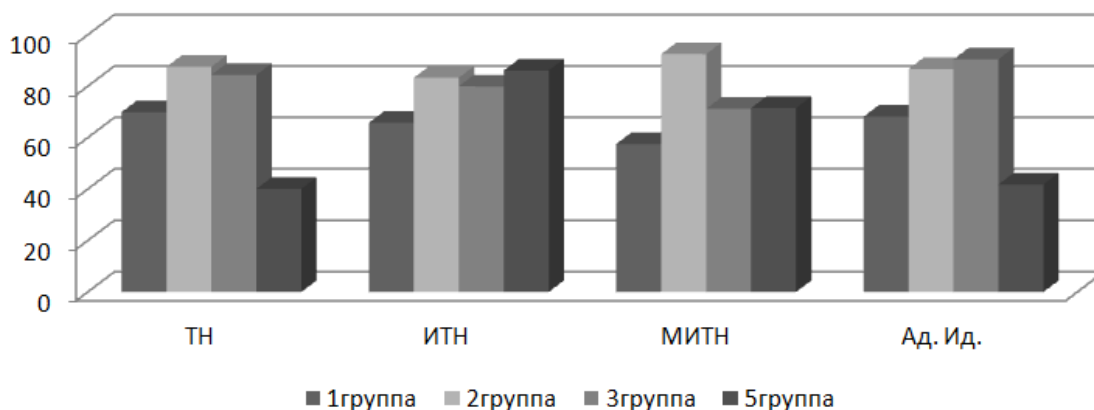

Рис. 4. Особенности толерантности к неопределенности и аддиктивной идентичности у сотрудников ОВД с различными типами ПЛО:

1-я группа — «чистые правши»; 2-я группа — праворукие испытуемые; 3-я группа — амбидекстры; 5-я группа — «чистые левши»; ТН — толерантность к неопределенности; ИТН — интолерантность к неопределенности; МИТН — межличностная интолерантность к неопределенности; Ад.Ид. — аддиктивная идентичность

Более высокие значения по шкале «Толерантность к неопределенности» показали «чистые правши», праворукие испытуемые и амбидекстры. Для них важно стремление к новизне и к сложным, неординарным задачам.

Шкала «Интолерантность к неопределенности» характерна в большей степени для амбидекстров и «чистых левшей». На первом плане у таких сотрудников находятся не ценности, а принципы.

Шкала «Межличностная интолерантность к неопределенности» характерна для праворуких испытуемых и раскрывает стремление сотрудников полиции к контролю межличностных отношений.

По шкале «Аддиктивная идентичность» амбидекстры и праворукие склонны к сильным эмоциональным фиксациям и переживаниям в изменившихся условиях, в том числе на каких-либо воздействиях, по сравнению «чистыми левшами» и «чистыми правшами».

Таким образом, оценивая результаты по опроснику «НТН» Т.В. Корниловой и методике диагностики аддиктивной идентичности, можно сделать вывод о том, что «чистые правши» отличаются стремлением к новизне и оригинальности, идут к достижению намеченных целей, терпимы к возникновению каких-либо ситуаций неопределенности и не испытывают дискомфорта в межличностных отношениях. Возможно, это связано с тем, что, с одной стороны, способность адаптироваться в сложных и неизведанных ситуациях является профессионально важным качеством при прохождении службы в органах внутренних дел, а с другой стороны, служба способствует развитию адаптации.

Праворукие испытуемые также идут к достижению намеченных целей, но при возникновении ситуации неопределенности, в том числе в межличностных отношениях, испытывают дискомфорт. Возможно, это зависит от того, что они отличаются наличием эмоциональных переживаний при изменяющихся условиях.

Можно предположить, что наличие у амбидекстров как стремления к новизне и оригинальности, сопровождающиеся принятием неопределенности, так и непринятием неопределенности в определенных ситуациях, связано с тем, что они непостоянны в своем поведении и испытывают сильные эмоциональные переживания определенных проблем.

«Чистые левши» испытывают стремление к ясности и упорядоченности во всем, стремятся избегать не определенности. Также они редко фиксируются на эмоциональных переживаниях, в том числе на каком-либо воздействии. Данные показатели, возможно, свидетельствуют о том, что у «чистых левшей» имеется способность решать собственные проблемы по определенному постоянному плану работы без ухода от реальности.

«Чистые правши» и праворукие испытуемые обладают способностью к управлению своим психоэмоциональным состоянием, приспособлены к сохранению внутренней стабильности организма, продумыванию способов своих действий, а также быстро адаптируются в окружающей действительности. Также у данных испытуемых выражены разные стили мышления, что обеспечивает способность легче перестраивать свои приемы и стратегии поведения. Помимо этого они отличаются стремлением к новизне и оригинальности, идут к достижению намеченных целей.

С целью выявления особенностей взаимосвязей, профиля латеральной организации мозга со стилями мышления нами был проведен корреляционный анализ с помощью непараметрических критериев тау Кендалла и Спирмена. Корреляционный анализ по критерию Спирмена был использован для выявления взаимосвязей параметров у испытуемых с 3-м и 5-м типами ПЛО. Данная обработка проводилась с помощью компьютерной программы IBMSPSS Statistics for Windows.

В результате были выявлены статистически значимые взаимосвязи на 0,01 и 0,05 уровне значимости.

У сотрудников с 1-м типом ПЛО наибольшее количество связей имеет шкала «Аналитический стиль мышления». Данная шкала содержит умеренные положительные связи со следующими шкалами: «Оценка результатов» ($r=0,35$; $p\leq 0,01$), «Общий уровень саморегуляции» ($r=0,37$; $p\leq 0,01$), «Моделирование» ($r=0,38$; $p\leq 0,01$)— и отрицательную связь со шкалой «Межличностная интолеранность к неопределенности» ($r=-0,28$; $p\leq 0,01$). Шкала «Аддиктивная идентичность», в свою очередь, положительно взаимосвязана со шкалами «Самостоя-

тельность» ($r=0,38$; $p\leq 0,01$) и «Межличностная интолерантность к неопределенности» ($r=0,30$; $p\leq 0,01$), а также отрицательно со шкалой «Моделирование» ($r=-0,32$; $p\leq 0,01$). Шкала «Синтетический стиль мышления» имеет обратную связь со шкалой «Самостоятельность» ($r=-0,32$; $p\leq 0,01$). Шкала «Толерантность к неопределенности» имеет отрицательную связь со шкалой «Реалистический стиль мышления» ($r=-0,28$; $p\leq 0,01$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что сотрудники с 1-м типом ПЛО с доминированием показателя по аналитическому стилю мышления обладают высоким уровнем саморегуляции, самостоятельны в принятии решений, а также способны выделять значимые условия для достижения собственных целей. При низкой способности к логическому стилю мышления характерно проявление дискомфорта в случае неопределенности отношений с окружающими. Наличие у испытуемых аддиктивной идентичности, проявляющейся в депрессивном состоянии и сильной фиксации на каком-либо воздействии, сопряжено с самостоятельностью и независимостью от окружающих, а также с присутствием дискомфорта при взаимоотношениях с людьми. Отсутствие у сотрудников аддиктивной идентичности будет служить развитию способности выделять значимые условия для достижения намеченных целей. Респонденты, стремящиеся к новизне и оригинальности, не будут отличаться самостоятельностью в принятии решений. Испытуемые, имеющие высокие значения по шкале «Реалистический стиль мышления», т.е. характеризующиеся конкретностью, стремлением вести свои дела безошибочно и с полной уверенностью в их правильности, будут стремиться к обычным стандартам решения задач без внесения изменений и какой-либо новизны.

В группе испытуемых со 2-м типом ПЛО наибольшее количество связей имеет шкала «Межличностная интолерантность к неопределенности», которая содержит умеренные отрицательные связи со следующими шкалами: «Моделирование» ($r=-0,43$; $p\leq 0,01$), «Оценка результатов» ($r=-0,31$; $p\leq 0,01$), «Гибкость» ($r=-0,32$; $p\leq 0,01$), «Аналитический стиль мышления» ($r=-0,35$; $p\leq 0,01$) — и одну положительную связь со шкалой «Реалистический стиль мышления» ($r=0,28$; $p\leq 0,01$). Шкала «Аналитический стиль мышления» также имеет максимальное количество связей, а именно, умеренные положительные связи со следующими шкалами: «Программирование» ($r=0,30$; $p\leq 0,01$), «Гибкость» ($r=0,30$; $p\leq 0,01$), «Интолерантность к неопределенности» ($r=0,27$; $p\leq 0,01$) — и отрицательную связь со шкалой «Аддиктивная идентичность» ($r=-0,38$; $p\leq 0,01$). Шкала «Аддиктивная идентичность», в свою очередь, имеет обратную связь со шкалой «Гибкость» ($r=-0,33$; $p\leq 0,01$) и прямую связь со шкалой «Прагматический стиль мышления» ($r=0,39$; $p\leq 0$).

Можно сделать вывод о том, что у испытуемых со 2-м типом ПЛО межличностная интолерантность к неопределенности определяется реалистическим стилем мышления. То есть у испытуемых данной группы потребность в контроле своей деятельности и критичное отношение к окружающей действительности приводят к появлению дискомфорта в случае неопределенности в межличностных отношениях. Отсутствие у сотрудников межличностной интолерантности к неопределенности будет сочетаться с появлением таких компонентов, как моделирование, оценка результатов, гибкость, аналитический стиль мышления. Это говорит о том, что стремление к достижению поставленных целей, адекватная самооценка, сформированность пластичности всех регуляторных процессов и склонность к аналитическим рассуждениям связаны с развитием в положительную сторону межличностных отношений и устранению дискомфорта в создании новых контактов с окружающими людьми.

При определении аналитического стиля мышления выделяются следующие компоненты: программирование, интолерантность к неопределенности и гибкость. Это означает, что у со-

трудников со 2-м типом ПЛО доминирование склонности к аналитическим рассуждениям приводит к способности продумывать свое поведение и быстро перестраивать его в изменившихся условиях, стремлению к ясности и нетерпимости к неопределенности в межличностных отношениях. В то же время способность к аналитическим рассуждениям, а также умение быстро перестраивать свое поведение под ход новых событий будет подавлять возникновение аддиктивной идентичности, проявляющееся в уходе от реальности, неуверенности в себе и депрессивных тенденциях. Испытуемым, опирающимся на непосредственный личный опыт и использование той информации, которая легко доступна, т.е. обладающим прагматическим стилем мышления, свойственно наличие компонента аддиктивной идентичности, характеризующейся депрессивными тенденциями.

В группе испытуемых с 3-м типом ПЛО была выявлена положительная связь между шкалами: «Самостоятельность» и «Межличностная интолеранность к неопределенности» ($r=0,76$; $p\leq 0,05$), «Аддиктивная идентичность» и «Прагматический стиль мышления» ($r=0,85$; $p\leq 0,01$).

Сотрудники с 3-м типом ПЛО опираются на непосредственный личный опыт и используют ту информацию, которая легко доступна, т.е. обладают прагматическим стилем мышления. Им свойственно наличие компонента аддиктивной идентичности, проявляющейся в уходе от реальности, неуверенности в себе и депрессивном состоянии. В другом случае испытуемые, способные к самостоятельности в принятии решений и независимости от окружающих, будут испытывать дискомфорт при неопределенности межличностных отношений.

У сотрудников с 5-м типом ПЛО наибольшее количество связей имеет шкала «Синтетический стиль мышления», которая содержит умеренные положительные связи со следующими шкалами: «Моделирование» ($r=0,55$; $p\leq 0,05$), «Программирование» ($r=0,52$; $p\leq 0,05$), «Гибкость» ($r=0,67$; $p\leq 0,01$), «Оценка результатов» ($r=0,65$; $p\leq 0,01$), «Толерантность к неопределенности» ($r=0,70$; $p\leq 0,01$) — и одну отрицательную связь со шкалой «Межличностная интолерантность к неопределенности» ($r=-0,73$; $p\leq 0,01$).

Сотрудники с 5-м типом ПЛО, стремящиеся создавать что-то новое и оригинальное из противоположных идей и взглядов, а так же чувствительные к противоречивым рассуждениям других и питающие повышенный интерес к парадоксам и конфликтам идей, характеризуются пластичностью мышления и поведения. Помимо этого, данная группа сотрудников обладает способностью к детальному продумыванию способов своих действий, способностью выделять значимые условия для достижения намеченных целей, стремлением к новизне и оригинальности.

Также респонденты способны к ограничению себя от дискомфорта в установлении межличностных отношений. Сотрудники, имеющие идеалистический стиль мышления, т.е. обладающие широким взглядом на окружающую действительность, предпочитают добиваться намеченных целей через более сложные задачи, имея выход за рамки ограничений. Для сотрудников, проявляющих дискомфорт при неопределенности межличностных контактов, не будет свойственно выстраивание своего поведения на основе практического опыта. Для данной группы испытуемых с наличием аддиктивной идентичности, проявляющейся в уходе от реальности и фиксации на каком-либо воздействии и со стремлением к ясности и упорядоченности во всем, будет свойственна самостоятельность в принятии решений. Респонденты, для которых характерен реалистический стиль мышления, т.е. критичность восприятия окружающей действительности, не будут стремиться к ясности и упорядоченности во всем, но для них будет свойственно детальное планирование своего поведения. Для сотрудников,

склонных к аналитическим рассуждениям, не будет свойственно детальное планирование своего поведения.

Выводы

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что у сотрудников с 1-м типом ПЛО («чистые правши») наличие высокого уровня саморегуляции и самостоятельности в принятии решений связано со склонностью к аналитическим рассуждениям. Возможно, это зависит от того, что испытуемые чаще всего проявляют высокие волевые качества и упорство в решении задач посредством детального анализа определенной проблемы. Наличие аддиктивной идентичности у респондентов сопряжено с самостоятельностью и независимостью, а его отсутствие — со способностью выделять значимые условия для достижения целей. Вероятно, депрессивные состояния и эмоциональные переживания способствуют стремлению личности показывать свое отличие и независимость от окружающих.

Для сотрудников со 2-м типом ПЛО (праворукие испытуемые) характерно наличие дискомфорта в случае неопределенности межличностных отношений, сопровождающееся потребностью в контроле своей деятельности, а при отсутствии дискомфорта и аддиктивной идентичности у испытуемых выражены адекватная самооценка, склонность к аналитическим рассуждениям и стремление к достижению поставленных целей. Возможно, такие показатели свидетельствуют о том, что праворукие испытуемые даже при возникновении какого-либо неудобства или беспокойства способны осознанно подходить к проблеме и быстро ее решать. Но наличие прагматического стиля мышления будет способствовать появлению аддиктивной идентичности.

Для респондентов с 3-м типом ПЛО (амбидекстры), опирающихся на непосредственный опыт, свойственно наличие аддиктивной идентичности. Возможно, это связано с тем, что неуверенность в себе и депрессивные состояния возникают только в том случае, если сотрудник не хочет находить новые пути решения определенной проблемы. Также было выявлено, что независимость и самостоятельность сотрудников сопряжены с проявлением дискомфорта при неопределенности межличностных отношений.

Сотрудники с 5-м типом ПЛО («чистые левши»), которые не стремятся к выстраиванию своего поведения на основе практического опыта, не умеют подстраиваться под ход новых событий и не способны к сохранению внутренней стабильности на относительно постоянном уровне, характеризуются проявлением дискомфорта в случае неопределенности межличностных отношений. Возможно, данные результаты зависят от того, что «чистые левши» испытывают постоянные беспокойства в установлении новых контактов, что откладывает отпечаток на их дальнейшую жизнедеятельность. Также было выявлено, что для данной группы испытуемых свойственно состояние аддиктивной идентичности, сопровождающееся проявлением самостоятельности и независимости от окружающих. Вероятно, это связано с тем, что сотрудники с 5-м типом ПЛО при возникновении конфликтных ситуаций не идут на компромисс и пытаются тем самым показать свою уникальность.

Таким образом, в рамках данной работы были определены особенности межполушарной асимметрии у сотрудников органов внутренних дел, присущих тому или иному типу профиля латеральной организации мозга. Результаты исследования могут оказать помощь в разработке практических рекомендаций по расстановке кадров в зависимости от предъявляемых требований к занимаемой должности.

Рябова М.Г., Канунников Р.И.
Индивидуально-психологические особенности
сотрудников органов внутренних дел с различными
типами профиля латеральной организации мозга
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 14–29.

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.
Individual Psychological Characteristics of Employees
of Internal Affairs Bodies with Different Types
of Lateral Brain Organization Profile
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 14–29.

Литература

1. Бойченко А.С. Половой диморфизм функциональной асимметрии мозга как фактор адаптационных возможностей современного студента // Вестник университета. 2014. № 17. С. 276–279.
2. Жидкова О.А. Эмоционально-волевая саморегуляция как основа адаптационного потенциала сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 202–206.
3. Игнатова Ю.П., Макарова И.И., Зенина О.Ю., Аксенова А.В. Современные аспекты изучения функциональной межполушарной асимметрии мозга (обзор литературы) [Электронный ресурс] // Экология человека. 2016. № 9. С. 30–39. doi:10.33396/1728-0869-2016-9-30-39
4. Котцова О.Н., Аникина Н.Ю., Грибанов А.В. Структурно-функциональные особенности физиологических систем у лиц с различными типами полушарного доминирования (обзор) [Электронный ресурс] // Экология человека. 2019. № 8. С. 32–40. doi:10.33396/1728-0862-8-32-40
5. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: Учебное пособие. М.: Академия, 2013. 324 с.
6. Мазикин И.М., Лапкин М.М., Акулина М.В., Чингина Е.Н. Влияние межполушарной асимметрии на результативность физической активности // Теория и практика физической культуры. 2021. № 8. С. 89–90.
7. Самохин М.В. Межполушарная асимметрия головного мозга // Современная терапия в психиатрии и неврологии. 2019. № 1. С. 22–25.
8. Пономарева Т.В., Бушуева Т.В. Возрастные особенности функциональной межполушарной асимметрии: научный аспект // Наука-2020. 2019. № 8 (33). С. 94–101.
9. Проскуракова Л.А. Анализ уровня саморегуляции и компонентов эмоционального состояния у сотрудников полиции: результаты практической работы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 83–95. doi:10.17759/psylaw.2022120407
10. Родин В.Ф. Саморегуляция психических состояний сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 271–275. doi:10.24411/2073-0454-2019-10180
11. Чуносков М.А., Таранин М.А. Психологическая саморегуляция как условие успешного выполнения сотрудником органов внутренних дел оперативно-служебных задач // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-3. С. 371–373.
12. Широкова И.В. Психологические аспекты леворукости: понятие, причины, особенности [Электронный ресурс] // Комплексные исследования детства. 2019. Том 1. № 1. С. 73–79. doi:10.33910/2687-0223-2019-1-1-73-79
13. Hilliard R. Hemispheric Laterality Effects on a Facial Recognition Task in Normal Subjects // Cortex. 1973. Vol. 9(3). P. 246–258. doi:10.1016/s0010-9452(73)80002-4

References

1. Boichenko A.S. Polovoi dimorfizm funktsional'noi asimmetrii mozga kak faktor adaptatsionnykh vozmozhnostei sovremennogo studenta [Sexual dimorphism of brain functional asymmetry as a factor of adaptation opportunities of the modern student]. *Vestnik universiteta = Vestnik Universiteta*, 2014, no. 17, pp. 276–279. (In Russ.).
2. Zhidkova O.A. Emotsional'no-volevaya samoregulyatsiya kak osnova adaptatsionnogo potentsiala sotrudnikov politsii [Emotional-volitional self-regulation as the basis for the adaptative potential of police officers]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of*

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4 (76), pp. 202–206. (In Russ.).

3. Ignatova Yu.P., Makarova I.I., Zenina O.Yu., Aksenova A.V. Sovremennye aspekty izucheniya funktsional'noi mezhpolutsharnoi asimmetrii mozga (obzor literatury) [Current Aspects of Functional Hemispheric Asymmetry Studying (Literature Review) [Elektronnyi resurs]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2016, no. 9, pp. 30–39. doi:10.33396/1728-0869-2016-9-30-39 (In Russ.).

4. Kottsova O.N., Anikina N.Yu., Griбанov A.V. Strukturno-funktsional'nye osobennosti fiziologicheskikh sistem u lits s razlichnymi tipami polusharnogo dominirovaniya (obzor) [Structural-functional peculiarities of physiological systems in persons with different types of hemispheric domination (review)] [Elektronnyi resurs]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2019, no. 8, pp. 32–40. doi:10.33396/1728-0862-8-32-40 (In Russ.).

5. Luriya A.R. Osnovy neiropsikhologii: Uchebnoe posobie. Moscow: Akademiya, 2013. 324 p. (In Russ.).

6. Mazikin I.M., Lapkin M.M., Akulina M.V., Chingina E.N. Vliyanie mezhpolutsharnoi asimmetrii na rezul'tativnost' fizicheskoi aktivnosti [Effect of interhemispheric asymmetry on physical performance]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*, 2021, no. 8, pp. 89–90. (In Russ.).

7. Samokhin M.V. Mezhpolutsharnaya asimmetriya golovnogo mozga [Interhemispheric asymmetry of the brain]. *Sovremennaya terapiya v psikhiiatrii i nevrologii = Sovremennaya Terapiya v Psikhiiatrii i Nevrologii*, 2019, no. 1, pp. 22–25. (In Russ.).

8. Ponomareva T.V., Bushueva T.V. Vozrastnye osobennosti funktsional'noi mezhpolutsharnoi asimmetrii: nauchnyi aspekt [Age peculiarities of functional interhemispheric asymmetry: the scientific aspect]. *Nauka-2020 = Science-2020*, 2019, no. 8 (33). pp. 94–101. (In Russ.).

9. Proskuryakova L.A. Analiz urovnya samoregulyatsii i komponentov emotsional'nogo sostoyaniya u sotrudnikov politsii: rezul'taty prakticheskoi raboty [Analysis of the Level of Self-Regulation and Components of the Emotional State of Police Officers: Results of Practical Work] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 83–95. doi:10.17759/psylaw.2022120407 (In Russ.).

10. Rodin V.F. Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyanii sotrudnikov organov vnutrennikh del [Self-regulation of mental conditions of employees of internal affairs] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3, pp. 271–275. doi:10.24411/2073-0454-2019-10180 (In Russ.).

11. Chunosov M.A., Taranin M.A. Psikhologicheskaya samoregulyatsiya kak uslovie uspeshnogo vypolneniya sotrudnikom organov vnutrennikh del operativno-sluzhebnykh zadach [Psychological self-regulation as a condition for the successful fulfillment by the internal affairs officer of operational and service tasks]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 58-3, pp. 371–373. (In Russ.).

12. Shirokova I.V. Psikhologicheskie aspekty levorukosti: ponyatie, prichiny, osobennosti [Psychological aspects of left-handedness: concept, causes, and peculiarities] [Elektronnyi resurs]. *Kompleksnye issledovaniya detstva = Comprehensive Child Studies*, 2019. Vol. 1, no. 1, pp. 73–79. doi:10.33910/2687-0223-2019-1-1-73-79 (In Russ.).

13. Hilliard R. Hemispheric Laterality Effects on a Facial Recognition Task in Normal Subjects. *Cortex*. 1973. Vol. 9, no. 3, pp. 246–258. doi:10.1016/s0010-9452(73)80002-4

Рябова М.Г., Канунников Р.И.
Индивидуально-психологические особенности
сотрудников органов внутренних дел с различными
типами профиля латеральной организации мозга
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 14–29.

Ryabova M.G., Kanunnikov R.I.
Individual Psychological Characteristics of Employees
of Internal Affairs Bodies with Different Types
of Lateral Brain Organization Profile
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 14–29.

Информация об авторах

Рябова Мария Геннадьевна, кандидат психологических наук, заместитель начальника, кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Канунников Роман Игоревич, кандидат психологических наук, доцент, кафедра философии, психологии и гуманитарных дисциплин, Уральский юридический институт МВД России (УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Information about the authors

Maria G. Ryabova, PhD in Psychology, Deputy Head, Department of Philosophy, Psychology and Humanitarian Disciplines, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8119-4681>, e-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Roman I. Kanunnikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Philosophy, Psychology and Humanitarian Disciplines, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6260-6604>, e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

Получена 08.11.2022

Принята в печать 24.01.2023

Received 08.11.2022

Accepted 24.01.2023

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

Особенности личных и деловых качеств сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы

Мартirosова Н.В.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ); Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области (УМВД России по Архангельской области), г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5201-0209>, e-mail: martirosova2012@yandex.ru

Корнеева Я.А.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

Корнеева А.В.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7146-0800>, e-mail: arh.a.korneeva@gmail.com

В статье во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в ОВД Российской Федерации» рассматриваются вопросы реализации в ОВД нового подхода к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения системы МВД России, обсуждаются методы и методики, используемые психологами в рамках профессионального психологического отбора, выделены наиболее важные личностные и деловые качества сотрудников. Материалы исследования собраны в рамках реализации совместного исследовательского проекта, в котором приняли участие 634 кандидата на службу в ОВД Архангельской области. Личностные и деловые качества измерялись посредством перечня основных психологических тестов, регламентированных к применению на этапе профессионального отбора в ОВД. Сотрудники ОВД, уволившиеся на первом году службы, отличаются сниженным уровнем развития правосознания, более низкими интеллектуальными способностями и интернальностью, преобладанием потребности в хороших условиях труда, сниженной потребностью в достижениях, самосовершенствовании, в интересной и полезной работе.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор, личностные и деловые качества, профессиональная психологическая пригодность, профессионально важные качества, кандидаты на службу, ОВД, сотрудники, уволившиеся на первом году службы, текучесть кадров.

Мартиросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке проекта FSRU-2020-006 в рамках выполнения государственного задания на проведение фундаментальных научных исследований по теме «Оценка психологических рисков в профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля», 2020—2022.

Для цитаты: *Мартиросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.* Особенности личных и деловых качеств сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48. DOI:10.17759/psylaw.2023130203

The Personal and Business Qualities Features of Police Officers Who Quit in the First Year of Professional Activity

Natalia V. Martirosova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; Ministry of Internal Affairs of Russia for the Arkhangelsk Region, Arkhangelsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5201-0209>, e-mail: martirosova2012@yandex.ru

Yana A. Korneeva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

Anastasiya V. Korneeva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7146-0800>, e-mail: arh.a.korneeva@gmail.com

In the article pursuant to the resolution of the Russian Federation of December 6, 2012, No. 1259 “Approval of the internal affairs bodies of the Russian Federation” psychologists within the framework of professional psychological selection, highlighted the most important personal and business qualities of employees. The research materials were collected as part of a joint research project of the region, 634 employees of the office management service in the internal authorities of the Arkhangelsk region took part. Personal and business qualities, measured by means of basic psychological tests, are regulated by the use of a selection procedure in internal affairs. Police officers who quit in the first year of professional activity are distinguished by a reduced level of legal awareness, lower intellectual properties and internality, a predominance of the need for good working conditions, a reduced need for achievements, self-improvement, and interesting and useful work.

Keywords: professional psychological selection, personal and business qualities, professional psychological suitability, professionally important qualities, candidates for vocation, police department, employees who quit in the first year of professional activity, staff turnover.

Funding: the study was carried out with the financial support of the project FSRU-2020-006 as part of the state assignment for conducting fundamental scientific research on the topic “Assessment of psychological risks in the professional activities of specialists in an extreme profile”, 2020-2022.

Мартырозова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

For citation: Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V. The Personal and Business Qualities Features of Police Officers Who Quit in the First Year of Professional Activity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48. DOI:10.17759/psylaw.2023130203 (In Russ.).

Введение

Динамичное реформирование системы ОВД, усложнение стандартов профессиональной деятельности сотрудников, с одной стороны, и устойчивый дефицит профессиональных компетентных специалистов — с другой, обуславливают высокую необходимость исследований, направленных на определение эффективных путей отбора, эффективное решение проблем формирования, развития и рационального использования кадровых ресурсов. Один из самых основных показателей, которые характеризуют эффективность системы управления по работе с личным составом в ОВД — это текучесть кадров. В научных исследованиях рядом авторов [4; 9] отмечается актуальность проблемы текучести кадров в ОВД.

Обеспечение устойчивости кадрового состава в ОВД на сегодняшний день является одной из самых сложных проблем управления персоналом. По результатам ежегодных плановых социально-психологических исследований, проведенных психологами по работе с личным составом в рамках реализации нормативных документов, регламентирующих психологическую работу в ОВД [18], за период с 2020—2021 гг. в среднем 6% кандидатов на службу в ОВД, признанных годными по состоянию здоровья, увольняются на первом году службы, что влечет за собой материальные, физические и временные затраты по организации:

- профессионального психологического отбора;
- адаптации молодых сотрудников в служебных коллективах;
- обучения в центрах профессиональной подготовки будущих специалистов;
- обеспечения необходимым обмундированием;
- увольнения или отчисления курсантов (стажеров) из образовательных учреждений системы МВД России по отрицательным мотивам и основаниям.

Эти данные указывают на актуальную проблему текучести кадров, которая негативно сказывается на имидже ОВД. Только правильно подобранный служебный коллектив, грамотная расстановка кадров, сплоченная команда способны эффективно реализовывать цели и задачи, поставленные руководством РФ и МВД России перед органами внутренних дел.

Личностные и деловые качества, факторы риска кандидатов на службу в подразделения ОВД утверждены в Правилах профессионального психологического отбора на службу в ОВД Российской Федерации [17]. Для возможности комплексного рассмотрения психологами и специалистами центров психофизиологической диагностики вопросов о профессиональной психологической пригодности граждан к службе [20] в данных Правилах определена формализованная модель отбора кандидатов в ОВД [17].

В практике психологической работы ОВД существует потребность в оптимизации процедуры профессионального психологического отбора, в разработке методов, позволяющих выявлять на ранних этапах обследования лиц, несоответствующих требованиям, предъявляемым правоохранительной деятельностью к личности сотрудника, с целью экономии времени в случае нецелесообразности дальнейшего прохождения им службы.

В связи с вышеизложенным большая роль в профессиональном психологическом отборе отводится выявлению индивидуально-личностных особенностей сотрудников, которые затрудняют успешное выполнение служебных обязанностей. В научных исследованиях изучалась взаимосвязь выраженности индивидуально-личностных особенностей и эффективности служебной деятельности сотрудников ОВД, а также успешности их профессиональной адаптации [5; 13; 15; 19; 21]. Исследования посвящены обоснованию дифференциации квалификационных требований к сотрудникам [2]; выявлению функциональной и личностной надежности сотрудников кадрового резерва ОВД [5], личностных и деловых качеств кандидатов на службу и молодых специалистов [4; 13]; определению отдельных профессионально важных качеств сотрудников: нравственных [3], интеллектуальных [1], мотивационных [15; 19; 21]; установлению их взаимосвязи с профессиональными деформациями личности [8; 16; 22; 23; 24]. Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии единой концепции управления текучестью кадров в ОВД и актуальности тематики настоящего исследования.

Цель настоящего исследования — выявить и описать особенности личностных и деловых качеств сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы, которые были оценены на этапе их профессионального отбора в сравнении с кандидатами на службу в ОВД с различным уровнем профессиональной психологической пригодности.

В соответствии с Правилами профессионального психологического отбора в ОВД профессиональная психологическая пригодность определяется как уровень развития личностных и деловых качеств, необходимых для выполнения служебных обязанностей сотрудника ОВД Российской Федерации [17].

Гипотеза. Предполагаем, что кандидаты на службу в ОВД, которые имеют риск увольнения на первом году службы, отличаются выраженностью личностных и деловых качеств от кандидатов на службу в ОВД с различным уровнем профессиональной психологической пригодности; в частности, ожидаются большие различия в мотивационных характеристиках.

Данное предположение базируется на проведенных ранее исследованиях [15; 19; 21], в которых отмечается ключевая роль профессиональных мотивов в успешном выполнении служебных обязанностей сотрудниками ОВД. В концепции профессиональной пригодности Е.А. Климова показана системообразующая роль гражданских качеств и отношения к труду в успешности овладения и последующего выполнения профессиональной деятельности [6].

Модель профессионально важных качеств сотрудников ОВД

Как отмечалось ранее, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 06 декабря 2012 года № 1259 определен перечень личностных и деловых качеств, а также факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения кандидатов на службу в подразделения ОВД [17]. Их список достаточно обширен (30 характеристик). Для целей систематизации этих качеств проведены их анализ и распределение в соответствие с субъектными компонентами профессиональной пригодности, по Е.А. Климову [6]; данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

**ПВК сотрудников ОВД в соответствии с субъектными компонентами
 профессиональной пригодности, по Е.А. Климову**

Компонент проф-пригодности, по Е.А. Климову	Группы ПВК	Общее наименование группы ПВК согласно постановлению Правительства РФ от 6.12.2012 n 1259
1. Гражданские качества	Нравственные качества личности и убеждения	Уровень правосознания и нравственных убеждений, честность, принципиальность, соблюдение норм общественной морали (пункт «д»)
2. Отношение к труду и профессии	Характеристики мотивационной сферы личности	Самооценка, особенности мотивационной сферы личности (пункт «ж»)
	Самоотношение, самооценка, самосознание	
	Качества личности, отражающие отношение к труду (добросовестность, трудолюбие и др.)	Внутренняя организованность, исполнительность, дисциплинированность, ответственность за порученное дело (пункт «г»)
	3. Дееспособность общая	Характеристика состояния и психофизиологические характеристики
4. Единичные, специальные способности и ПВК	Познавательные / интеллектуальные способности	Уровень общего интеллектуального развития, способностей к логическим суждениям и умозаключениям, а также к четкому изложению информации в устной и письменной формах (пункт «а»)
	Эмоционально-волевые качества	Уровень волевой регуляции поведения, выдержки, смелости, решительности, настойчивости, целеустремленности (пункт «в»)
		Эмоциональная устойчивость, уравновешенность, контроль своего поведения и внешних проявлений эмоций, эмоциональная зрелость (пункт «б»)
Организаторские и лидерские качества	Зрелость личности, способность брать на себя ответственность за свои решения, действия и поступки, умение определять приоритеты и последовательность в решении проблем, самостоятельность, уверенность в своих силах и уровень самокритичности (пункт «е»)	
5. Навыки, выучка, знания, опыт	Стаж, общий уровень образования	

В своем подходе Е.А. Климов понимал профессиональную пригодность как системную характеристику степени соответствия человека требованиям профессии. По мнению автора, при конкретном анализе профессиональной пригодности человека необходимо помнить, что профессионально ценные (важные) качества (ПВК) в каждом случае не рядоположены, а образуют систему, которая состоит из пяти основных составляющих: гражданских качеств; отношения к труду; общей дееспособности; единичных, частных, специальных способностей и навыков; знаний; опыта [7]. Е.А. Климов определял профессионально важные качества как «...такие качества личности, которые помогают человеку быстро обучаться выбранной профессии, быстро адаптироваться к рабочему месту и эффективно выполнять профессиональные функции» [7].

Данный подход позволяет проанализировать, какие субъектные компоненты профессиональной пригодности имеют максимальные различия у кандидатов в ОВД с различной степенью готовности выполнять служебную деятельность, а также выявить психологические факторы увольнения сотрудников на первом году службы.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования собраны в рамках реализации совместного исследовательского проекта профессорско-преподавательского состава кафедры психологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова и отделения психологической работы морально-психологического отдела Управления по работе с личным составом УМВД России по Архангельской области в период с января по декабрь 2020 г., в котором приняли участие 634 кандидата на службу в ОВД областного управления. Из них 62% мужчин и 38% женщин в возрасте от 18 до 46 лет (средний возраст — $26,9 \pm 6,12$ лет).

В настоящее время профессиональный психологический отбор в ОВД — это процедура, в результате которой принимается комиссионное решение о профессиональной психологической пригодности кандидата к службе после прохождения им комплексного психологического обследования. Процедура профессионального отбора в ОВД имеет жестко регламентированную структуру в соответствии с перечнем специальных ведомственных приказов, которая включает в себя прохождение кандидатом: специально регламентированного тестирования по утвержденным методикам; собеседования по полученным данным тестирования с возможностью внесения корректив в оценку уровня развития личностных и деловых качеств; специального психофизиологического исследования (СПФИ) с применением полиграфа.

Оценка профессиональной психологической пригодности кандидатов на службу по необходимому уровню личностных и деловых качеств проводится с учетом адаптационных резервов организма, факторов риска девиантного поведения, что обеспечивает снижение уровня негативных последствий.

Заключение о кандидате по результатам комплексного обследования содержит один из следующих выводов.

К первой категории профессиональной психологической пригодности относятся кандидаты, у которых отсутствуют факторы риска и имеется высокий уровень развития личностных и деловых качеств, позволяющий быстро овладеть профессиональными знаниями, навыками и умениями успешно выполнять обязанности сотрудника ОВД Российской Федерации, в том числе в особых условиях деятельности.

Ко второй категории профессиональной пригодности относятся кандидаты, у которых отсутствуют факторы риска и имеется средний уровень развития личностных и деловых ка-

честв, позволяющий в установленные сроки овладеть профессиональными знаниями, навыками и умениями успешно выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД Российской Федерации.

К третьей категории профессиональной пригодности относятся кандидаты, у которых отсутствуют факторы риска и имеется уровень развития личностных и деловых качеств ниже среднего, позволяющий овладеть необходимым минимумом профессиональных знаний, навыков и умений, удовлетворительно выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД Российской Федерации в обычных условиях, но не обеспечивающий успешного выполнения обязанностей в особых условиях деятельности. К этой категории профессиональной пригодности могут быть отнесены также кандидаты, у которых при высоком или среднем уровне развития личностных и деловых качеств выявлен один фактор риска. Решение о профессиональной пригодности и приеме на службу таких кандидатов принимается руководством с учетом содержания фактора риска, уровня развития их личностных и деловых качеств, а также других данных.

К четвертой категории профессиональной пригодности относятся кандидаты, у которых имеется низкий уровень развития личностных и деловых качеств, не позволяющий в установленные сроки овладеть необходимым минимумом знаний, навыков, умений и выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД Российской Федерации.

Группа кандидатов, которым было отказано в приеме на службу, имели низкий уровень развития личностных и деловых качеств либо у них были выявлены факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения. Исследование и сбор эмпирического материала мы проводили поэтапно. Сначала анализировали диагностику на этапе обследования граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Далее, через год, собрали данные относительно группы уволившихся сотрудников и сравнили их с результатами психологического тестирования.

Согласно Правилам профессионального психологического отбора, все обследуемые распределены следующим образом относительно различных категорий профессиональной психологической пригодности:

- 28,9% рекомендованы (I и II категории профессиональной пригодности);
- 48,9% рекомендованы условно (III категория профессиональной пригодности);
- 22,2% не рекомендованы (IV категория профессиональной пригодности).

6,5% обследованных уволились на первом году службы, из них 4,9% — в период испытательного срока, 1,6% — согласно п. 2 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в ОВД Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20].

Таким образом, проводилось сравнение сотрудников, уволившихся на первом году службы, по личностным и деловым качествам, измеренным на этапе их принятия на службу наряду с другими кандидатами. Это дает возможность рекомендовать психологам, на какие характеристики в первую очередь нужно обращать внимание при отборе кадров с III категорией профессиональной психологической пригодности (так как уволившиеся были из числа рекомендованных к службе данной категории).

Личностные и деловые качества измерялись посредством основных психологических тестов, регламентированных к применению на этапе профессионального отбора в ОВД в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 06 декабря 2012 года № 1259, и включали следующие методики.

1. Прогрессивные матрицы Равена, Д. Пенроуз, Дж. Равен.
2. Методика «Аналоги», У. Гордон. Методика предназначена для диагностики словесно-логического мышления.
3. Методика «Словарь», разработанная К. Сугоняевым на базе субтеста «Словарь» методики Дж. Фланагана. Методика проверяет общий культурный уровень, словарный запас, образованность.
4. Краткий отборочный тест (КОТ) Э.Ф. Вандерлика в адаптации В.Н. Бузина.
5. Модифицированный вариант методики «Мотивационный профиль» Ш. Ричи, П. Мартина в переводе Е.А. Климова (М-профиль).
6. Многомерный метод исследования личности (ММИЛ) С. Хатуэй и Дж. Маккинлив адаптации Ф.Б. Березина, М.П. Мирошникова.
7. Опросник «Оценка уровня развития волевой регуляции» (ВСК) А.Г. Зверькова, Е.В. Эйдмана.
8. Методика изучения правосознания Л.А. Ясюковой.
9. Методика «Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями» Е.Г. Ксенофонтовой (адаптация методики «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера, (УСК)).

Обработка методик производилась с помощью аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр», применяемого психологами ОВД.

Статистический анализ данных проводился с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 23.00 (лицензионное соглашение № Z125-3301-14) с использованием методов описательных статистик, многомерного дисперсионного (MANOVA) анализа.

Результаты исследования

Для реализации цели настоящего исследования применен многомерный дисперсионный анализ, где в качестве зависимых переменных явились личностные и деловые качества граждан, поступающих на службу, измеренные с помощью регламентированных методик психологического тестирования (матрицы Равена, «Аналогии», «Словарь», КОТ, М-профиль, ММИЛ, опросник ВСК, методика изучения правосознания Л.А. Ясюковой, УСК). Фиксированным фактором явилась отнесенность к одной из групп профессиональной психологической пригодности: рекомендован, рекомендован условно, не рекомендован на службу в ОВД, — а также группа сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы. Согласно данным многомерных тестов (След Пиллая — 0,501; $F = 1,637$ при $p < 0,001$), статистически значимые различия наблюдались в выраженности личностных и деловых качеств кандидатов на службу в ОВД.

В табл. 2 и 3 представлены данные, статистически достоверно различающиеся по уровню выраженности ПВК у групп кандидатов на службу в ОВД с разной степенью профессиональной психологической пригодности и сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы, согласно данным одномерных критериев. По всем параметрам, представленным в таблицах 2 и 3, критерий равенства дисперсий ошибок Ливиня больше 0,05.

Как видно из данных, представленных в табл. 2 относительно правосознания, уволившиеся сотрудники характеризовались самыми низкими значениями (по сравнению с представителями других групп) правосознания в правовой и бытовой сферах. Следует отметить, что по всем характеристикам правосознания уволившиеся сотрудники и кандидаты, не рекомендованные на службу в ОВД, отличались более низкими значениями. Это является одним из факторов неэффективности и ненадежности профессиональной деятельности сотрудников

полиции. По мнению И.А. Леоновой, от нравственных качеств полицейского, от его «...знания повседневного и служебного этикета, умения проявлять профессиональный такт и уважительное отношение к гражданам зависит рост доверия общества к органам внутренних дел» [11]. От нравственных качеств полицейского зависит рост доверия общества к ОВД, в связи с чем одна из профессионально-этических задач полиции — преодоление барьера недоверия значительной части общества к полицейским [3].

Таблица 2

Сравнительный анализ гражданских качеств и отношения к труду у кандидатов на службу в ОВД с различной степенью профессиональной психологической пригодности и сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы, по итогам применения MANOVA (n=634)

Наименование показателя	M±SE для группы уволившихся на 1 году службы	M±SE для группы рекомендованных	M±SE для группы рекомендованных	M±SE для группы рекомендованных условно	p*
Гражданские качества					
Правосознание в правовой сфере	3,8±1,53	3,8±1,39	4,8±1,68	4,1±1,50	0,001
Правосознание в бытовой сфере	6,0±1,70	6,1±1,81	6,7±1,67	6,4±1,67	0,013
Правосознание в деловой сфере	5,1±1,84	5,2±1,63	6,0±1,67	5,3±1,71	<0,001
Правосознание в гражданской сфере	6,0±2,29	5,8±2,17	6,6±2,15	6,1±2,13	0,013
Общий уровень правосознания	5,3±1,89	5,5±1,71	6,2±1,37	5,6±1,67	0,001
Отношение к труду и мотивация профессиональной деятельности					
Потребность в хороших условиях работы (М-профиль)	7,5±2,03	6,9±2,14	6,4±2,19	7,0±1,94	0,003
Потребность в формировании и поддержке долгосрочных стабильных отношений (М-профиль)	6,8±1,93	6,8±2,03	6,1±2,29	6,7±1,90	0,003
Стремление к достижениям (М-профиль)	4,3±1,76	4,6±2,04	5,7±2,03	4,9±2,04	0,001
Самосовершенствование (М-профиль)	4,9±2,06	4,3±1,94	5,2±2,05	4,7±2,09	0,001
Интересная и полезная работа (М-профиль)	4,0±1,64	4,4±1,82	5,3±1,81	4,6±2,00	0,001
Тревога и депрессивные тенденции (ММИЛ)	5,2±1,84	5,5±2,03	4,6±1,72	5,3±2,03	0,003
Социальная интроверсия или шкала социальных контактов (ММИЛ)	5,8±1,63	5,9±1,91	5,2±1,73	6,0±1,98	0,001

Примечание: «*» — по результатам одномерных тестов.

Для кандидатов, принятых на службу, характерен осмысленный выбор профессиональной деятельности, который имеет направленность на стремление к самоидентификации с профессиональной ролью служителя закона, потребностью быть полезным обществу. У кандидатов, непринятых на службу, отмечаются повышенная противоречивость в понимании правового сознания, отсутствие готовности придерживаться правовых норм, как в профессиональной деятельности, так и в межличностных отношениях, обыденной жизни.

Результаты исследования показали, что уровень сосредоточения на личностных переживаниях у кандидатов, не рекомендованных к службе, значительно выше по сравнению с другими обследованными и зачастую связан с отсутствием готовности на службе и в личной жизни проявлять правопослушное поведение, персонифицировать свою дальнейшую жизнь с пониманием служения государству и в целом соответствовать требованиям действующего законодательства, предъявляемого к сотрудникам полиции.

Кандидаты, получившие отказ в приеме на службу, рассматривали предстоящую службу прежде всего как устройство на работу с соответствующими социальными льготами и денежным содержанием. Кроме того, в жизненном опыте данных кандидатов, как правило, присутствовали случаи нарушения законодательства на фоне сниженного уровня критичной оценки своих поступков. Наличие такого внутриличностного конфликта является в будущем предпосылкой к разочарованию в выбранной профессиональной деятельности.

В мотивационной сфере более выраженный показатель «потребности в интересной и полезной работе» (опросник «Мотивационный профиль», $p < 0,01$) характерен для кандидатов, рекомендованных на службу в ОВД, по сравнению с не рекомендованными и сотрудниками, уволившимися на первом году службы. В то время как для кандидатов, которым отказано в трудоустройстве при выборе трудовой деятельности, в большей степени была свойственна ориентация на возможности удовлетворения личных интересов, утилитарно-корыстное желание самоутвердиться во властных полномочиях представителя закона.

Для сотрудников, уволившихся на первом году службы, в большей степени важна потребность в хороших условиях работы. На самом низком уровне (по сравнению с другими обследованными группами) выражены потребность в саморазвитии, достижении, интересной и полезной работе. Это может свидетельствовать о выборе служебной деятельности данными сотрудниками по критериям социальных благ, нежели содержательного интереса к данной профессии, что может являться одной из причин увольнения по собственному желанию на первом году службы. Противоположный мотивационный профиль имели кандидаты, рекомендованные и условно рекомендованные для службы в ОВД, что выражается в желании исполнять служебные обязанности на высоком уровне и стремлении развивать необходимые профессионально важные качества и профессиональные навыки для службы в ОВД. В подтверждение этого может указывать факт более высокого уровня выраженности интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств у кандидатов, рекомендованных на службу в ОВД.

Согласно данным, представленным в табл. 3, кандидаты, рекомендованные для службы, характеризуются более высоким интеллектуальным развитием, познавательной активностью и широким кругозором. Это способствует усвоению ими новых знаний, высокой скорости обработки поступающей информации и принятия окончательного решения. Противоположные особенности имеют кандидаты, не рекомендованные на службу.

Относительно познавательных способностей следует отметить сниженный уровень продуктивности (по методике «Аналогии») у молодых сотрудников, уволившихся на первом году службы, и кандидатов, не рекомендованных к службе. Результаты подтверждаются также

данными методик «Словарь» и КОТ. По данным методики матрицы Равена, различий не обнаружено. Методика «Аналогии» выявляет понятийное мышление, основанное на логических умозаключениях, что, несомненно, является важной характеристикой для деятельности в ОВД. Более высокий уровень общей эрудиции, гибкость мышления являются значимыми характеристиками. Различия в выраженности этих характеристик у групп с различной степенью пригодности к деятельности в ОВД может быть обусловлено наличием соответствующей мотивации к профессиональной деятельности, что приводит к постоянному саморазвитию и стремлению максимально соответствовать должности.

Таблица 3

Сравнительный анализ интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств кандидатов на службу в ОВД с различной степенью профессиональной психологической пригодности и сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы, по итогам применения MANOVA (n=634)

Наименование показателя	M±SE для группы уволившихся на 1 году службы	M±SE для группы не рекомендованных	M±SE для группы рекомендованных	M±SE для группы рекомендованных условно	p*
Единичные, специальные способности и ПВК: познавательные и интеллектуальные свойства					
Продуктивность (Равен)	6,2±1,86	5,7±2,26	7,1±1,94	5,9±2,16	0,001
Точность (Равен)	7,9±1,93	7,4±2,62	8,7±1,64	7,8±2,14	0,001
Продуктивность (Аналогии)	4,7±1,66	4,8±1,98	6,2±1,65	5,3±1,94	0,001
Точность (Аналогии)	5,3±1,60	5,5±2,04	6,6±1,51	5,9±1,76	0,001
Эффективность (Аналогии)	5,1±1,55	5,1±2,09	6,7±1,67	5,7±1,91	0,001
Скорость (Словарь)	4,5±1,80	4,5±1,89	5,3±1,63	4,5±1,92	0,001
Точность (Словарь)	5,0±1,82	5,6±1,97	6,5±1,84	6,0±2,02	0,001
Эффективность (Словарь)	4,7±1,54	5,4±1,94	6,6±1,76	5,8±1,99	0,001
Скорость (КОТ)	5,9±1,60	6,0±1,46	6,7±1,31	6,2±1,48	0,001
Точность (КОТ)	6,5±2,21	7,1±2,09	8,0±1,68	7,4±2,07	0,001
Эффективность (КОТ)	6,1±2,10	6,6±2,14	7,8±1,57	7,0±2,03	0,001
Единичные, специальные способности и ПВК: эмоционально-волевые качества					
Волевой самоконтроль (ВСК)	6,8±1,69	6,5±1,61	7,2±1,60	6,5±1,63	0,001
Настойчивость (ВСК)	6,5±1,64	6,2±1,63	6,8±1,51	6,2±1,58	0,001
Самообладание (ВСК)	6,4±1,51	6,0±1,37	6,6±1,43	6,1±1,45	0,001
Общая интернальность (УСК)	5,9±1,54	5,9±1,81	7,3±1,48	6,1±1,54	0,001
Интернальность в профессиональной деятельности (УСК)	5,6±1,57	5,9±1,81	7,2±1,48	6,0±1,61	0,001
Интернальность в межличностном общении (УСК)	5,7±1,80	5,6±2,06	6,9±1,70	5,8±1,76	0,001
Готовность к деятельности (УСК)	5,6±1,57	5,9±1,69	7,2±1,41	6,0±1,53	0,001
Интернальность в семейных отношениях (УСК)	5,2±1,78	4,9±2,08	6,0±1,92	5,2±1,79	0,001

Интернальность в области здоровья и болезни (УСК)	5,2±1,35	5,4±1,44	6,1±1,26	5,5±1,41	0,001
Интернальность в достижениях (УСК)	5,8±1,70	5,6±1,65	6,6±1,28	5,9±1,54	0,001
Интернальность в неудачах (УСК)	5,4±1,48	5,6±1,62	6,4±1,36	5,6±1,44	0,001

Примечание: «*» — по результатам одномерных тестов.

Наибольшие различия в обследуемых группах касались степени выраженности интернальности (по методике «Локус субъективного контроля»). Показатели шкал общей интернальности, а также интернальности в области достижений и межличностных отношений в группе продолживших службу сотрудников имели существенно более высокие оценки ($p < 0,01$). Очевидным является то, что более высокие показатели интернальности обследованных подчеркивают как степень принятия ответственности за события и решения в своей жизни, так и уровень адаптационного потенциала сотрудников [12]. Можно констатировать, что данная категория молодых сотрудников характеризуется более осознанным выбором решений, хорошей социальной адаптированностью, приспособляемостью к различным сторонам профессиональной жизни. В свою очередь, потенциал адаптации напрямую связан со скоростью восприятия или реагирования индивида на внешние стимулы, с уровнем интеллектуального потенциала человека, а значит, выявляет отличительную способность к успешному процессу самоидентификации в профессии и решению проблем, связанных с формированием новых компетенций, определяющих успешность в любой деятельности правоохранительной системы. Более высокая степень интернальности свидетельствует о достаточном уровне приспособления молодых специалистов. В нашем случае специалисты данной группы в большей мере готовы к осознанию того, что их жизнь в профессии зависит от них самих, наличия возможности изменять себя и профессиональную среду, управлять ею. Данным специалистам также присуще адекватное восприятие окружающего мира и достаточно высокий уровень адаптации к профессиональной деятельности.

В дополнение к представленным данным анализ факторов риска кандидатов, не рекомендованных на службу в ОВД, позволил выявить следующие проблемы: у 35,7% лиц, получивших отказ в приеме на службу, был выявлен фактор риска потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ; у 11,8% выявлен фактор участия в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ; 7,3% имели опыт неоднократного потребления наркотических средств и/или принимали участие в их незаконном сбыте. Эти данные также подтверждались результатами наблюдения психологов, проводивших обследование.

Обсуждение результатов

Гипотеза настоящего исследования о том, что кандидаты на службу в ОВД, которые имеют риск увольнения на первом году службы, отличаются от других в большей степени мотивационными характеристиками, подтвердилась частично. Установлено, что они отличаются от кандидатов, рекомендованных и не рекомендованных на службу в ОВД, по уровню выраженности правосознания, мотивов профессиональной деятельности, интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств. Сотрудники, уволившиеся на первом году службы и не рекомендованные к службе в ОВД, имеют схожие особенности: более низкий уровень право-

сознания, стремления к достижению, потребности в интересной и полезной работе, а также умеренно выраженный экстернальный локус контроля. В ряде работ подчеркивается более важная роль профессиональной мотивации в успешности овладения и выполнения служебной деятельности. В исследовании Т.В. Гершевич по изучению различий в выраженности индивидуально-личностных качеств выпускников вузов МВД России, уволившихся со службы в течение первых трех лет, выдвинуто предположение, что ключевую роль в этом играют характеристики мотивационной сферы и представления о профессии [4]. В работе И.В. Усачевой с соавт. выявлены особенности профессиональной направленности и ведущих профессиональных мотивов у сотрудников ОВД с различным стажем работы и успешностью в оперативно-служебной деятельности. Исследователями утверждается важность изучения взаимосвязи характеристик локуса контроля и мотивов профессиональной деятельности [19]. В исследовании Н.И. Хохловой изучались мотивы трудовой деятельности сотрудников патрульно-постовой службы и участковых оперуполномоченных. Установлено, что преобладание финансового мотива у 74% сотрудников может обуславливать деструкции их профессиональной деятельности и определяет необходимость дополнительного психологического сопровождения служащих указанных подразделений [21]. Эти данные подтверждают наши выводы о ключевой роли мотивационного блока в формировании профессиональной пригодности у сотрудников ОВД. В настоящем исследовании установлено, что сотрудники ОВД, уволившиеся на первом году службы, отличались от представителей других групп более выраженной потребностью в хороших условиях работы, менее всего — потребностью в интересной и полезной работе. Это может указывать на выбор места работы по внешним мотивам, связанным с социальными гарантиями, которые дает работа в правоохранительных органах, что требует дополнительной проверки через собеседование с кандидатами на службу. Полагаем, что преобладание внешней мотивации может являться одним из факторов, способствующих недостаточной выраженности других профессионально важных для работы в ОВД качеств: интеллектуальной продуктивности и эффективности.

О важности эмоционально-волевых качеств для эффективности служебной деятельности говорится в исследовании Л.Ю. Нежкиной, И.В. Ярославцевой, которые провели анализ личностных и деловых качеств вновь прибывших сотрудников на службу в ОВД с высокой, удовлетворительной и низкой адаптацией к профессиональной деятельности. Установлены различия в трех группах сотрудников в выраженности эмоционально-волевых качеств и мотивационных характеристик [13]. В исследовании И.А. Паршутина, Г.С. Арушанян проводилось сравнение адаптивных качеств и мотивационных характеристик у сотрудников подразделения предварительного следствия со стажем менее одного года и более 5 лет, а также гражданских работников отдела кадров со стажем работы менее 1 года. Установлено, что сотрудники со стажем службы более 5 лет отличались более высоким уровнем адаптивных качеств и мотивацией достижения [15].

В настоящем исследовании выявлены статистически значимые различия между исследуемыми группами в выраженности интеллектуальных качеств. А.Г. Бадаев с соавт. установил статистически достоверные положительные взаимосвязи интегрального показателя общих умственных способностей и такими видами агрессивных реакций, как раздражение (0,789), подозрительность (0,579) и вербальная агрессия (0,681), а также отрицательная корреляция с реакцией обиды [1], что доказывает высокую значимость этих характеристик для профилактики профессиональной личностной деформации у сотрудников ОВД.

Приведенные различия между группами принятых и непринятых кандидатов, а также уволившихся на первом году службы сотрудников позволили определить на уровне статистической значимости основные личностные и деловые качества, требующие особого внимания при отборе кандидатов на вакантные должности и сопровождении оперативно-служебной деятельности: характеристики правосознания, мотивы профессиональной деятельности (стремление к достижению, самосовершенствование, потребность в интересной и полезной работе), умеренно выраженный интернальный локус контроля, интеллектуальные способности (продуктивность, точность, эффективность).

Перечисленные личностные особенности целесообразно использовать на этапе собеседования с кандидатами при проведении комплексного психологического обследования. Полученные результаты особенно важны при определении III категории профессиональной психологической пригодности кандидатов на службу в ОВД. Как отмечалось ранее, к их числу относятся кандидаты, у которых отсутствуют факторы риска и имеется уровень развития личностных и деловых качеств ниже среднего, позволяющий овладеть необходимым минимумом профессиональных знаний, навыков и умений, удовлетворительно выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД в обычных условиях. Исходя из полученных данных по выявленным в настоящем исследовании характеристикам, рекомендуется отбирать кандидатов со средним уровнем их выраженности или включать дополнительные вопросы для собеседования с кандидатом по углубленному изучению правосознания, мотивации служебной деятельности и локуса контроля. Это позволит снизить риск принятия на службу сотрудников, которые будут увольняться на первом году службы.

Ограничением настоящего исследования является использование для определения личностных и деловых качеств кандидатов на службу в ОВД перечня регламентированных и рекомендованных методик, а также отсутствие сравнения с подразделениями в других регионах. Перспективными направлениями исследования являются изучение особенностей личностных и деловых качеств у кандидатов на службу в ОВД в зависимости от направления служебной деятельности (административно-профилактическое направление, оперативно-розыскное направление, внутренняя служба и др.) в различных регионах РФ и с применением расширенного перечня диагностических методик для углубленного изучения мотивационных, гражданских и эмоционально-волевых характеристик.

Выводы

По результатам проведенного исследования установлено, что 28,9% кандидатов рекомендованы, 48,9% рекомендованы условно, 22,2% не рекомендованы для службы в ОВД. Из них 6,5% лиц, рекомендованных в ОВД, уволились на первом году службы.

С применением многомерного дисперсионного анализа выявлены статистически значимые различия между кандидатами на службу в ОВД с различной степенью профессиональной психологической пригодности и сотрудников ОВД, уволившихся на первом году службы, в выраженности гражданских, мотивационных, интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств.

Сотрудники ОВД, уволившиеся на первом году службы, отличаются сниженным уровнем развития правосознания, преобладанием потребности в хороших условиях труда, сниженной потребностью в достижениях, самосовершенствовании, в интересной и полезной работе. Они отличаются более низкими интеллектуальными способностями и интернальностью.

Мартыросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

Сотрудники, уволившихся на первом году службы и не рекомендованные к службе в ОВД, имеют схожие особенности: более низкий уровень правосознания, стремления к достижению, потребности в интересной и полезной работе, а также умеренно выраженный экстернальный локус контроля.

Литература

1. Бадаев А.Г., Усачева И.В., Хуторская С.В. Взаимосвязь между интеллектуальным уровнем развития и типом агрессивного поведения сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 281–284.
2. Белецкая Я.А. Квалификационные требования к сотрудникам органов внутренних дел, нормативные критерии их установления [Электронный ресурс] // Полицейская деятельность. 2019. № 3. С. 35–40. doi:10.7256/2454-0692.2019.3.30194
3. Блажевич Н.В. Проблема систематизации нравственных качеств полицейского // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 8–12.
4. Гершевич Т.В. Индивидуально-психологические отличия выпускников вузов МВД России, увольняющихся из ОВД и не прослуживших трех лет // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2005. № 2 (24). С. 20–22.
5. Душкин А.С., Зуева Е.Г., Баринова М.Г. Особенности функциональной и личностной надежности сотрудников, состоящих в кадровом резерве органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 192–196.
6. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник для вузов. М.: Культура и спорт, Юнити, 1998. 350 с.
7. Климов Е.А. Психология профессионала. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 400 с.
8. Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология. 2020. Том 10. № 2. С. 80–106.
9. Кряжева С.Г. Проблема изучения причин и условий текучести кадров в правоохранительных органах [Электронный ресурс] // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 101–102. doi:10.24411/2312-0444-2020-10025
10. Куприн А.А. Специфика понимания адаптации в современной социальной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 1. С. 188–193.
11. Леонова И.А. Формирование нравственного облика полицейского // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 68–70.
12. Мартыросова Н.В., Ксенофонтов А.М. Особенности профессионального психологического отбора как составной части системы первичной профилактики профессиональной деформации [Электронный ресурс] // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации (22–23 октября 2020 г.). М.: Знание-М, 2020. С. 897–906. doi:10.38006/907345-50-8.2020.897.906
13. Нежскина Л.Ю., Ярославцева И.В., Капустюк О.Ю. О профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1. С. 184–188.
14. Носкова О.Г. Психология труда: Учебное пособие. М.: Академия, 2004. 384 с.

Мартырозова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

15. Паршутин И.А., Арушанян Г.С. Психологические особенности обеспечения профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД [Электронный ресурс] // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 85–86. doi:10.24411/2658-638X-2020-10113
16. Полякова О.Б. Категория и структура профессиональных деформаций [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 55–62. doi:10.11621/npj.2014.0106
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70276070/> (дата обращения: 17.01.2023).
18. Приказ МВД России от 02 сентября 2013 № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70675376/> (дата обращения: 17.01.2023).
19. Усачева И.В., Дашко М.Н., Чуманов Ю.В. Психологические особенности изучения мотивации у сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 3. С. 46–55.
20. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12192456/> (дата обращения: 17.01.2023).
21. Хохлова Н.И. Мотивы трудовой деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Том 7. № 4А. С. 80–89.
22. Lippert R.K., Walby K., Zaia M. Managing Risk and Preempting Immorality in Private Employment of Public Police // Social & LegalE Studies. 2019. Vol. 6. P. 794–816. doi:10.1177/0964663918810375
23. Pauschinger D. Working at the edge: Police, emotions and space in Rio de Janeiro // Environment and Planning D-Society & Space. 2019. Vol. 38(3). doi:10.1177/0263775819882711
24. Sheard I., Burnett M.E., St Clair-Thompson H. Psychological distress constructs in police with different roles // International Journal of Emergency Services. 2019. Vol. 3. P. 264–279. doi:10.1108/IJES-06-2018-0033

References

1. Badaev A.G., Usacheva I.V., Khutorskaya S.V. Vzaimosvyaz' mezhdru intellektual'nym urovnem razvitiya i tipom agressivnogo povedeniya sotrudnika politzii [The relationship between the intellectual level of development and the type of aggressive behavior of a police officer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 6, pp. 281–284. (In Russ.).
2. Beletskaiia Ia.A. Kvalifikatsionnye trebovaniya k sotrudnikam organov vnutrennikh del, normativnye kriterii ikh ustanovleniya [Qualification requirements to the employees of internal affairs bodies and their regulatory benchmarks] [Elektronnyi resurs]. *Politseiskaya deyatel'nost' = Police Activity*, 2019, no. 3, pp. 35–41. doi:10.7256/2454-0692.2019.3.30194 (In Russ.).
3. Blazhevich N.V. Problema sistematizatsii nrvstvennykh kachestv politseiskogo [The problem of the systematization of the moral qualities of a police officer]. *Yuridicheskaya nauka i*

Мартыросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice, 2017, no. 3, pp. 8–12. (In Russ.).

4. Gershevich T.V. Individual'no-psikhologicheskie otlichiya vypusknikov vuzov MVD Rossii, uvol'nyayushchikhsya iz OVD i ne prosluzhivshikh trekh let. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2005, no. 2 (24), pp. 20–22. (In Russ.).

5. Dushkin A.S., Zueva E.G., Barinova M.G. Osobennosti funktsional'noi i lichnostnoi nadezhnosti sotrudnikov, sostoyashchikh v kadrovom rezerve organov vnutrennikh del [Features of functional and personal reliability of employees, consisting in the personnel reserve of internal affairs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (77), pp. 192–196. (In Russ.).

6. Klimov E.A. Vvedenie v psikhologiyu truda: Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Kul'tura i sport, Yuniti, 1998. 350 p. (In Russ.).

7. Klimov E.A. Psikhologiya professionala. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: NPO "MODEK", 1996. 400 p. (In Russ.).

8. Korneeva Ya.A., Simonova N.N. Professional'naya lichnostnaya deformatsiya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Professional personality deformation of internal affairs employees of various departments]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*, 2020, Vol. 10, no. 2, pp. 80–106. (In Russ.).

9. Kryazheva S.G. Problema izucheniya prichin i uslovii tekuchesti kadrov v pravookhranitel'nykh organakh [The problem of studying the causes and conditions of staff turnover (layoff) in law enforcement agencies] [Elektronnyi resurs]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State Service and Personnel*, 2020, no. 1, pp. 101–102. doi:10.24411/2312-0444-2020-10025 (In Russ.).

10. Kuprin A.A. Spetsifika ponimaniya adaptatsii v sovremennoi sotsial'noi psikhologii [Specificity of understanding of adaptation in modern social psychology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 1, pp. 188–193. (In Russ.).

11. Leonova I.A. Formirovanie nravstvennogo oblika politseiskogo [Humane beginning of morality]. *Nauka i praktika = Science and Practice*, 2015, no. 2 (63), pp. 68–70. (In Russ.).

12. Martirosova N.V., Ksenofontov A.M. Osobennosti professional'nogo psikhologicheskogo otbora kak sostavnoi chasti sistemy pervichnoi profilaktiki professional'noi deformatsii [Features of professional psychological selection, as an integral part of the system of primary prevention of occupational deformity] [Elektronnyi resurs]. *Lichnostnye i regulyatornye resursy dostizheniya obrazovatel'nykh i professional'nykh tselei v epokhu tsifrovizatsii (22–23 oktyabrya 2020 g.)*. Moscow: Znanie-M, 2020, pp. 897–906. doi:10.38006/907345-50-8.2020.897.906 (In Russ.).

13. Nezhkina L.Yu., Yaroslavtseva I.V., Kapustyuk O.Yu. O professional'noi kompetentnosti sotrudnika organov vnutrennikh del [On the professional competence of the members of the Interior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1, pp. 184–188. (In Russ.).

14. Noskova O.G. Psikhologiya truda: Uchebnoe posobie. Moscow: Akademiya, 2004. 384 p. (In Russ.).

15. Parshutin I.A., Arushanyan G.S. Psikhologicheskie osobennosti obespecheniya professional'noi adaptatsii molodykh sotrudnikov OVD [Psychological features of ensuring professional adaptation of young police officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti*

Мартыросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

= *Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2020, no. 4, pp. 85–86. doi:10.24411/2658-638Kh-2020-10113 (In Russ.).

16. Polyakova O.B. Kategoriya i struktura professional'nykh deformatsii [Category and structure of professional deformations] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2014, no. 1 (13), pp. 55–62. doi:10.11621/npj.2014.0106 (In Russ.).

17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 6 dekabrya 2012 g. No. 1259 "Ob utverzhdenii Pravil professional'nogo psikhologicheskogo otbora na sluzhbu v organy vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii" [Elektronnyi resurs]. *Garant = Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70276070/> (Accessed 17.01.2023). (In Russ.).

18. Prikaz MVD Rossii ot 02 sentyabrya 2013 No. 660 "Ob utverzhdenii Polozheniya ob osnovakh organizatsii psikhologicheskoi raboty v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii" [Elektronnyi resurs]. *Garant = Garant*. URL: <https://base.garant.ru/70675376/> (Accessed 17.01.2023). (In Russ.).

19. Usacheva I.V., Dashko M.N., Chumanov Yu.V. Psikhologicheskie osobennosti izucheniya motivatsii u sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological features of the study of motivation of employees of internal affairs bodies]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatelnosti = Psychology and Pedagogics of Official Activity*, 2019, no. 3, pp. 46–55. (In Russ.).

20. Federal'nyi zakon ot 30.11.2011 No.342-FZ "O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii" [Elektronnyi resurs]. *Garant = Garant*. URL: <https://base.garant.ru/12192456/> (Accessed 17.01.2023). (In Russ.).

21. Khokhlova N.I. Motivy trudovoi deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [The work motives of employees of internal affairs bodies]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2018. Vol. 7, no. 4A, pp. 80–89. (In Russ.).

22. Lippert R.K., Walby K., Zaia M. Managing Risk and Preempting Immorality in Private Employment of Public Police. *Social & Legal Studies*, 2019. Vol. 6, pp. 794–816. doi:10.1177/0964663918810375

23. Pauschinger D. Working at the edge: Police, emotions and space in Rio de Janeiro. *Environment and Planning D-Society & Space*, 2019. Vol. 38, no. 3. doi:10.1177/0263775819882711

24. Sheard I., Burnett M.E., St Clair-Thompson H. Psychological distress constructs in police with different roles. *International Journal of Emergency Services*, 2019. Vol. 3, pp. 264–279. doi:10.1108/IJES-06-2018-0033

Информация об авторах

Мартыросова Наталья Вениаминовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии, Высшая школа психологии, педагогики и физической культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ); старший психолог, отделение психологической работы, морально-психологический отдел, Управление по работе с личным составом, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области (УМВД России по Архангельской области), г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5201-0209>, e-mail: martirosova2012@yandex.ru

Мартыросова Н.В., Корнеева Я.А., Корнеева А.В.
Особенности личных и деловых качеств
сотрудников ОВД, уволившихся на первом
году службы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 30–48.

Martirosova N.V., Korneeva Ya.A., Korneeva A.V.
The Personal and Business Qualities Features
of Police Officers Who Quit in the First Year
of Professional Activity
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 30–48.

Корнеева Яна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра психологии, Высшая школа психологии, педагогики и физической культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: [https:// orcid.org/0000-0001-9118-9539](https://orcid.org/0000-0001-9118-9539), e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

Корнеева Анастасия Валерьевна, младший научный сотрудник, отдел целевых научных программ и проектов, научно-исследовательское управление, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7146-0800>, e-mail: arh.a.korneeva@gmail.com

Information about the authors

Natalia V. Martirosova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Higher School of Psychology, Pedagogy and Physical Education, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; Senior Psychologist, Department of Psychological Work, Moral and Psychological Department, Office for Work with Personnel, Ministry of Internal Affairs of Russia for the Arkhangelsk Region, Arkhangelsk, Russia, ORCID: [https:// orcid.org/0000-0001-5201-0209](https://orcid.org/0000-0001-5201-0209), e-mail: martirosova2012@yandex.ru

Yana A. Korneeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Psychology, Higher School of Psychology, Pedagogy and Physical Education, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

Anastasiya V. Korneeva, Junior Researcher, Department of Targeted Scientific Programs and Projects, Research Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7146-0800>, e-mail: arh.a.korneeva@gmail.com

Получена 25.03.2022
Принята в печать 25.02.2023

Received 25.03.2022
Accepted 25.02.2023

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

Карьерные ориентации сотрудников правоохранительных органов

Пухарева Т.С.

Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ), г. Краснодар, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Рудин А.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГБОУ ВО МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6325-9245>, e-mail: avuniversity@mail.ru

В статье приводятся результаты теоретико-эмпирического исследования карьерных ориентаций сотрудников правоохранительных органов. В исследовании участвовали 100 сотрудников, из них 49 мужчин и 51 женщина. В качестве диагностического инструментария использованы методики: «Якоря карьеры» (Э. Шейн) и «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина). Методы математико-статистической обработки данных — вычисление средних выборочных значений и факторный анализ. Показано, что карьерная мотивация сотрудников правоохранительных органов включает карьерные ориентации на стабильность места работы, служение, интеграцию стилей жизни и автономию, а также социально-психологические установки на результат и процесс труда, альтруизм, свободу и власть. С помощью факторного анализа выявлено, что модель карьерной мотивации сотрудников правоохранительных органов содержит следующие компоненты: рационально-независимую, общественно-полезную, влиятельно-деятельностную и автономно-инициативную ориентации в карьере. Резюмируется, что выделение факторов мотивации в карьере может быть полезным при создании пролонгированной программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов для повышения их профессионализма.

Ключевые слова: карьера, карьерные ориентации, ценности, социально-психологические установки, мотивационная сфера, сотрудники правоохранительных органов.

Для цитаты: Пухарева Т.С., Рудин А.В. Карьерные ориентации сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 49–57. DOI:10.17759/psylaw.2023130204

Career Orientation of Law Enforcement Officers

Tatiana S. Pukhareva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Artem V. Rudin

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6325-9245>, e-mail: avuniversity@mail.ru

The article presents the results of a theoretical and empirical study of career orientations of law enforcement officers. The study involved 100 employees, including 49 men and 51 women. The following methods were used as diagnostic tools: “Career anchors” (E. Shaeine) and “Methods for diagnosing socio-psychological attitudes of a person in the motivational-need sphere” (O.F. Potemkina). Methods of mathematical and statistical data processing — calculation of average sample values and factor analysis. It is shown that the career motivation of law enforcement officers includes career orientations on the stability of the workplace, service, integration of lifestyles and autonomy, as well as socio-psychological attitudes to the result and process of work, altruism, freedom and power. With the help of factor analysis, it was revealed that the model of career motivation of law enforcement officers contains the following components: rationally independent, socially useful, influential-activity and autonomous-initiative orientation in a career. It is summarized that the identification of career motivation factors can be useful when creating a prolonged program of psychological support for law enforcement officers to improve their professionalism.

Keywords: career, career orientations, values, social and psychological attitudes, motivational sphere, law enforcement officers.

For citation: Pukhareva T.S., Rudin A.V. Career Orientation of Law Enforcement Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 49–57. DOI:10.17759/psylaw.2023130204 (In Russ.).

Введение

В условиях социальных изменений и укрепления правовой государственности актуализируются вопросы, связанные с ценностно-смысловой направленностью и карьерными предпочтениями специалистов, в силу профессии призванных обеспечивать правовую защищенность граждан и организаций. С одной стороны, ценностно-смысловая сфера личности изучена в психологической науке достаточно полно и обзорный анализ научных работ по данной проблематике показывает, что исследователями уделяется внимание вопросам ценностей, ведущих установок и мотивов в карьере, в том числе сотрудников правоохранительных органов [5; 6; 9; 10; 13; 14]. С другой стороны, в новых реалиях социальной и политической жизни возникает потребность в конкретизации ценностных предпочтений и установок в профессии правоохранителей и исследовании их неочевидных тенденций. Целью теоретического и эмпирического изучения стали ценностные ориентации и социально-психологические установки в карьере сотрудников правоохранительных органов. Мы предположили о существовании связей

карьерных ориентаций и социально-психологических установок, образующих факторы карьерной направленности сотрудников правоохранительных органов.

Проблемы профессиональной карьеры в отечественной психологии стали изучаться относительно недавно, в связи с активизацией исследований субъектности личности и возрастанием интереса к феноменам успешности и востребованности человека в профессии [7; 11]. Как правило, карьера трактуется как восхождение человека к вершинам профессии или как его продвижение к более высоким должностям. Уточняя сказанное относительно профессиональной деятельности служителей права, отметим, что карьера сотрудника правоохранительных органов представляется нам как самостоятельно выбранный и осмысленный, индивидуально и социально значимый путь профессионального служения.

Одной из основных психологических составляющих карьеры являются карьерные ориентации, ценности и мотивы, побуждающие и направляющие личность в профессии, выступающие стимулами профессиональной деятельности и обуславливающие направление карьерного движения. Карьерные ориентации понимаются как смысловые диспозиции, определяющие приоритеты в профессиональной сфере жизни [8]. В ракурсе личностной концепции карьерные ориентации рассматриваются как составляющие ценностно-мотивационной сферы, как смысловые динамические образования личности, лежащие в основе построения и реализации ею профессионального пути.

Ценность может быть интерпретирована как нечто значимое для человека, проявляющееся как динамическая тенденция в направленности личности [1; 2; 4; 12]. Ценности рассматриваются как регуляторы поведения на личностном, организационном, социальном уровнях [3; 15]. Профессиональные ценности, или ценностные приоритеты в карьере, трактуются как предрасположенности к определенным предпочтениям в оценках разных аспектов профессиональной деятельности и себя в профессии. Ценности и карьерные ориентации связаны с творческим подходом и самоопределением личности в процессе профессионализации, с ответственным и свободным выбором в принятии решений относительно карьеры.

Социально-психологическая установка традиционно понимается как смысловая диспозиция, выполняющая функцию предуготовленности субъекта к тому или иному поведению, выбору или решению. Социально-психологические установки в карьере юристов представляют собой специфические мотивационно-смысловые образования субъектов правоохранительной деятельности, определяющие отношение к объектам в системе «человек—право», позволяющие прогнозировать профессиональное поведение на относительно значительный период времени [8].

Карьерные ориентации и социально-психологические установки сотрудников правоохранительных органов выражают личностные смыслы, отношение к себе и к профессиональной деятельности, регулируют профессиональное поведение и задают перспективы трудовой карьеры и профессионального развития личности в целом.

Методы

Характеристика участников исследования. В эмпирическом исследовании принимали участие сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации по Краснодарскому краю, Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю, а также Прокуратуры Краснодарского края в количестве 100 человек, из них 49 мужчин и 51 женщина.

Методики исследования. В качестве инструментов психодиагностики использованы: «Якоря карьеры» (Э. Шейн) и «Методика диагностики социально-психологических устано-

вок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина). Математико-статистическая обработка эмпирических данных включала вычисление средних выборочных значений и факторный анализ. Для обработки результатов использовался пакет прикладных программ Excel и IBM SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 1 показаны результаты диагностики карьерных ориентаций сотрудников правоохранительных органов. В карьере респонденты в большей мере ориентированы на стабильность места работы (средний балл — 7,46), служение (7,26), интеграцию стилей жизни (6,99) и автономию (6,54). В профессиональной сфере жизни респонденты ценят постоянство и устойчивость, возможность быть полезными другим людям, обществу, государству и реализовывать себя в этом, признание важности всех сфер жизни, сбалансированное их сочетание, независимость, ответственность только перед собой и законом, самостоятельность в выполнении профессиональных задач.

Таблица 1

Средневыборочные значения показателей карьерных ориентаций респондентов (N = 100)

Карьерные ориентации	Среднее значение	Стандартное отклонение
Профессиональная компетентность	5,32	1,971
Менеджмент	5,85	2,294
Автономия	6,54	1,881
Стабильность места работы	7,46	2,114
Стабильность места жительства	4,39	2,625
Служение	7,26	1,932
Вызов	5,56	1,773
Интеграция стилей жизни	6,99	1,464
Предпринимательство	4,92	2,136

Таблица 2

Средневыборочные значения показателей социально-психологических установок респондентов (N = 100)

Социально-психологические установки	Среднее значение	Стандартное отклонение
Процесс	5,99	1,592
Результат	6,82	1,559
Альтруизм	5,92	2,489
Эгоизм	3,99	2,013
Труд	4,78	2,286
Свобода	5,41	2,310
Власть	5,36	2,525
Деньги	3,98	2,335

В табл. 2 показаны средневыборочные значения выраженности социально-психологических установок у сотрудников правоохранительных органов. Среди социально-психологических установок наиболее проявлены установки на результат (средний балл — 6,82), на процесс (5,99), альтруизм (5,92), свободу (5,41) и власть (5,36). Респонденты стре-

мятся достигать результатов в своей деятельности вопреки всякого рода помехам и трудностям; для них важно, чтобы работа была интересной, однако вместе с этим они могут выполнять и рутинную работу. Их характеризует зрелое отношение к другим и к обществу, стремление действовать для пользы других, позитивное оценивание умения влиять на других; также опрошенные мотивированы на отстаивание своей свободы и независимости.

Для исследования у респондентов структуры мотивации в карьере и выявления ее скрытых элементов был проведен факторный анализ. В факторном отображении карьерной мотивации сотрудников правоохранительных органов выделены четыре центральных фактора (с первого по четвертый) и два фактора в качестве дополнительных (пятый и шестой). Всего доля дисперсии у респондентов составила 66,53%.

В первый фактор с долей дисперсии 18,72% вошли установки на эгоизм (0,805), свободу (0,789) и деньги (0,767). По этому фактору можно судить о том, что для сотрудников правоохранительных органов ценными представляются качества активности, инициативности и независимости, основанные на чувстве внутренней свободы и возможности следовать личным интересам, сочетая их с общественными нормами и установками. При этом ориентация на увеличение дохода и монетизацию позволяет действовать рационально, максимизировать личные и профессиональные успехи и быть финансово более свободным. Сочетание указанных установок, с нашей точки зрения, можно обозначить как рационально-независимую ориентацию в карьере.

Второй фактор с долей дисперсии 15,02% образовали установки на служение (0,737), профессиональную компетентность (0,733), интеграцию стилей жизни (0,675) и стабильность места работы (0,596). Комбинация перечисленных компонентов подразумевает общественно-полезную ориентацию личности в карьере и позволяет говорить о том, что опрошенные при выполнении профессиональных функций строго исходят из внутренней гражданской позиции, ориентированы на самоотдачу в профессии как общественно полезной деятельности, а профессиональные знания, профессиональный и жизненный опыт обуславливают умение ценить равновесность всех сторон жизни, как и устойчивость профессионального положения.

В третьем факторе с долей дисперсии 10,82% объединены установки на власть (0,774), труд (0,750) и результат (0,678). В числе приоритетных установок у сотрудников правоохранительных органов — направленность на влияние и контроль над другими — те умения и качества, которые являются профессионально значимыми и необходимыми в процессе успешной трудовой деятельности; на активную деятельную позицию в профессии, позволяющую поддерживать необходимый уровень жизнеобеспечения, быть эффективным и продуктивным. Такую совокупность установок можно назвать влиятельно-деятельностной ориентацией личности.

Четвертый фактор с долей дисперсии 8,04% связывает карьерные ориентации на автономию (0,624), предпринимательство (0,673), стабильность места жительства (- 0,613) и менеджмент (0,546). Сочетание и значение этих мотивов в карьере свидетельствует о том, что респондентам комфортно быть свободными и независимыми в своей деятельности, самостоятельно организовывать рабочие процессы и брать на себя ответственность при решении проблем. Качества целеустремленности и энергичности сочетаются со стремлением к финансовой автономии и мобильности, с готовностью к командированию и возможной смене жительства, образуя автономно-инициативную ориентацию личности в карьере.

В пятый фактор с долей дисперсии 7,74% вошли социально-психологические установки на альтруизм (0,760) и процесс (0,671); следовательно, критерием нравственных оценок у со-

трудников правоохранительных органов выступают интересы социальной общности и других людей — этот показатель связан с увлеченностью работой, соблюдением правил и технологий профессиональной деятельности.

Шестой фактор с долей дисперсии 6,2% объединяет карьерные мотивации на вызов (0,753) и менеджмент (0,520). Значимыми в профессиональных стремлениях респондентов являются ценности соревнования и победы, умение решать сложные профессиональные задачи и принимать ключевые решения, руководить другими людьми. Взаимосвязь этих мотивов указывает на то, что опрошенные чувствуют себя компетентными и успешными в сложной обстановке при преодолении трудностей.

Выводы

Проведенное исследование карьерных ориентаций сотрудников правоохранительных органов позволило прийти к следующим заключениям.

Во-первых, изучение ценностных приоритетов в карьере необходимо с точки зрения их осмысления как показателей уровня профессиональной и служебной эффективности сотрудников правоохранительных органов.

Во-вторых, психодиагностика карьерной мотивации в профессии сотрудников правоохранительных органов, с одной стороны, может быть полезной для опрошенных как повод для саморефлексии и инвентаризации профессиональных ценностей, с другой — служить исследовательским задачам, направленным на поиск тенденций ценностных предпочтений в карьере юристов.

В-третьих, в результате теоретико-эмпирического исследования выявлено, что структура мотивации в карьере сотрудников правоохранительных органов включает в качестве основных компонентов карьерные ориентации на стабильность места работы, служение, интеграцию стилей жизни и автономию, а также социально-психологические установки на результат и процесс труда, альтруизм, свободу и власть.

В-четвертых, факторный анализ показал, что модель карьерной направленности у сотрудников правоохранительных органов представлена рационально-независимой, общественно-полезной, влиятельно-деятельностной и автономно-инициативной ориентациями в карьере.

И в-пятых, выделение факторов мотивации в карьере может быть обоснованием при создании пролонгированной программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов для повышения продуктивности их службы и профессионализма.

Литература

1. *Анисимов А.И., Ильина П.А.* Ценностно-смысловые ориентации и духовные ресурсы здоровья студентов вузов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018. Том 29. № 1. С. 125–132.
2. *Анисимов О.С.* Цели и ценности: сущностные сопоставления // Мир психологии. 2008. № 4. С. 178–189.
3. *Ермолаев В.В., Марьин М.И., Воронцова Ю.* Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в современных представлениях управленческой элиты полиции [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Том 27. № 4 (91). С. 366–372. doi:10. 24412/1999-6241-2022-491-366-372

4. Знаков В.В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2019. Том 40. № 5. С. 27–34. doi:10.31857/S020595920006073-6
5. Котенева А.В. Смыслжизненные ориентации и биопсихологический возраст сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 36–51. doi:10.17759/psylaw.2020100303
6. Кроз М.В. Деятельностные факторы мотивации труда прокурорских работников [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 1. С. 132–139. doi:10.17759/psylaw.2016060111
7. Лазукова Е.А. Социально-демографические факторы трудовой карьеры чиновников // Власть. 2014. № 2. С. 154–159.
8. Пискарева С.Е. Взаимосвязь карьерных ориентаций руководителей с профессиональной активностью и общей жизненной удовлетворенностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Том 18. № 1. С. 58–62. doi:10.18500/1819-7671-2018-18-1-58-62
9. Пухарева Т.С., Рудин А.В. Ценностно-мотивационная направленность сотрудников следственных органов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2022. № 3 (60). С. 17–25. doi:10.33463/2072-8336.2022.3(60).017-025
10. Пухарева Т.С., Шерстюк Т.С. Социально-психологические установки адвокатов, сменивших профессию следователя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 67–76. doi:10.17759/psylaw.2022120106
11. Пучкова Е.Б., Темнова Л.В., Сорокоумова Е.А., Курносова М.Г. Взаимосвязь ценностей и карьерных ориентаций современных подростков [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 5. С. 27–36. doi:10.17759/pse.2019240503
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб, 2002. 720 с.
13. Терехова Т.А., Самойлик Н.А., Серегина О.С., Тавилова Н.Н. Диагностика системы ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 111–124. doi:10.17759/psylaw.2022120209
14. Хвезженко С.П., Дубнякова А.И. Анализ исследований в области мотивационных предпочтений сотрудников ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 184–188.
15. Щеголева Т.В., Марьин М.И. Система ценностей сотрудников органов внутренних дел как фактор регуляции служебного поведения [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Том 24. № 3 (78). С. 289–293. doi:10.24411/1999-6241-2019-13007

References

1. Anisimov A.I., Ilina P.A. Tsennostno-smyslovye orientatsii i dukhovnye resursy zdorov'ya studentov vuzov [Value-semantic orientations and spiritual resources of health in higher education students]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty = Scientific Notes Journal of Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2018. Vol. 29, no. 1, pp. 125–132. (In Russ.).
2. Anisimov O.S. Tseli i tsennosti: sushchnostnye sopostavleniya. *Mir psikhologii = World of Psychology*, 2008, no. 4, pp. 178–189. (In Russ.).

3. Ermolaev V.V., Maryin M.I., Vorontsova Yu. Tsennostnye regulatory povedencheskikh norm v organizatsionnoi kul'ture organov vnutrennikh del v sovremennykh predstavleniyakh upravlencheskoi elity politsii [Value Regulators of Behavioral Norms in the Organizational Culture of Law Enforcement Bodies in Modern Views of the Elite of the Police Management Staff] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2022. Vol. 27, no. 4 (91), pp. 366–372. doi:10.24412/1999-6241-2022-491-366-372 (In Russ.).
4. Znakov V.V. Dinamicheskii podkhod k issledovaniyu lichnosti i protsessual'nyi analiz v psikhologii sub'ekta [Dynamic approach to the research of personality and procedural analysis in psychology of subject] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2019. Vol. 40, no. 5, pp. 27–34. doi:10.31857/S020595920006073-6 (In Russ.).
5. Koteneva A.V. Smyslozhiznennye orientatsii i biopsikhologicheskii vozrast sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [The Life-meaning Orientations and Biopsychological Age of Correctional Officials] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 36–51. doi:10.17759/psylaw.2020100303 (In Russ.).
6. Kroz M.V. Deyatel'nostnye faktory motivatsii truda prokurorskikh rabotnikov [Action factors of work motivation of prosecutors] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 132–139. doi:10.17759/psylaw.2016060111 (In Russ.).
7. Lazukova E.A. Sotsial'no-demograficheskie faktory trudovoi kar'ery chinovnikov [Social and Demographic Factors of Officials' Career]. *Vlast' = The Authority*, 2014, no. 2, pp. 154–159. (In Russ.).
8. Piskareva S.E. Vzaimosvyaz' kar'ernykh orientatsii rukovoditelei s professional'noi aktivnost'yu i obshchei zhiznnoi udovletvorennost'yu [The Correlation of Career Orientations of Managers with Professional Activity and Overall Life Satisfaction]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018. Vol. 18, no. 1, pp. 58–62. doi:10.18500/1819-7671-2018-18-1-58-62 (In Russ.).
9. Pukhareva T.S., Rudin A.V. Tsennostno-motivatsionnaya napravlennost' sotrudnikov sledstvennykh organov Rossiiskoi Federatsii [Value-motivational orientation of employees of investigative bodies of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2022, no. 3 (60), pp. 17–25. doi:10.33463/2072-8336.2022.3(60).017-025 (In Russ.).
10. Pukhareva T.S., Sherstyuk T.S. Sotsial'no-psikhologicheskie ustanovki advokatov, smenivshikh professiyu sledovatelya [The Socio-Psychological Attitudes of Lawyers Who Previously Worked as Investigators] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 67–76. DOI:10.17759/psylaw.2022120106 (In Russ.).
11. Puchkova E.B., Temnova L.V., Sorokoumova E.A., Kurnosova M.G. Vzaimosvyaz' tsennostei i kar'ernykh orientatsii sovremennykh podrostkov [Relationship Between Values and Career Orientations in Modern Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 5, pp. 27–36. doi:10.17759/pse.2019240503 (In Russ.).
12. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. Saint Petersburg, 2002. 720 p. (In Russ.).
13. Terekhova T.A., Samoilik N.A., Seregina O.S., Tavtilova N.N. Diagnostika sistemy tsennostnykh orientatsii studentov i kursantov obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii [Diagnostics of the System of Value Orientations of Students and Cadets of Educational Organizations of the

Пухарева Т.С., Рудин А.В.
Карьерные ориентации сотрудников
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 49–57.

Pukhareva T.S., Rudin A.V.
Career Orientation of Law Enforcement Officers
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 49–57.

Federal Penitentiary Service of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo= Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 111–124. doi:10.17759/psylaw.2022120209 (In Russ.).

14. Khvezhenko S.P., Dubnyakova A.I. Analiz issledovaniy v oblasti motivatsionnykh predpochteniy sotrudnikov OVD. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2007, no. 4 (36), pp. 184–188. (In Russ.).

15. Shchegoleva T.V., Maryin M.I. Sistema tsennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del kak faktor regulyatsii sluzhebnogo povedeniya [Law Enforcement Officers' System of Values as the Factor of Regulating Professional Officer's Behaviour] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2019. Vol. 24, no. 3 (78), pp. 289–293. doi:10.24411/1999-6241-2019-13007 (In Russ.).

Информация об авторах

Пухарева Татьяна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра социальной психологии и социологии управления, факультет управления и психологии, доцент, кафедра криминалистики и правовой информатики, юридический факультет, Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ), г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Рудин Артем Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГБОУ ВО МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6325-9245>, e-mail: avuniversity@mail.ru

Information about the authors

Tatiana S. Pukhareva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Social Psychology and Sociology of Management, Faculty of Management and Psychology, Associate Professor, Department of Criminalistics and Legal Informatics, Faculty of Law, Kuban State University, Krasnodar, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2833-1034>, e-mail: puchareva@bk.ru

Artem V. Rudin, PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6325-9245>, e-mail: avuniversity@mail.ru

Получена 06.01.2023
Принята в печать 06.02.2023

Received 06.01.2023
Accepted 06.02.2023

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ |
PERSONALITY-ORIENTED PSYCHOTECHNOLOGIES IN LAW ENFORCEMENT

**Феномен коррупционного поведения и его
ассоциативно-понятийная составляющая
в социальных репрезентациях руководителей
подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД**

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО «ОрЮИ
МВД России имени В.В. Лукьянова»), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

В науке и практике сохраняет актуальность тема коррупционного поведения, обладающего высокой степенью общественной опасности. Нетривиальным видится изучение коррупционного поведения на уровне социальных репрезентаций как проявления психологического пространства социальной группы, а именно профессиональной группы сотрудников Госавтоинспекции. Цель исследования состоит в определении особенностей социальных представлений о феномене коррупционного поведения, выявляемых на основе установления респондентами ассоциативно-смысловых отношений с иными понятиями. В ходе эмпирического изыскания, осуществленного в онлайн-формате с руководителями Госавтоинспекции, применены опрос, анализ конкретных ситуаций и метод направленных ассоциаций. Основные результаты заключаются в нахождении содержательных и структурных особенностей социальных репрезентаций о коррупционном поведении; выявлении тесной ассоциативной связи с категориями «социальный менталитет», «профессиональная среда», «коррупционный риск», «правосознание» и «профессиональная деформация». Полученные выводы способны служить отправной точкой для экспериментальных исследований и оформления объяснительного теоретического знания.

Ключевые слова: коррупционное поведение, социальный менталитет, профессиональная среда, коррупционный риск, правосознание, профессиональная деформация, сотрудники Госавтоинспекции.

Для цитаты: Борисова С.Е. Феномен коррупционного поведения и его ассоциативно-понятийная составляющая в социальных репрезентациях руководителей подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 58–69. DOI:10.17759/psylaw.2023130205

Борисова С.Е.
Феномен коррупционного поведения
и его ассоциативно-понятийная составляющая
в социальных репрезентациях руководителей
подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 58–69.

Borisova S.E.
The Phenomenon of Corrupt Behavior and its
Associative-Conceptual Component in the Social
Representations of the Heads of Departments
of the Traffic Police Road Patrol Service
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 58–69.

The Phenomenon of Corrupt Behavior and its Associative-Conceptual Component in the Social Representations of the Heads of Departments of the Traffic Police Road Patrol Service

Svetlana E. Borisova

V.V. Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Orel, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

The topic of corrupt behavior with a high degree of public danger remains relevant in science and practice. It is not trivial to study corrupt behavior at the level of social representations as a manifestation of the psychological space of a social group, namely a professional group of traffic police officers. The purpose of the study is to determine the features of social ideas about the phenomenon of corrupt behavior, identified on the basis of the establishment by respondents of associative-semantic relations with other concepts. In the course of an empirical survey carried out in an online format with the heads of the State Traffic Inspectorate, a survey, analysis of specific situations and the method of directed associations were applied. The main results consist in finding the content and structural features of social representations of corrupt behavior revealing a close associative relationship with the categories of social mentality, professional environment, corruption risk, legal awareness and professional deformation. The obtained conclusions can serve as a starting point for experimental research and the formation of explanatory theoretical knowledge.

Keywords: corrupt behavior, social mentality, professional environment, corruption risk, legal awareness, professional deformation, traffic police officers.

For citation: Borisova S.E. The Phenomenon of Corrupt Behavior and its Associative-Conceptual Component in the Social Representations of the Heads of Departments of the Traffic Police Road Patrol Service. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 58–69. DOI:10.17759/psylaw.2023130205 (In Russ.).

Введение

В настоящее время в числе отрицательных стимулов социальной напряженности заметное место занимает коррупционное поведение, продолжая оставаться важной научной проблемой и объектом пристального внимания в сферах практической деятельности, ориентированных на борьбу с общественно опасными явлениями.

Вопреки тенденции совершенствования законодательства о противодействии коррупции, констатируется недостаточность мер и необходимость выработки эффективных путей, локализуемых в иных сферах социального взаимодействия [14].

Так, в работах уголовно-правовой и криминологической направленности подчеркивается насущность выявления психологических характеристик коррупционного поведения и их учета в разработке системы виктимологической профилактики и противодействия коррупции [7; 8].

Характеризуя вклад отечественных психологов, следует сослаться на фундаментальное исследование, посвященное комплексному рассмотрению социально-психологических показателей коррупции и воплощенное в коллективном труде, изданном Институтом психологии Российской академии наук [15, с. 37—62].

Разработке теоретико-методологических оснований изучения психологии коррупции как нового научного направления посвящена монография О.В. Ванновской, раскрывающей психологическую природу, структуру и механизмы коррупционного поведения, а также обосновывающей возможность диагностики антикоррупционной устойчивости [4, с. 123—160].

Учеными аргументируется взгляд, согласно которому в русле психолого-правовых исследований вырисовывается отдельный вектор научных изысканий, направленный на вопросы профилактики коррупционных правонарушений и правового просвещения молодежи [5].

Новаторским представляется мнение о резонности конструирования многомерного и динамично развивающегося антикоррупционного профессионального пространства, минимизирующего коррупционное поведение субъектов делового взаимодействия [10].

Одновременно усилия ученых направлены на создание технологий по профилактике деструктивных отклонений в поведении сотрудников органов внутренних дел в антикоррупционной сфере и формирование у них антикоррупционной устойчивости [12].

Проведенное исследование посвящено феномену коррупционного поведения, отраженного в социальных репрезентациях руководителей подразделений дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — ДПС ГИБДД).

Последовательность воплощения научного замысла соотносится со стадиями психологического исследования [18, с. 109—120], а в качестве дополнительного разъяснения стоит сослаться на проект, выполнивший роль пилотажного поиска, итоги которого опубликованы ранее [3].

Научная работа основана на совокупности методологических принципов, а именно: на принципе системности, предусматривающем рассмотрение психологических явлений в их сопряжении друг с другом; принципе единства сознания и деятельности, предполагающем неразрывную взаимную обусловленность умственных образов внутренней картины мира и процесса взаимодействия субъекта с реальностью.

Приняты к сведению воззрения о сущности феноменологического метода и феноменологической стратегии качественного исследования, участники которого рассматриваются как эксперты, обладающие жизненным опытом и способные определять смысловую наполненность обсуждаемого явления на основе его соотнесения с другими понятиями [17].

Концептуальную основу научного произведения составили положения теорий, оперирующих категориями, имеющими отношение к процессу репрезентации социально-значимых явлений. А именно, мы руководствовались постулатами теории социальных представлений, формирующихся в ходе коммуникации и обладающих структурой [2; 16]; опирались на суждения, лежащие в пределах психологической теории поля, в том числе размышления о жизненном пространстве индивида и группы [9, с. 11—12, 65–69, 71, 171—173, 266].

Кроме того, нами взято в расчет психолингвистическое понимание ассоциативного поля, презентуемого как объединение вокруг слова-стимула определенных словесных реакций, свидетельствующих об актуализации тематических, ситуативных или культурно детерминированных представлений об обозначаемых словами-стимулами явлениях [1].

В ходе интерпретации мы придерживались теоретической позиции, согласно которой ассоциативное поле резонно считать не только выражением компонента социальных репрезентаций, но и фрагментом частного психологического пространства социальной группы, выступающего, в свою очередь, продуктом отражения реальной действительности.

Программа исследования

Цель исследования состоит в определении особенностей социальных представлений руководителей подразделений ДПС ГИБДД о феномене коррупционного поведения, выявляемых на основе установления ими ассоциативно-смысловых отношений с совокупностью психологических понятий, представляемой нами как фрагмент профессионального психологического пространства сотрудников ДПС ГИБДД.

Построение ассоциативно-смысловых связей осуществлялось в двух плоскостях: во-первых, между словосочетанием «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» (фраза-стимул) и множеством понятий (термины-реакции); во-вторых, между словосочетанием «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» (фраза-стимул) и тем же множеством понятий (термины-реакции).

В соответствие с целью выдвинуты следующие **содержательные гипотезы**:

1. Прогнозируется установление руководителями подразделений ДПС ГИБДД ассоциативно-понятийного единообразия в социальных репрезентациях феномена коррупционного поведения, проявляющегося в любой сфере профессиональной деятельности и в ситуациях труда сотрудников ДПС ГИБДД.

2. Социальное восприятие феномена коррупционного поведения отличается структурированностью, выражающейся в характере выстраиваемых руководителями подразделений ДПС ГИБДД ассоциативно-понятийных связей.

3. Центральное ядро ассоциативных отношений, создаваемых респондентами с конструктом «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД», но обладающих границами в виде заданного континуума понятий, как мы предполагаем, включит термины «социальный менталитет», «правосознание», «профессиональный менталитет».

В ходе сбора фактических данных применен ряд эмпирических методов (опрос, анализ конкретных ситуаций, метод направленных ассоциаций), а в группу респондентов вошли слушатели Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, обучающиеся в течение 2022 и 2023 гг. по дополнительной профессиональной программе «Повышение квалификации командиров (заместителей, начальников штабов) строевых подразделений ДПС ГИБДД территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях» (далее — командиры ДПС ГИБДД).

По критерию «регион службы» полицейские представляли разные субъекты Российской Федерации; средний стаж службы в органах внутренних дел составил 17 лет, из них 15,1 года — в подразделениях ГИБДД. При этом респонденты обладают стажем управленческой деятельности в занимаемой должности в подразделении ГИБДД, составляющим в среднем 2,6 года. По половой принадлежности 98% респондентов являются представителями мужского пола, чей образовательный уровень характеризуется наличием высшего образования, преимущественно юридического профиля. Всего опрошено 59 сотрудников Госавтоинспекции.

Процедура онлайн-опроса сопровождалась просмотром и детальным анализом новостных видеорепортажей, размещенных на веб-ресурсе мультимедийной онлайн-платформы «Смот-

рим», в предлагаемый контент которой мысленно погружались респонденты. На следующем этапе опроса предлагались задания, предусматривающие знакомство с перечнем из шестнадцати терминов. Согласно инструкции требовалось выбрать семь терминов-реакций, в наибольшей степени ассоциирующихся с понятием «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» (о сути дальнейшего вопроса отвечающим не сообщалось). Затем происходил переход на иную страницу сконструированного шаблона опроса, где формулировалось аналогичное задание относительно понятия «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» (корректировка ответов на предыдущий вопрос не предусматривалась). Поясним, что формальным условием согласованного понимания смысла терминов-реакций выступило использование кратких словарных дефиниций каждого из них.

Количественная обработка данных сопровождалась конструированием порядковых шкал по частоте упоминания терминов-ассоциаций в каждой из двух попыток, а установление степени согласованности изменений результатов ранжирования производилось путем расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена, скорректированного с учетом наличия связанных рангов [6, с. 38—39; 11, с. 77—78, 80, 153—154].

Кроме того, вычислялась относительная частота (ω) упоминания каждого из шестнадцати предложенных терминов в ходе построения двух ассоциативных рядов: первого — со словосочетанием «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» и второго — с фразой «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД». Установление относительной частоты позволило сформировать ядро ассоциаций, образованное терминами с относительной частотой, большей или равной показателю 0,09.

Статистическими гипотезами выступили следующие предположения:

1) ожидается отсутствие тесной корреляционной связи между идентичными ассоциативными рядами понятий, относящимися к словосочетаниям «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» и «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» (нулевая гипотеза);

2) ожидается наличие тесной корреляционной связи между идентичными ассоциативными рядами понятий, относящимися к словосочетаниям «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» и «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» (альтернативная гипотеза).

Рассмотрение полученных результатов и формулировка выводов проведены в контексте современных представлений о типах научных объяснений, а именно исходя из существующего толкования структурного и системного подходов как разновидностей интерпретационного метода [18, с. 29—30].

Уточним, что в тексте публикации словосочетания «ассоциативно-смысловое», «ассоциативно-понятийное», «ассоциативно-терминологическое» (как и их грамматические формы) используются нами как синонимы.

Результаты исследования

Ранжированные данные, отражающие ассоциативно-терминологическое понимание сотрудниками ДПС ГИБДД лексических единиц «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» и «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД», представлены в диаграмме (рис. 1).

Рис. 1. Порядковые ранги терминов, ассоциирующихся у респондентов с понятиями «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» и «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» (наименьший ранг присвоен чаще упоминаемому термину-реакции)

Эмпирическое значение r -Спирмена составило 0,94, что дает основания отклонить нулевую гипотезу и констатировать получение результата, свидетельствующего о наличии исследуемой корреляционной связи на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,001$).

То есть установлен статистически значимый результат, позволяющий принять альтернативную гипотезу и сделать вывод о наличии тесной связи между идентичными ассоциативными рядами понятий, относящимися к указанным в гипотезах словосочетаниям.

В ходе интерпретации мы исходили из представления, согласно которому ассоциативное толкование фразы-стимула соотносится с пониманием сущности явления, обозначенного этой фразой. Другими словами, полученная картина ассоциативно-смысловых связей является компонентом социальных представлений респондентов о соотношении соответствующих понятиям феноменов, проявляющихся в психологическом пространстве и реальном контексте профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД.

Наиболее тесные смысловые связи словосочетаний-стимулов, судя по установленным рангам и относительной частоте упоминания, большей или равной значению 0,09, обнаружи-

ваются с понятиями «социальный менталитет», «профессиональная среда», «коррупционный риск», «правосознание» и «профессиональная деформация».

Обращаясь к концептуальной основе исследования, считаем резонным рассматривать *социальный менталитет* как составляющую психологического пространства, объясняющую поведение человека и межличностные отношения, а также нередко выполняющую главную роль в принятии социально значимых решений.

В связи с этим уместно сослаться на авторскую концепцию В.И. Пищик, в рамках которой осуществляется тщательный анализ исторически сложившихся представлений о психологическом пространстве и раскрывается сущность его составляющей — ментального психологического пространства, обладающего своими координатами (в том числе значениями, смыслами и ценностями), формирующегося в социокультурном контексте и присущего коллективному носителю ментальности [13].

Объясняя взаимную *связь коррупционного поведения и профессиональной среды*, обратимся к результатам обсуждения новостных видеорепортажей, разбираемых с респондентами через призму установки на достоверность сведений, транслируемых средствами массовой информации.

Рассуждая о факторах коррупционного поведения, присущих профессиональной среде сотрудников Госавтоинспекции (на примере видеоматериала «Вести. Дежурная часть. Любитель взяток и золотых унитазов: как удалось разоблачить главного гаишника»), полицейские указывают на наличие негативных явлений в подразделениях ГИБДД (74,6% ответов), неправильное видение сотрудниками Госавтоинспекции миссии обеспечения безопасности дорожного движения (64,4% ответов), недостаточный учет личностных качеств и положительной мотивации к служебной деятельности при назначении на должности старшего начальствующего состава полиции (50,8% ответов).

Определяя субъективные факторы коррупционного поведения, способствующие противозаконным действиям сотрудников ДПС ГИБДД (на примере видеоматериала «Громкая спецоперация силовиков в Ростовской области»), респонденты, в числе иных популярных ответов, предпочли суждение: «понимание сотрудниками, что непринятие неписанных правил поведения, неформально установленных в батальоне ДПС ГИБДД данного населенного пункта, возможно только в случае увольнения из Госавтоинспекции» (41,5% ответов).

В противовес приведенным ответам, 68,3% опрошенных считают, что освещенные факты вызовут негативные чувства коллег к сотрудникам ДПС ГИБДД, являющимся антигероями анализируемого контента.

Одновременно часть респондентов отмечают неприглядное влияние отрицательных характеристик *профессионального менталитета* (42,3% ответов) и *недостаточного уровня правосознания* (34%) у сотрудников Госавтоинспекции. Вместе с тем в свободных ответах, респонденты не только с заметной частотой относят развитое правосознание к положительным профессионально важным качествам сотрудников ДПС ГИБДД, но и считают, что оно во многом нейтрализует влияние коррупционных рисков, встречающихся в профессиональной деятельности.

Примечательно, что в ходе аналогичного эмпирического исследования, параллельно проведенного с той же выборкой и направленного на выявление понятийно-смысловых ассоциаций со словосочетанием «коррупционный риск в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД», термин «правосознание» оказался самым упоминаемым и занимающим

первый ранг в сравнении с четвертой позицией этого слова-реакции в ассоциативном ряду со стимулом «коррупционный риск в любой профессиональной деятельности».

Самостоятельного комментария заслуживает факт ассоциативно-смысловой связи фраз-стимулов с понятием профессиональной деформации. Признавая необоснованность суждений о причинно-следственных связях, сделаем теоретическое допущение, согласно которому существуют специфические особенности труда, способные выполнить роль нежелательных факторов, одновременно вызывающих развитие двух принципиально разных, но объединяемых отрицательной сущностной окрашенностью феноменов — коррупционного поведения и профессиональной деформации. Применительно к профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции к подобным факторам предположительно следует отнести организационно-управленческие недостатки функционирования подразделений ГИБДД и недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников Госавтоинспекции.

Уточним, что в соответствии с принятым в исследовании критерием термин «профессиональный менталитет» не входит в состав ядра, но оказывается максимально приближенным к центру ассоциативного поля понятийного конструкта «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» ($\omega=0,07$), что свидетельствует о неплотном подтверждении одной из содержательных гипотез. Примечательно, что аналогичный результат констатируется относительно термина-реакции «профессиональные ценности», оказавшегося рядом с центральным узлом ассоциативного поля той же фразы-стимула ($\omega=0,07$).

Выводы

1. Концептуальная основа и эмпирические показатели научного исследования позволили определить особенности социальных представлений руководителей подразделений ДПС ГИБДД о феномене коррупционного поведения, являющихся отражением частного психологического пространства представителей профессиональной группы сотрудников Госавтоинспекции (на примере конкретного случая приводимого эмпирического исследования).

2. Обнаружена высокая степень сходства ассоциативно-смыслового понимания командирами ДПС ГИБДД словесных выражений «коррупционное поведение в любой профессиональной деятельности» и «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД». Согласованность понятийных репрезентаций позволяет говорить о видении респондентами единой природы происхождения коррупционного поведения, сходства механизмов его порождения и функционирования, присущих как обществу, так и профессиональной группе сотрудников ДПС ГИБДД.

3. Социальное восприятие респондентами явления коррупционного поведения представлено в виде структурированной модели разнопорядковых понятийных связей, включающих ядро и периферию ассоциативного поля соответствующего термина-стимула. Центр смысловых отношений концепта «коррупционное поведение в профессиональной деятельности сотрудников ДПС ГИБДД» сконцентрирован на понятиях «социальный менталитет», «профессиональная среда», «коррупционный риск», «правосознание» и «профессиональная деформация», что частично подтверждает гипотезу о составе ядра изучаемого ассоциативного поля, но вместе с тем расширяет ее изначальную формулировку. Одновременно понятие профессионального менталитета с учетом установленных критериев оказалось в области периферии, наиболее близкой к ядру ассоциативно-смысловых соединений.

4. Результаты исследования не предполагают рассуждений о причинно-следственных связях, но в определенной степени свидетельствуют о феноменологии внутреннего мира респон-

Борисова С.Е.
Феномен коррупционного поведения
и его ассоциативно-понятийная составляющая
в социальных репрезентациях руководителей
подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 58–69.

Borisova S.E.
The Phenomenon of Corrupt Behavior and its
Associative-Conceptual Component in the Social
Representations of the Heads of Departments
of the Traffic Police Road Patrol Service
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 58–69.

дентов, являющегося отражением фактической наполненности их профессиональной реальности. Это выступает предпосылкой для дальнейшего научного анализа социальных репрезентаций сотрудников Госавтоинспекции о феномене коррупционного поведения, глубокого изучения характера его субъективной детерминации и соотношения с иными явлениями.

5. Расширение спектра научных изысканий создаст почву для перехода с частно-научной ступени на уровень построения теоретического подхода к объяснению феномена коррупционного поведения. В свою очередь, создание научно обоснованной теоретической концепции позволит разработать эффективные психолого-правовые технологии, применяемые в работе с личным составом Госавтоинспекции и рассматриваемые как звено межотраслевой системы профилактики коррупционного поведения в социуме.

Литература

1. *Акопов Г.В., Ихсанова С.Г., Рулина Т.К.* Ассоциативно-смысловая определенность откликов на словесные стимулы секулярного и религиозного значения // Российский психологический журнал. 2015. Том 12. № 1. С. 41–49.
2. *Баксанский О.Е.* Современные когнитивные репрезентации о мире // Философия науки. 2002. Том 8. № 1. С. 278–301.
3. *Борисова С.Е.* Феномен коррупционного поведения и пути снижения коррупционного риска в профессиональной деятельности сотрудников Госавтоинспекции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 16–27. doi:10.17759/psylaw.2022120402
4. *Ванновская О.В.* Психология коррупционного поведения государственных служащих: Монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2023. 251 с.
5. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 178–193. doi:10.17759/psylaw.2022120213
6. *Злоказов К.В.* Математические методы психологического исследования: Учебное пособие. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. 108 с.
7. *Иванова А.А.* Виктимологические факторы коррупционного преступления и антикоррупционная виктимологическая безопасность [Электронный ресурс] // Lex russica. 2022. Том 75. № 10. С. 82–94. doi:10.17803/1729-5920.2022.191.10.082-094
8. *Крижановская Г.Н., Тоньшев А.В., Викторов А.В., Николаева Е.А., Симончук Е.Р.* Коррупция в России: психологический анализ явления и возможные пути предупреждения совершения преступлений коррупционной направленности // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 117–124.
9. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб: Речь; ООО «Сенсор», 2000. 368 с.
10. *Манолова О.Н.* Формирование антикоррупционного профессионального пространства // Мир психологии. 2012. № 4 (72). С. 204–216.
11. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: Учебное пособие. СПб: Речь, 2004. 392 с.
12. *Миронкина О.Н.* Профилактика девиаций в области антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2 (4). С. 454–478. doi:10.35750/2713-0622-2022-4-454-478

Феномен коррупционного поведения и его ассоциативно-понятийная составляющая в социальных репрезентациях руководителей подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 58–69.

The Phenomenon of Corrupt Behavior and its Associative-Conceptual Component in the Social Representations of the Heads of Departments of the Traffic Police Road Patrol Service
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 58–69.

13. Пищик В.И. Конфигурация координат психологического пространства ментальности поколений [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 38–49. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2013_n2/60968 (дата обращения: 16.04.2023).
14. Савинов Л.В., Шорохов В.Е. Сравнительный анализ антикоррупционной политики России и зарубежных стран [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2021. Том 12. № 2. С. 26–37. doi:10.24411/2221-3279-2021-10016
15. Социально-психологические исследования коррупции / под ред. А.Л. Журавлева, Д.А. Китовой, В.А. Соснина. М.: Институт психологии РАН, 2017. 288 с.
16. Трушкова С.В. Структура, динамика и функции социальных представлений. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1996. № 3. С. 180–201.
17. Улановский А.М. Качественные стратегии и методы исследования в психологии // Современная экспериментальная психология: В 2 т. Т. 1. 2-е изд. / под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2019. 560 с.
18. Филь Т.А. Методология и методы психологических исследований: Учебное пособие. М.: IPR MEDIA, 2021. 140 с.

References

1. Akopov G.V., Ikhsanova S.G., Rulina T.K. Assotsiativno-smyslovaya opredelennost' otklikov na slovesnye stimuly sekulyarnogo i religioznogo znacheniya [Associative-semantic certainty of response to verbal stimuli secular and religious values]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2015. Vol. 12, no. 1, pp. 41–49. (In Russ.).
2. Baksansky O.E. Sovremennye kognitivnye reprezentatsii o mire. *Filosofiya nauki = Philosophy of Science*, 2002. Vol. 8, no. 1, pp. 278–301. (In Russ.).
3. Borisova S.E. Fenomen korruptsionnogo povedeniya i puti snizheniya korruptsionnogo riska v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov Gosavtainspektсии [The Phenomenon of Corrupt Behavior and Ways to Reduce Corruption Risk in the Professional Activities of Traffic Police Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 16–27. doi:10.17759/psylaw.2022120402 (In Russ.).
4. Vannovskaya O.V. Psikhologiya korruptsionnogo povedeniya gosudarstvennykh sluzhashchikh: Monografiya. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2023. 251 p. (In Russ.).
5. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Otnoshenie molodezhi k korruptsii kak proyavlenie ekonomicheskogo mentaliteta rossiyan [Youth Attitudes towards Corruption as a Manifestation of the Economic Mentality of Russians] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 178–193. doi:10.17759/psylaw.2022120213 (In Russ.).
6. Zlokazov K.V. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya: Uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2022. 108 p. (In Russ.).
7. Ivanova A.A. Viktimologicheskie faktory korruptsionnogo prestupleniya i antikorrupsionnaya viktimologicheskaya bezopasnost' [Victimological Factors in Corruption Offences and Anti-Corruption Victimological Security] [Elektronnyi resurs]. *Lex russica*, 2022. Vol. 75, no. 10, pp. 82–94. doi:10.17803/1729-5920.2022.191.10.082-094 (In Russ.).
8. Krizhanovskaya G.N., Tonyshev A.V., Viktorov A.V., Nikolaeva E.A., Simonchuk E.R. Korruptsiya v Rossii: psikhologicheskii analiz yavleniya i vozmozhnye puti preduprezhdeniya soversheniya prestuplenii korruptsionnoi napravlenosti [Corruption in Russia: psychological anal-

ysis of the phenomenon and possible ways to prevent the commission of corruption-related crimes]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Juridical Science: History and Modernity*, 2022, no. 6, pp. 117–124. (In Russ.).

9. Lewin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh [Field theory in social science]. Saint Petersburg: Rech'; ООО "Sensor", 2000. 368 p. (In Russ.).

10. Manolova O.N. Formirovanie antikorrupcionnogo professional'nogo prostranstva [Anti-corruption professional space formation]. *Mir psikhologii = World of Psychology*, 2012, no. 4 (72), pp. 204–216. (In Russ.).

11. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh: Uchebnoe posobie. Saint Petersburg: Rech', 2004. 392 p. (In Russ.).

12. Mironkina O.N. Profilaktika deviatsii v oblasti antikorrupcionnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Prevention of deviations in the field of anti-corruption behavior of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*, 2022, no. 2 (4), pp. 454–478. doi:10.35750/2713-0622-2022-4-454-478 (In Russ.).

13. Pishchik V.I. Konfiguratsiya koordinat psikhologicheskogo prostranstva mental'nosti pokolenii [Psychological Space of Mentality of Generations: Configuration of Coordinates] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013, no. 2, pp. 38–49. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2013_n2/60968 (Accessed 16.04.2023). (In Russ.).

14. Savinov L.V., Shorokhov V.E. Sravnitel'nyi analiz antikorrupcionnoi politiki Rossii i zarubezhnykh stran [Comparative Analysis of Anticorruption Policy of Russia and Foreign Countries] [Elektronnyi resurs]. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 26–37. doi:10.24411/2221-3279-2021-10016 (In Russ.).

15. Zhuravlev A.L., Kitova D.A., Sosnin V.A. (eds.). Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya korruptsii. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017. 288 p. (In Russ.).

16. Trushkova S.V. Struktura, dinamika i funktsii sotsial'nykh predstavlenii. (Obzor). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, 1996, no. 3, pp. 180–201. (In Russ.).

17. Ulanovsky A.M. Kachestvennye strategii i metody issledovaniya v psikhologii. In Barabanshchikov V.A. (ed.). *Sovremennaya eksperimental'naya psikhologiya: V 2 t. T. 1*. 2nd ed. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019. 560 p. (In Russ.).

18. Fil' T.A. Metodologiya i metody psikhologicheskikh issledovaniy: Uchebnoe posobie. Moscow: IPR MEDIA, 2021. 140 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Борисова Светлана Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО «ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова»), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Борисова С.Е.
Феномен коррупционного поведения
и его ассоциативно-понятийная составляющая
в социальных репрезентациях руководителей
подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 58–69.

Borisova S.E.
The Phenomenon of Corrupt Behavior and its
Associative-Conceptual Component in the Social
Representations of the Heads of Departments
of the Traffic Police Road Patrol Service
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 58–69.

Information about the authors

Svetlana E. Borisova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Psychology, V.V. Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Получена 17.04.2023
Принята в печать 10.05.2023

Received 17.04.2023
Accepted 10.05.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Теоретико-прикладные аспекты категориально- понятийного аппарата юридической психологии

Балин В.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Ильина В.А.

Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

В статье отражены результаты исследования теоретико-прикладных аспектов категориально-понятийного аппарата юридической психологии с критической точки зрения. Сделаны выводы об особом положении юридической психологии как прикладной дисциплины в системе правовых наук, в связи с которым приоритетная роль в решении ее задач отводится правовым понятиям, по своей сущности являющимся самостоятельными и конвенциональными. Конвенциональный характер правовых понятий, построенный на соглашении между юристами в понимании тех или иных терминов, сводится к тому, что по своему содержанию они в ряде случаев не совпадают с содержанием общепсихологических категорий и понятий. Они либо шире, либо уже психологических понятий по своему объему. В связи с этим влияние психологических понятий на правовые, выраженное в отражении психологических закономерностей и механизмов правовых явлений, становится трудоемким и долгим процессом, поскольку правовые понятия не ставят цель отражения истинного устройства мира. Перечисленные в данном исследовании особенности категориально-понятийного аппарата юридической психологии позволяют более точно определять направления научных исследований, правильно понимать запросы юридической практики и прогнозировать отдаленные последствия результатов научной деятельности.

Ключевые слова: категории, понятия, методология юридической психологии, юридическое мышление, конвенциональность.

Для цитаты: Балин В.Д., Ильина В.А. Теоретико-прикладные аспекты категориально-понятийного аппарата юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 70–81. DOI:10.17759/psylaw.2023130206

Theoretical and Applied Aspects of the Categorical and Conceptual Apparatus of Legal Psychology

Victor D. Balin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Valentina A. Ilyina

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

The article reflects the results of a study of theoretical and applied aspects of the categorical and conceptual apparatus of legal psychology from a critical point of view. Conclusions are drawn about the special position of legal psychology as an applied discipline in relation to the legal sciences, in connection with which the priority role in solving its problems is given to legal concepts, which in their essence are self-sufficient and conventional. The conventional nature of legal concepts, built on an agreement between lawyers in the understanding of certain terms, comes down to the fact that in their content they in some cases do not coincide with the content of general psychological categories and concepts. In terms of scope, they are either narrower or wider than psychological concepts. In this regard, the significant reverse influence of psychological concepts on legal ones, expressed in the reflection of psychological patterns and mechanisms of psychological and legal phenomena, becomes a laborious and long process, since legal concepts do not aim to reflect the true structure of the world. The features of the categorical-conceptual apparatus of legal psychology listed in this study make it possible to more accurately determine the direction of scientific research, correctly understand the needs of legal practice and predict the long-term consequences of the results of one's scientific activity.

Keywords: categories, concepts, methodology of legal psychology, legal thinking, conventionality.

For citation: Balin V.D., Ilyina V.A. Theoretical and Applied Aspects of the Categorical and Conceptual Apparatus of Legal Psychology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 70–81. DOI:10.17759/psylaw.2023130206 (In Russ.).

Теоретики отечественной психологии А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский справедливо замечали, что «... невозможно продвинуться в дебри непознанного, не опираясь на категориальный аппарат науки. Всякий предмет науки дан в системе ее категорий» [16, с. 123]. Методологическая рефлексия категорий науки в свете ее интегративных процессов и всераширяющейся предметной области знаний представляет собой особую актуальность. Юридическая психология не является в этом смысле исключением, особенно в связи с действием паспорта новой специальности 5.3.9. «Юридическая психология и психология безопасности».

Как всякий межотраслевой понятийный аппарат, категориально-понятийный аппарат юридической психологии имеет свои особенности, обусловленные связями неоднородных наук. В юридической психологии — это состав категорий и понятий, заимствованных не только из «материнской» науки — психологии, но и наук правового цикла.

В более ранних работах нами указывалось, что основной особенностью знаний юридической психологии является то, что они образуются в результате синтеза правовых и психологических знаний, взаимодействие которых выделяется в самостоятельную проблему [8, с. 128]. Данная проблема носит не только теоретический, но и прикладной характер и сводится, в первую очередь, к определению вектора научных исследований, правильному пониманию запросов юридической практики и видению отдаленных последствий результатов научной деятельности.

Целью настоящего теоретического исследования является обобщение современных взглядов на теоретико-прикладной характер категориально-понятийного аппарата юридической психологии как системы динамично развивающихся терминов, слов и понятий, задающих деятельностный план развития юридической психологии.

Исходя из наиболее общих характеристик, можно сказать, что категориально-понятийный аппарат юридической психологии представляет собой систему понятий, воспроизводящих разные стороны изучаемого юридической психологией объекта — психической деятельности людей в сфере отношений, регулируемых правом. С одной стороны, в него включены категории и понятия общей психологии, на фундаменте которой базируется теоретическая основа юридической психологии. С другой стороны, он вбирает в себя правовые понятия и категории, психологическая сущность которых раскрывается юридической психологией, обеспечивая этим самым «юридическую материю» (*corpus juris*) [1, с. 193].

Взаимодействие правовых и психологических понятий представляет сложное и неоднозначное явление в науке. По мнению В. Н. Кудрявцева: «Психологические категории следует использовать в праве в том смысле и значении, которые приняты в самой психологии» [12, с. 11]. «Юридическая наука не ограничивается только сугубо юридическими знаниями (догмой права), а по необходимости использует знания других отраслей науки и эмпирические знания (практическую деятельность человека), которые выступают ее внешними основаниями», — отмечает В.Ф. Попондопуло [17, с. 71].

Вместе с тем В.Н. Кудрявцев замечает, что «...мы должны опираться на те представления, которые складываются в сфере психологической науки, разумеется, используя их с учетом специфики предмета юридических наук» [12, с. 11]. Специфика предмета юридических наук определяется изучением «...закономерностей возникновения и развития правовых явлений и процессов и последующего их учета в практической деятельности: нормотворческой деятельности, правоприменительной деятельности, дальнейших научных исследований» [17, с. 70]. Таким образом, прикладное (практическое) использование знаний юридической психологии имеет основополагающее значение.

Прикладное значение категориально-понятийного взаимодействия психологии и права можно увидеть в различных направлениях анализа правовых понятий. Особый интерес вызывают вновь введенные законодателем понятия, требующие психологического толкования и комментария. Например, одним из таких понятий, имеющих прикладное значение, является «свобода оценки доказательств» (ст. 17 УПК РФ), которое после 2001 г. дополнилось новым элементом — «совесть». Согласно ст. 17 УПК РФ «...судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Вопрос, который возникает из практических соображений, сводится к тому, какими критериями следует руководствоваться принимающему решение юристу (судье, прокурору, следователю и др.). Может ли к совести сводиться, на-

пример, жалость к обвиняемому в убийстве — отцу пятерых детей и стать важнее жалости к такой же многодетной семье, потерявшей кормильца?

В юридических словарях мы не находим определения понятия «совесть». Но словарь отсылает нас к такому понятию, как «свобода мысли и совести», означающему «...в конституционном праве одну из личных свобод человека, прежде всего свободу индивидуума от любого идеологического контроля, право каждого самостоятельно выбирать для себя систему духовных ценностей» [3, с. 558]. Из этого следует, что совесть человека (как и его мысли) свободны (независимы) от чего-либо или кого-либо. Каждый вправе сам выбирать, что для него значит «поступить по совести». В других (не юридических) словарях понятие «совесть» раскрывается приблизительно одинаково. Это «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [15, с. 741]. В психологическом значении совесть — это «...способность личности самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности, осуществлять нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [25, с. 547]. В первом случае на первый план выходит сфера чувств, во втором — способность. Отсюда вытекает вопрос о формировании необходимых профессионально значимых качеств личности юристов, навыков и умений (если уж речь идет о способностях), требуемых при принятии решений.

Увидеть проблемы, входящие в юридическую психологию, можно и на сопоставлении ушедших и вновь введенных понятий. На примере той же совести мы видим, что из нормы о свободе оценки доказательств был убран такой критерий, как «социалистическое правосознание». Редакция нормы в данной части представляет интерес в связи с изучением в рамках раздела правовой психологии категории «правосознание», которая была исключена из ст. 17 УПК РФ вместе с категорией «социалистическое правосознание». Между тем именно правосознание является одним из важных критериев принятия правовых решений. Например, из теоретических основ государства и права следует, что сущность правосознания юристов конкретизируются в содержании правовой идеологии. «Правовые идеи, взгляды, представления, будучи оформленными в правовые концепции, теории, способны радикально повлиять как на действующее право, так и на практику его реализации в плане кардинального изменения», — отмечал Н.А. Пьянов [20, с. 502]. В этой связи на первый план выносятся дискуссия о надежности критериев оценки доказательств, а именно о том, какой критерий более объективен: совесть или правосознание.

Таким образом, анализ категорий и понятий выводит на разные исследовательские направления, показывает различные уровни связей между правовыми и психологическими явлениями.

Важно отметить и то, что правовые категории и понятия, с которыми работает юридическая психология, находятся в ином иерархическом взаимодействии по сравнению с категориями и понятиями общей психологии: если для общей психологии какое-то понятие не носит статуса категории, то в юридической психологии вслед за юриспруденцией оно является категориальным.

Данное обстоятельство указывает на необходимость определения в понятии, с которым работает юридическая психология, двух уровней: категориального и понятийного. От этого будет зависеть место и значение самого понятия, его объектность (целое) или предметность (частное).

Например, понятие «интересы ребенка» в семейном праве носит уровень категории, поэтому оно прямо не подчинено общепсихологическому понятию «интерес», т. е. не выступает как предмет по отношению к объекту — интерес в общепсихологическом смысле. Инте-

рес в общей психологии понимается как «...форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности» [19, с. 146]. По своему содержательному смыслу данное понятие, заимствованное в психологии, не обеспечивает всех задач правосудия по охране прав несовершеннолетних. Поэтому юристы вкладывают в него свой собственный смысл, задают ему некую конвенциональность (смысловую ситуационную устойчивость). Кроме того, субъектом интереса является не сам его носитель (ребенок), а тот, кто его опекает. Такое разделение по объектности и предметности понятия является немаловажным в правоприменительной практике.

К примеру, в судебном процессе при рассмотрении семейных споров об определении места жительства несовершеннолетнего последний (начиная с 10 лет) может высказать свое мнение о том, с кем из родителей ему хотелось бы проживать. Между тем суд руководствуется не столько мнением несовершеннолетнего, как правило, связанным с его игровыми интересами, сколько со сложившимся юридическим пониманием категории «интересы ребенка».

В законе, к сожалению, не уточняется, что следует понимать под «интересами ребенка». П.В. Крашенинников считает, что «...интерес — это условия благополучия субъектов, реализация которых является целью правового регулирования» [23, с. 45]. С позиции семейного права, важна, в том числе, и материальная сторона обеспечения прав несовершеннолетних. По мнению К.Б. Зелинской, это предполагает «...обеспеченность едой, одеждой, необходимыми школьными принадлежностями; поддержание прежнего материального уровня жизни; наличие места постоянного проживания, соответствующего нормам, и т. д.» [6, с. 48].

Данный пример указывает на важность понимания соподчиненности психологических категорий и понятий категориям правовым. Это же обстоятельство создает правило необходимости понимания юридического значения понятий теми психологами, которых привлекают к практике правоприменения в качестве экспертов или специалистов.

Учитывая тесные связи юридической психологии с правом, ее категориально-понятийный аппарат, таким образом, специфичен. Однако получить исчерпывающую информацию об этой специфике на сегодняшний день не представляется возможным в связи с немногочисленностью публикаций по данному вопросу. Лишь в некоторых источниках мы находим отдельные обобщения тенденции формирования понятийного аппарата юридической психологии, его механизмы, структуру и особенности.

Так, ряд исследователей (М.С. Андрианов, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова, О.Д. Ситковская), характеризуя категориально-понятийный аппарат юридической психологии, отмечают, что перечень категорий, которые юридическая психология восприняла из общей психологии, имеет «двухступенчатую» структуру. Первую ступень составляют базовые понятия, к которым относятся: личность, психика, деятельность. Вторую ступень занимают понятия также имеющие категориальное значение, но производные от первых. Например, категория «личность» используется как целостность, либо раскрывается посредством категорий второго ряда, как свойства, состояния, мотив, цель; категория «психика» — через психические процессы и закономерности; категория «деятельность» — через поведение, действие (акт поведения) [26, с. 11—13]. Кроме того, О.Д. Ситковская в своих работах показывает, каким образом происходит процесс адаптации (конкретизации) и конструирование некоторых производных понятий, отсутствующих в общей психологии, но выводимых, в конечном счете, с учетом ее общих положений [22, с. 333—337].

Важно заметить, что формирование понятийного аппарата юридической психологии включает широкое использование дихотомий. Это связано с тем, что в соответствии с потребностями законодателя и правоприменителя приходится анализировать ситуации, связан-

ные с исследованием рядоположенных психических процессов, состояний, свойств, имеющих противоположный знак. Например, критичность—некритичность личности, рационализм—легкомыслие, сострадание—жестокость и пр. [18, с. 102].

Вместе тем следует заметить, что всякая дихотомия имеет существенный недостаток: при делении объема понятия каждый раз остается неопределенной та его часть, к которой относится частица «не». Вторая группа (с частицей «не») остается, как правило, неясной. Например, если мы применяем дихотомию и в качестве зеркального отражения для термина «сострадание» используем «несострадание», то вряд ли сможем получить в качестве синонима по содержанию к понятию «несострадание» понятие «жестокость». В связи с этим, по нашему мнению, целесообразней в качестве альтернативы дихотомическому подходу предложить диалектический метод анализа противоположностей.

Между тем диалектический метод, по праву считающийся наиболее точным, одновременно представляет собой один из самых сложных методов познания. На поиск диалектических противоположностей тех или иных явлений уходят годы научных исследований.

Так, Н.Е. Веракса отмечает, что диалектические противоположности обладают двумя главными свойствами: 1) противоположностей всегда две, т. е. наличие одной из них предполагает наличие другой; 2) они исключают друг друга [4, с. 71]. Не дихотомическая связь («высший» и «низший», «культурный» и «некультурный», «жестокый» и «нежестокый») является диалектической парой, а не существующие друг без друга объекты, явления, процессы, одновременно исключаящие друг друга.

Чтобы понимать, идет ли речь о диалектическом единстве и борьбе противоположностей или о формально-логической операции понятий, важно, как отмечал И.А. Ильин, обнаружить общий родовой источник пары противоположностей и исключить логическое отрицание этих противоположностей. «Два контрадикторных понятия «бытие» и «небытие» не имеют для своих содержаний родового понятия, ибо у них отсутствует корпус общих «признаков». Точно также «жизнь» и «не жизнь», «семья» и «не семья» — это не диалектические пары. Но «явление» и «сущность», «жизнь» и «познание», «сознание» и «самосознание», «право» и «мораль», «семья» и «гражданское общество» — такие двойцы не связаны контрадикторным отрицанием и вполне могут иметь родовое лоно» [7, с. 124].

Применительно к юридической психологии может ли, например, общество составить диалектическую противоположность человеку, совершившему преступление, так, чтобы стремиться с ним к единству? Это вопрос о диалектической сущности понятия «личность преступника». Как только стоит задуматься над этим с диалектических позиций, возникает немало сложностей, требующих поиска противоположностей.

Исходя из диалектических законов, личность преступника определяется как лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность. Поскольку личность — есть отражение общества в человеке, то личность преступника — есть отражение такого свойства общества в человеке, которое определяется как антиобщественное. Из этого следует, что личность преступника — есть отраженная в человеке антиобщественная сущность самого общества. В таком случае общество имеет в себе свои собственные внутренние противоречия, являющиеся источником появления такого явления, как личность преступника.

Помимо перечисленных аспектов (особенностей) категориально-понятийного аппарата юридической психологии, важно обратить внимание и на то, что в нем имеются так называемые «экспертные понятия», выработанные на основе практики применения специальных знаний в судебной практике [21, с. 40].

Например, психолог, участвующий в уголовном или гражданском судопроизводстве в качестве эксперта, не может непосредственно переносить общепсихологические представления о психических явлениях в правоохранительную практику. Для этого необходимо трансформировать знания общей психологии в судебно-экспертную практику, выделить так называемые «экспертные понятия».

Предложение выделить экспертные понятия в рамках теории судебно-психологической экспертизы впервые прозвучало в работах А.С. Голева и А.Н. Лавриновича. Затем данное направление получило развитие в трудах М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, О.Д. Ситковской и др. [14, с. 364].

Экспертные понятия занимают как бы промежуточное положение между общепсихологическими и юридическими терминами. Они не заимствуются в неизменном виде из общей психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с «материнской» наукой психологией всегда опосредованная. Это обусловлено тем, что общепсихологические понятия не содержат информации об их юридической значимости, а именно о том, какие правовые последствия могут иметь место в результате их диагностики [21, с. 112—113]. В этой связи Л. В. Алексеева справедливо замечает, что кроме решения экспертом проблемы диагностики, например, эмоционального состояния у обвиняемого, необходимо также указать на существенность влияния данного состояния на сознание и проявление волевых свойств поведения [14, с. 365].

В то же время экспертные понятия не могут быть признаны полностью юридическими, поскольку они носят междисциплинарный характер. Как отмечал М.М. Коченов, теория судебно-психологической экспертизы работает с психологическим содержанием юридических понятий, описывающих поведение людей, вовлеченных в сферу уголовного или гражданского судопроизводства, и фиксирующих психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов. Они выступают в качестве юридических критериев, которые, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные и обобщенные особенности отражения окружающего мира и психической регуляции поведения [11, с. 6]. Из этого следует, что юридическое значение имеют не диагностируемые психологом общепсихологические явления, а экспертные понятия.

Тесным образом с вопросом о категориально-понятийном аппарате юридической психологии связана проблема терминологической грамотности юристов в сфере психологических знаний. Очевидно, что юридическая психология, как любая другая специальная область знаний, наряду с общеизвестными терминами, оперирует сложными, многогранными и достаточно часто специфическими понятиями, которые выражаются соответствующей терминологией. «Грамотность и умение пользоваться данной лексикой, — отмечает М.И. Еникеев, — далеко немаловажный фактор, поскольку именно это является важным инструментом для формирования научных концепций, теорий, законов» [5, с. 12, 19—21].

По результатам исследований, проведенных Я.Н. Келер и А.Г. Мироновой, уровень терминологической грамотности в сфере юридической психологии студентов юридических факультетов, обучающихся по направлениям бакалавриата и магистратуры, составил лишь чуть более 50%. В 41—46% случаев при обращении к психологическим терминам будущие юристы испытывали трудности в их понимании и применении в профессиональной деятельности. Из этого следует, отмечают авторы, что «... будущие юристы не смогут (или будут испытывать трудности) предметно применять данный терминологический потенциал» [9,

с. 154—155] на практике при назначении судебных экспертиз, оценке доказательств, квалификации ряда составов преступлений и проч.

К нововведениям в категориально-понятийном аппарате юридической психологии можно отнести такие понятия, как «интернет-груминг», «интернет-троллинг», «криминальное мышление», «когнитивное интервью», «дружественное правосудие», «родительство» и др. Для того чтобы адаптировать психологические понятия к правовым целям, так сказать трансформировать их, важно уяснить некоторые закономерности юридического мышления.

По мнению В.П. Малахова, юридическое мышление имеет ряд специфических особенностей. Например, в отличие от научного познания, юридическое мышление не ставит перед собой цель выявить какие-либо закономерности. В юридическом мышлении существует некоторый заданный понятийный и нормативный смысловой шаблон (каркас), в котором узнаются и становятся обозримы явления, обстоятельства, факты или нормативные акты в качестве правовых. Юридические категории и понятия как бы «прикладываются» к окружающей реальности, и эта реальность как бы «узнается» в юридически заданных смыслах и понятиях. Знания, образуемые юридическим мышлением, уже заложены в исходных понятиях, нормах и принципах. Оценка явлений с позиции юридического мышления представляет собой конкретизацию юридических понятий.

Также В.П. Малахов отмечает, что терминологическая основа юридического мышления тесно связана с таким его свойством, как конвенциональность. Конвенциональное мышление — это такое мышление, которое, во-первых, указывает на условность понятийного аппарата и нормативных высказываний. Во-вторых, это значит, что юридическое мышление ориентировано в большей степени на формальные принципы отражения своей предметной области, нежели на содержательную сторону познания. Поэтому развитие юридического мышления осуществляется в значительной мере за счет принципов его внутренней организации и собственного логического движения и не зависит от объективного содержания явлений социальной реальности. Юридическая мысль как бы «привносит» правовой момент в действительность, а не «открывает» его там. В этом смысле юридическое мышление в определенном смысле самодостаточно [13, с. 58—60].

Важно отметить, что юридическая психология еще не подходила вплотную к познанию специфики юридического мышления, чтобы вскрыть закономерности формирования понятийного аппарата своей междисциплинарной отрасли знания и ограничивалась обобщенными характеристиками юридического мышления. Например, в учебниках по юридической психологии отмечается, что из общих свойств мышления юриста можно отметить следующие: быстрота, глубина, широта, гибкость и др. [24, с. 148—150]. Вместе с тем эти, несомненно, важные знания, на наш взгляд, недостаточны для того, чтобы ответить на вопрос о междисциплинарном синтезе понятий психологии и права, через который образуется категориально-понятийный аппарат юридической психологии.

Характеризуя категориально-понятийный аппарат юридической психологии, М.В. Костицкий, в частности, отмечал, что в него кроме правовых включено немало категорий и понятий философского и общенаучного уровней. К их числу он относит: «отражение, образ, деятельность, мотив, общение, личность, сознание, развитие, активность» [10, с. 133].

Из этого следует, что познание юридической психологии студентами юридических факультетов подразумевает априорное знание общенаучных категорий. В противном случае их изучение в рамках юридической психологии превратилось бы в изучение основ философии и общей психологии. Обращение к общенаучным и общепсихологическим категориям подразумевает только напоминание о них, использование их в качестве опоры, позволяющей дви-

гаться в познавательном процессе дальше. Само же «развертывание» категории должно остаться задачей той науки, которая ее выработало на основе изучения своего предмета. Открытие и привнесение отдельными отраслями наук новых знаний об общенаучных явлениях (личность, сознание, поведение и т. д.) служит обратной связью с «материнскими» науками, вбирающими в свою систему знаний обнаруженные закономерности и признаки определяемого категорией явления, через которые происходит дальнейшая шлифовка категории, ее развитие [2, с. 23–24].

Итак, исследуя теоретико-прикладные аспекты категориально-понятийного аппарата юридической психологии, приходим к выводам о том, что он, хотя и основывается на категориальном аппарате общей психологии, но действует с правовыми категориями и понятиями, опираясь на смыслы, которые вкладывает в них законодатель, включая толкования высших судебных инстанций (Конституционного и Верховного судов Российской Федерации). В связи с этим влияние психологических понятий на правовые, выраженное в отражении психологических закономерностей и механизмов правовых явлений, становится трудоемким и долгим процессом, поскольку правовые понятия не ставят цель отражения истинного устройства мира. В этой связи для юридических психологов возникает вполне закономерная дилемма — принять позицию прикладного звена в отношениях с правоприменительной практической на уровне «заказа» либо отстаивать истинно научные позиции в диалектическом взаимодействии с правовой теорией и практикой.

Литература

1. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2008. 461 с.
2. Балин В.Д. Теоретическая психология: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2017. 247 с.
3. Барихин А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2000. 720 с.
4. Веракса Н.Е. Понятия нормативной ситуации в психологии личности (структурно-диалектический подход) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 2 (2). С. 39–59.
5. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник. М.: Норма, 2005. 640 с.
6. Зелинская К.Б. Защита имущественных прав ребенка при расторжении брака родителей и разделе имущества // Современные проблемы юриспруденции: Сборник научных трудов магистрантов и аспирантов. Вып. 1 / сост. М.С. Сагандыков. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2017. С. 48–50.
7. Ильин И.А. Диалектика. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. Т. 1. СПб: Наука, 1994. 541 с.
8. Ильина В.А. К вопросу о предмете юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 89–100. doi:10.17759/psylaw.2018080207
9. Келер Я.Н., Миронов А.Г. Терминологическая грамотность в сфере юридической психологии // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы XI Международной научно-практической конференция молодых ученых, Красноярск, 10–11 апреля 2018 года. Часть II. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2018. С. 154–155.
10. Костицкий М.В. Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. Киев: Выща школа, 1990. 259 с.
11. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс ... докт. психол. наук. М., 1991. 46 с.

12. Криминальная мотивация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. 304 с.
13. Малахов В.П. Логика: Учебно-методическое пособие. М., 1999. 109 с.
14. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие. 2-е изд., испр. / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2005. 606 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
16. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
17. Попондопуло В.Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 68–85.
18. Прикладная юридическая психология: Учебное пособие / под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
19. Психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
20. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2008. 571 с.
21. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарика; Смысл, 1998. 192 с.
22. Ситковская О.Д. Методология юридической психологии // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8). С. 333–337.
23. Судебная практика по семейным спорам. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. П.В. Крашенинников. М.: Статус, 2008. 651 с.
24. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебное пособие. М.: Право и закон, 1997. 320 с.
25. Шапарь В.Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005. 734 с.
26. Юридическая психология: Учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 469 с.

References

1. Alekseev S.S. Liniya prava. Moscow: Statut, 2008. 461 p. (In Russ.).
2. Balin V.D. Teoreticheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Yurait, 2017. 247 p. (In Russ.).
3. Barikhin A.B. Bol'shoi yuridicheskii slovar'. Moscow: Knizhnyi mir, 2000. 720 p. (In Russ.).
4. Veraksa N.E. Ponyatiya normativnoi situatsii v psikhologii lichnosti (strukturno-dialekticheskii podkhod) [Concept of normative situation in the psychology of personality (structurally dialectic approach)]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana = Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2006, no. 2 (2), pp. 39–59. (In Russ.).
5. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii: Uchebnik. Moscow: Norma, 2005. 640 p. (In Russ.).
6. Zelinskaya K.B. Zashchita imushchestvennykh prav rebenka pri rastorzhenii braka roditelei i razdele imushchestva. In Sagandykov M.S. (ed.). *Sovremennye problemy yurisprudentsii: Sbornik nauchnykh trudov magistrantov i aspirantov*. Vyp. 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 2017, pp. 48–50. (In Russ.).
7. Ilyin I.A. Dialektika. Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka: V 2 t. T. 1. Saint Petersburg: Nauka, 1994. 541 p. (In Russ.).

8. Pyina V.A. K voprosu o predmete yuridicheskoi psikhologii [On the subject of legal psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 89–100. doi:10.17759/psylaw.2018080207 (In Russ.).
9. Keler Ya.N., Mironov A.G. Terminologicheskaya gramotnost' v sfere yuridicheskoi psikhologii [Terminological literacy of students in legal psychology]. *Innovatsionnye tendentsii razvitiya rossiiskoi nauki: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsiya molodykh uchennykh, Krasnoyarsk, 10–11 aprelya 2018 goda. Chast' II*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2018, pp. 154–155. (In Russ.).
10. Kostitsky M.V. Vvedenie v yuridicheskuyu psikhologiyu: metodologicheskie i teoreticheskie problemy. Kiev: Vyshcha shkola, 1990. 259 p. (In Russ.).
11. Kochenov M.M. Teoreticheskie osnovy sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy: Avtoref. diss dokt. psikhol. nauk. M., 1991. 46 p. (In Russ.).
12. Kudryavtsev V.N. (ed.). Kriminal'naya motivatsiya. Moscow: Nauka, 1986. 304 p. (In Russ.).
13. Malakhov V.P. Logika: Uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow, 1999. 109 p. (In Russ.).
14. Dmitrieva T.B., Safuanov F.S. (eds.). Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya. Kurs lektsii: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Genezis, 2005. 606 p. (In Russ.).
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p. (In Russ.).
16. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. Osnovy teoreticheskoi psikhologii. Moscow: INFRA-M, 1998. 528 p. (In Russ.).
17. Popondopulo V.F. Ob'ekt i predmet yuridicheskoi nauki [The object and subject of the legal science]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2016, no. 5 (328), pp. 68–85. (In Russ.).
18. Stolyarenko A.M. (ed.). Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: YuNITI-DANA, 2001. 639 p. (In Russ.).
19. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. (eds.). Psikhologicheskii slovar'. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1990. 494 p. (In Russ.).
20. Pyanov N.A. Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 571 p. (In Russ.).
21. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom protsesse: Nauchno-prakticheskoe posobie. Moscow: Gardarika; Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).
22. Sitkovskaya O.D. Metodologiya yuridicheskoi psikhologii [Methodology of legal psychology]. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2013, no. 3 (8), pp. 333–337. (In Russ.).
23. Krashennikov P.V. (ed.). Sudebnaya praktika po semeinyim sporam. 2nd ed. Moscow: Status, 2008. 651 p. (In Russ.).
24. Chufarovskiy Yu.V. Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Pravo i zakon, 1997. 320 p. (In Russ.).
25. Shapar' V.B. Slovar' prakticheskogo psikhologa. Moscow: AST; Kharkiv: Torsing, 2005. 734 p. (In Russ.).
26. Sitkovskaya O.D. (ed.). Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnik. Moscow: Yurlitinform, 2011. 469 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Балин Виктор Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра медицинской психологии и психофизиологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский

Балин В.Д., Ильина В.А.
Теоретико-прикладные аспекты категориально-
понятийного аппарата юридической психологии
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 70–81.

Balin V.D., Ilyina V.A.
Theoretical and Applied Aspects of the Categorical
and Conceptual Apparatus of Legal Psychology
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 70–81.

государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Феде-
рация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Ильина Валентина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра
организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (фи-
лиал), Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск,
Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Information about the authors

Viktor D. Balin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Medical Psychology
and Psychophysiology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,
Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Valentina A. Ilyina, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Organization
and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecu-
tor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Получена 14.03.2022
Принята в печать 14.02.2023

Received 14.03.2022
Accepted 14.02.2023

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе

Купцова Д.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: dnv@mgppu.ru

Научная обоснованность тестирования на полиграфе регулярно подвергается критике со стороны ученого сообщества в виду субъективизма оценки данных и неясной прогностической ценности получаемых с помощью полиграфа параметров. С целью уточнения вклада используемых физиологических показателей в выявление значимости темы при скрининге на полиграфе представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке из 67 добровольцев, имеющих фактор риска, связанный с подделкой документов, и не имеющих его. Применялся психофизиологический метод с предварительным анкетированием о самочувствии на момент прохождения эксперимента. В ходе оплачиваемого эксперимента предлагалось подделать финансовый документ и солгать об этом полиграфологу либо ответить честно на вопросы. С целью исключения субъективизма в оценке данных все зарегистрированные сигналы оцифровывались, стандартизировались и обрабатывались с помощью метода дискриминантного анализа. При этом была обнаружена высокая точность дискриминантной модели (92,5%). Параметры кратковременного подъема артериального давления и изменения электрической активности кожи являлись главными переменными для классификации лиц с фактором риска и без него. Полученные данные дополняют предыдущие исследования о точности скринингового теста на полиграфе, расширяя прогностическую ценность длины линии сигнала дыхания.

Ключевые слова: скрининговое тестирование на полиграфе, кадровый скрининг, психофизиологические параметры, оценка значимости информации, вопросы управляемой лжи, точность СПФИ.

Для цитаты: Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В. Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 82–93. DOI:10.17759/psylaw.2023130207

Evaluation of the Value of Physiological Cues to Determining the Saliency of a Risk Factor in a Situation of Screening Polygraph Test

Darina M. Kuptsova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dnv@mgppu.ru

The scientific validity of polygraph testing is regularly criticized by the scientific community in view of the subjectivity of data evaluation and the unclear predictive value of the parameters obtained with the help of a polygraph. In order to clarify the contribution of the physiological cues used in identifying the saliency of the topic during polygraph screening, the materials of an empirical study obtained from a sample of 67 volunteers who have a risk factor associated with forgery of documents and do not have it are presented. A psychophysiological method was used with a preliminary questionnaire about the well-being at the time of the experiment. During the paid experiment, it was proposed to forge a financial document and lie about it to a polygraph examiner, or answer questions honestly. In order to eliminate subjectivity in data evaluation, all registered signals were digitized, standardized and processed using the discriminate analysis method. At the same time, a high accuracy of the discriminant model was found (92.5%). The parameters of a short-term rise in blood pressure and changes in the electrical activity of the skin were the main variables for the classification of persons with and without a risk factor. The data obtained complement previous studies on the accuracy of the polygraph screening test, expanding the prognostic value of the length of the respiratory signal line.

Keywords: screening polygraph test, personnel screening, psychophysiological cues, assessment of the saliency of information, directed-lie questions, accuracy of polygraph.

For citation: Kuptsova D.M., Dvoryanchikov N.V. Evaluation of the Value of Physiological Cues to Determining the Saliency of a Risk Factor in a Situation of Screening Polygraph Test. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 82–93. DOI:10.17759/psylaw.2023130207 (In Russ.).

Введение

На сегодняшний момент скрининговое тестирование на полиграфе является самым распространенным методом профессионального отбора среди государственных и коммерческих организаций, как в Российской Федерации, так и за рубежом [10; 14].

Данная процедура применяется в отношении кандидатов на службу, учебу в высшие военные заведения, а также при кадровом перемещении сотрудников. Например, в 2020 г. в МВД РФ было проведено около 89 тыс. скрининговых тестирований на полиграфе, что в 5 раз больше, чем десятилетие назад. Было также обнаружено, что самыми распространенными

ми факторами риска среди тестируемых лиц оказались действия, связанные с экономическими правонарушениями и преступлениями (34,9%)[1].

Основой тестирования на полиграфе является феномен активации симпатического отдела нервной системы в ответ на предъявление значимого для исследуемого стимула [2]. При этом ложный ответ на стимул полностью не определяет значимость содержащейся в нем информации, но ассоциирован с величиной возникающих изменений в тенденции реагирования [9].

Наиболее распространенным скрининговым методом тестирования на полиграфе является однотемный скрининг с вопросами управляемой лжи (ОС с ВУЛ). На сегодняшний момент эта техника является одним из немногочисленных валидизированных методов, используемых для задач скрининга [9]. В лабораторном эксперименте B.G. Bell et.al. [14] точность теста с вопросами управляемой лжи при объективном измерении психофизиологических параметров достигла 89,5%. При исследовании комплексного психологического и психофизиологического скрининга Handler et.al. [7] установили, что учет результатов тестирования на полиграфе значительно увеличил точность выявления значимых тем. Полиграфологи Иракского национального агентства информации и расследований обнаружили невзвешенную точность принятия решений по данному скрининговому тесту около 80% при использовании экспертной эмпирической системы оценки [5].

В одних исследованиях отмечалось, что самым информативным показателем физиологической активности является изменение динамики электрической активности кожи (ЭАК) [17; 10], однако отмечались пробелы в установлении прогностической значимости остальных параметров регистрации активности вегетативной нервной системы: фотоплетизмограммы (ФПГ), длины линии дыхания (ДЛД), кратковременного подъема артериального давления (АД). Так, в большинстве исследований [5] точности ОС с ВУЛ параметр ФПГ не учитывался при принятии решения, а в отношении показателя ДЛД наблюдалась тенденция присваивать значения только релевантным вопросам, что ставит под сомнение стандартизацию оценки теста. В российском научном сообществе вопросы точности скрининговых методов на полиграфе и оценки вклада психофизиологических параметров в модель принятия решения не поднимались, несмотря на достаточно широкое использование в практике, что и обуславливает необходимость проведения настоящего исследования.

Тестирование на полиграфе имеет ряд ограничений и часто критикуется научным сообществом. Некоторые исследователи [5; 15] подчеркивали взаимосвязь проблем применения полиграфа с недостаточной осведомленностью о реальных возможностях и потенциальных ограничениях этого метода. Другие авторы ставят под сомнение реальную прогностическую точность психофизиологических параметров в ситуации сокрытия информации [3]. Среди самых распространенных критических замечаний в отношении тестирования на полиграфе можно выделить следующие.

1. Отсутствие консенсуса относительно алгоритма измерения ДЛД. В исследовании 2008 г. при измерении данного параметра не производилось вычисление реакции из фонового уровня, в то время как J.C. Kircher [10] в своем исследовании указал на необходимость сравнения актуальной длины линии дыхания в момент задавания стимула с предстимульным и постстимульным уровнем дыхательной активности.

2. Единичные исследования о возможности применения дополнительных параметров психофизиологической активности (например метода фотоплетизмограммы, официально не используемого в классической системе обчета ОС с ВУЛ [9]). Ранее в исследовании точности теста, проводимого для задач расследования конкретного инцидента, добавление этого пара-

метра увеличило долю правильно классифицированных результатов на 5%. Неясным также остается вопрос о точности проведенного тестирования при исключении одного из регистрируемых каналов, ввиду низкой информативности психофизиологической реактивности.

Таким образом, указанные проблемы могут приводить к увеличению количества ошибок в ходе интерпретации полученных с помощью полиграфа данных [6; 14].

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы определить прогностическую ценность спорных параметров АД, ДЛД и ФПГ при наличии/отсутствии фактора риска по результатам тестирования на полиграфе. Опираясь на результаты предыдущих исследований [5; 10], мы предположили, что параметр ЭАК будет играть решающую роль в определении лиц с фактором риска и без него. Кроме того, поскольку симпатическая иннервация оказывает сосудосуживающее действие как на крупные артерии, так и на обильно иннервируемые артериолы кожи, нами была выдвинута гипотеза о соразмерности вклада показателей сердечно-сосудистой активности (АД и ФПГ), что сделало бы возможным замену оценки одного канала на другой в случае искажения записи данных. Мы использовали экспериментальную модель имитации ситуации скринингового тестирования на полиграфе [7; 11; 13], поскольку сравнение ковариаций и средних значений для лабораторных исследований и данных, полученных при реальных тестированиях, показало, что такая модель вызывает максимально схожие паттерны физиологической реактивности, наблюдаемые во время реальных тестирований.

Материал и методы

71 человек (41 женщина, 30 мужчин) в возрасте от 18 до 55 лет были приглашены для проведения исследования за небольшое денежное вознаграждение за участие с возможностью дополнительно получить деньги за успешное прохождение тестирования на полиграфе. Все исследуемые имели неоконченное высшее или высшее образование, 25 человек (35,8%) были студентами московских университетов, 3 человека (2,13%) были временно безработные, остальные участники (62,1%) работали в сфере менеджмента или в социальной сфере. 4 человека были исключены из выборки по причине наличия проблем со здоровьем, которые включали бессонницу (отсутствие сна в ночь перед тестированием), прием лекарственных препаратов, влияющих на деятельность вегетативной нервной системы, и нарушения инструкций экспериментатора в процессе тестирования на полиграфе.

Для реализации поставленной цели использовались следующие методы.

- Анкетирование: опросный лист, разработанный для оценки противопоказаний для тестирования на полиграфе, в котором участник указывал жалобы на состояние нервной, эндокринной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем, наличие медикаментозной и/или психиатрической терапии, актуальное самочувствие.
- Психофизиологический ознакомительный тест на полиграфе для оценки адекватности реагирования на заведомо значимый стимул.
- Психофизиологический скрининговый тест (ОС с ВУЛ) для оценки значимости фактора риска, связанного с имитацией фальсификации документов.

Перед началом исследования участники подписывали добровольное согласие на прохождение тестирования на полиграфе и заполняли анкету самочувствия. Каждому тестируемому лицу предлагалось самостоятельно выбрать один из двух вариантов инструкций. Согласно первому варианту предлагалось имитировать ситуацию экономического правонарушения («подделать» подпись на финансовом документе) и солгать об этом полиграфологу во время тестирования на полиграфе. В случае успешного прохождения теста, т. е. оправдательного

результата, участник получал дополнительное вознаграждение в 4 раза больше начальной суммы. Согласно второму варианту участникам предписывалось ответить честно на все вопросы относительно темы тестирования и в случае успешного прохождения теста получить дополнительное вознаграждение в 1,5 раза больше суммы за участие. С целью исключения влияния субъективизма полиграфолога на результаты теста, для решения об успешности прохождения теста использовался автоматический обсчет полученных данных системой, реализованной в ПО «Диана 7.9.».

С целью обеспечения максимально возможной искренности со стороны участников второй группы их предупреждали о том, что если они ответят ложно на первый тип вопросов теста (о факторе риска), они не получат никакого вознаграждения за участие в исследовании.

32 человека (47,7%) были определены в экспериментальную группу (имеющих фактор риска «фальсификация документов»), средний возраст по группе составил 29,4 года. 35 человек (52,3%) попали в контрольную группу (не имеющих доказанного отношения к фактору риска «фальсификация документов»), средний возраст группы составил 26,7 лет.

Исследование проводилось в период с октября 2021 по март 2022 года на базе учебно-производственной лаборатории МГППУ в кабинете размером 22 м², в котором находилась офисная мебель: несколько столов, стульев и специализированное кресло для тестируемого на полиграфе. В назначенное время каждый из участников проходил в соседний кабинет и самостоятельно выбирал одну из двух предложенных инструкций, выполнял ее условия, после чего проходил в кабинет для дальнейшего тестирования на полиграфе по фактору риска: «Фальсификация документов».

По стандартам психофизиологических тестирований с применением полиграфа, исследование начиналось с проведения предтестового собеседования, в ходе которого участнику разъяснялся принцип работы полиграфа, роль вегетативной нервной системы в возникновении физиологических реакций на вопросы, требующие ложного ответа [9]. Также обозначалось назначение используемых в ходе тестирования на полиграфе датчиков, и обсуждалась основная тема тестирования по методу, описанному А.Б. Пеленицыным и А.П. Сошниковым [5].

Проводился ознакомительный тест с известным числом для определения пригодности тестируемого к дальнейшему ходу эксперимента и проверки адекватности реагирования на разные типы стимулов. Тестируемому предлагалось выбрать и записать любую цифру на листе бумаги, после чего ему предписывалось солгать на вопрос о написанной им заранее цифре. При условии адекватной выраженности физиологических изменений на ложный ответ о загаданной цифре, тестируемому говорилось об успешности пройденного теста и переходе к следующему этапу эксперимента. По окончании ознакомительного теста с испытуемым обсуждались вопросы ОС с ВУЛ. В качестве стимульного материала использовались вопросы первого и второго типа. Первый тип вопросов относился к наличию фактора риска, связанного с фальсификацией документов. Предварительно испытуемому предлагалось высказать свою точку зрения и отношение к данной теме, рассказать о своем опыте совершения подобных действий за всю жизнь. С учетом сказанного тестируемым лицом формулировался итоговый вариант вопросов в тесте. Например: «За последний год Вы подделывали финансовые документы? Вы ответили правдиво по теме фальсификации документов?». Два вопроса второго типа обсуждались с испытуемым аналогичным образом и использовались в тесте для контроля адекватного физиологического реагирования на значимый стимул, обусловленный ложью. Например, у исследуемого выяснялось отношение к употреблению алкоголя и сигарет, предлагалось вспомнить подобные эпизоды в собственном опыте. После этого задавался

вопрос: «Хотя бы раз в жизни Вы употребляли алкоголь?» (или «Хотя бы раз в жизни Вы употребляли никотин?») — и давалась инструкция: в ходе записи теста в ответе на данный вопрос сознательно солгать. Также, для обеспечения контроля реагирования испытуемого, задавались несколько простых вопросов с однозначным правдивым ответом, например: «Сегодня пятница? Сейчас 2021/2 год?» Последовательность вопросов предъявлялась 3 раза, порядок предъявления заранее не обговаривался с тестируемым лицом для исключения эффекта внепикового подавления.

По завершении теста с испытуемого снимались зафиксированные ранее датчики и давалась обратная связь о прохождении теста. Вероятность того, что участник ответил честно на вопросы о факторе риска, определялась с помощью алгоритма *Chance Calc*, описанного А.Б. Пеленицыным и А.П. Сошниковым [4]. Если она превышала порог 80%, участник получал вознаграждение в зависимости от того, какой вариант инструкции он выбрал.

Для записи и фильтрации физиологических сигналов использовался компьютеризированный полиграф «Диана-07». Полученные данные обрабатывались с помощью программы *IBM SPSS Statistics 22*. Физиологические сигналы для дыхания, сопротивления кожи электрическому току, артериального давления и амплитуды пульсовой волны были отфильтрованы, оцифрованы, и графически преобразованы с помощью ПО компьютерного полиграфа.

Для дальнейшего анализа использовались следующие параметры вегетативной нервной системы.

1. Пик амплитуды всплеска ЭАК, представляющего собой увеличение скорости уменьшения сопротивления кожи электрическому току, вычислялся как разница между нижней точкой от нулевого наклона и самой высокой точкой положительного наклона графика. Реакцией считались изменения в ответ на предъявление стимула, которые начались от 1 сек. после задавания вопроса до 5 сек. после ответа испытуемого на вопрос. Межстимульный интервал составлял от 20 до 30 секунд.

2. Кратковременный подъем нижней огибающей сигнала артериального давления вычислялся аналогично описанному выше способу.

3. ДЛД измерялась как разница между расстоянием, замеренным встроенным электронным курвиметром за 10 сек. до начала представления стимула и 10 сек. в период задавания вопроса. Для наиболее корректной оценки в настоящем исследовании наряду с разницей расстояний измерялось еще и отношение ДЛД в момент предъявления вопроса к ДЛД предстимульного интервала.

4. Сигнал амплитуды пульсовой волны, полученный с помощью применения метода ФПГ, вычислялся как разница между средним значением замеров трех расстояний между нижними и самыми высокими точками сигнала (соответствующими систолическим фазам сердечных циклов) с момента возникновения реакции и аналогичным образом вычисленным средним значением предстимульного сигнала.

Результаты

Метрические измерения всех используемых каналов преобразовывались в стандартизированные Z-оценки для корректного статистического анализа [3]. Затем вычислялся индекс дифференциальной реактивности (ИДР), описанный ранее в нескольких исследованиях [13; 14]. Например, записанные данные отдельного тестируемого содержали 10 измерений амплитуды сигнала ЭАК для 4 основных вопросов. ИДР представлял собой разницу среднего значения Z-оценок 2 вопросов сравнения управляемой лжи (второй тип) и среднего значения

Z-оценок 2 целевых вопросов о подделке документов (первый тип). ИДР для каждого канала был чаще положительный, когда реакция на вопрос второго типа значительно превышала реакцию на вопрос первого типа, и отрицательный при обратной ситуации. Для всех параметров, за исключением длины линии сигнала дыхания и сигнала фотоплетизмограммы, увеличение реакции свидетельствовало о ее значимости. Для указанных параметров, с точки зрения их физиологического обоснования, предполагается, что уменьшение активности является следствием активации вегетативной нервной системы в ответ на предъявление значимого стимула.

ИДР для сигналов дыхательной и кровеносной системы, а также электрической активности кожи использовались для вычисления значения дискриминантной функции для всех участников эксперимента.

Всего 6 показателей физиологической активности и информация о фактическом статусе тестируемого «фактор риска имеется/фактора риска не имеется» обрабатывались с применением метода дискриминантного анализа.

Поскольку целью настоящего исследования было оценить вклад каждого физиологического параметра в принадлежность к группе лиц с фактором риска и без него, анализ проводился с помощью метода пошагового включения показателей всех используемых в исследовании параметров, несмотря на то, что некоторые из полученных переменных значимо не различались в исследуемых группах. Это связано с предположением о том, что сочетание признаков может быть диагностически значимым и при отсутствии различий по средним показателям. На основе полученных коэффициентов дифференциального реагирования нами была получена дискриминантная модель, обладающая хорошей точностью (собств. знач. функции — 1,83) и на достаточно высоком уровне дискриминирующая группы лиц с фактором риска и без него (λ . Уликса — 0,356, хи-квадрат — 64,114). Качество приближения модели достигло очень хорошего уровня значимости ($p > 0,01$), что указывает на низкий уровень вероятности случайного распределения лиц с фактором риска и без него на основании представленных переменных, т. е. исходное разделение на классы статистически значимо.

С помощью построенной дискриминантной модели 92,5% исходных наблюдений были классифицированы правильно. Неверно были классифицированы 7,4% испытуемых (2 ложноотрицательных и 3 ложноположительных результата).

Таблица 1

Структурная матрица — корреляции между дискриминантной функцией и каждой из переменных. Дискриминантный анализ, метод пошагового включения (N=67)

№	Психофизиологический параметр	<i>r</i>	<i>p</i> уровень значимости
1	<i>Кратковременный подъем артериального давления</i>	0,608	<0,01
2	<i>Изменение скорости сопротивления кожи электрическому току</i>	0,282	0,03
3	Уменьшение длины линии сигнала дыхания (разница)	-0,253	0,08
4	<i>Минимальная амплитуда кардиоцикла (разница)</i>	-0,278	0,04
5	Уменьшение длины линии сигнала дыхания (отношение)	-1,33	0,42
6	Минимальная амплитуда кардиоцикла (отношение)	-2,49	0,21

Примечание: *r* — коэффициент корреляции параметра со всеми остальными признаками. Курсивом обозначены параметры, включенные в дискриминантную функцию и обладающие наибольшей прогностической ценностью.

Показатели корреляции между дискриминатной функцией и каждой из переменных, а также их различия в группах, позволяющие оценить значимость каждого психофизиологического показателя, представлены в табл. 1.

Наименьший вклад в классификацию групп внесли параметры: длина линии сигнала дыхания и амплитуда кардиоцикла в канале ФПГ, вычисленные через отношение между фоновым уровнем и реакцией на вопрос. При извлечении из дискриминантного анализа этих параметров точность классификации существенно не изменилась, как и точность самой дискриминатной модели. Таким образом, можно определить, что данные параметры обладают низкой информативностью для оценки значимости фактора риска и не рекомендованы для использования в практике.

Удаление из модели показателей разницы фонового уровня к реакции по каналу дыхания и ФПГ снижает точность классификации на 5,8% (собст. зн. функции — 0,583), но вероятность ошибки по-прежнему осталась достаточно небольшой ($p > 0,01$). Это говорит о возможности использования этих параметров при оценке результатов тестирования, однако их исключение из обсчета значимо не повлияет на точность итогового вывода.

Таким образом, при обработке данных по каналу дыхательной активности и фотоплетизмограммы следует учитывать разницу между фоновым уровнем активности и реакцией на стимул; это будет несколько увеличивать точность итогового вывода о возможном наличии фактора риска при скрининге, однако исключение данных параметров не будет увеличивать вероятность ошибочного вывода.

Вопреки нашему предложению, согласно полученным данным, наибольшей прогностической ценностью обладает кратковременный подъем артериального давления, однако показатель ЭАК также имеет большой вклад в оценку точности скринингового теста. Опровергается и вторая наша гипотеза о равномерном вкладе параметров сердечно-сосудистой системы. Исключение переменной, включающей значения по сигналу артериального давления, снизило собственное значение дискриминатной функции (0,589), а точность классификации снизилась на 16,4%; при исключении параметра ФПГ точность классификации не изменилась, что говорит о существенной разнице между вкладом параметра сердечно-сосудистой активности в крупных и более мелких артериях.

Обсуждение

В настоящем исследовании скринингового тестирования на полиграфе с применением метода дискриминантного анализа было определено, что подъем артериального давления имеет наибольший вклад при классификации групп лиц с фактором риска и без него.

Результаты нашего исследования позволили определить, что параметр «длина линии сигнала дыхания» для вопросов второго типа вносит небольшой вклад в увеличение точности теста, несмотря на то, что значимых различий по группам не было обнаружено. В предыдущих исследованиях [8; 14] были получены иные данные, предполагающие, что параметр дыхания плохо различает группы лиц, отвечающих правдиво на вопросы первого типа. Вероятно, это связано с разными методами измерения исходной реакции по каналу дыхания. Для проверки этой гипотезы мы внесли дополнительный параметр ДЛД только в ответ на предъявление стимула в построенную ранее дискриминантную модель. При включении данной переменной точность классификации объектов снизилась на 15,8% (λ Уилкса — 0,718); это позволяет подтвердить предположение о том, что параметр ДЛД может быть диагностически

значимым только в условиях предварительного вычисления изменения показателя в сравнении с предстимульным фоновым уровнем.

Несмотря на то, что нами были получены результаты, свидетельствующие о значимости параметра ДЛД для точной оценки полученных данных, как для первой, так и для второй группы, мы отмечаем необходимость проведения дополнительных исследований для изучения феномена дыхания на вопросы указанного типа.

Показатели сердечно-сосудистой активности, согласно нашему исследованию, обладают разной прогностической ценностью для определения наличия или отсутствия фактора риска; вероятно, это обусловлено различным значением рефлексогенных зон в регуляции сердечно-сосудистой системы. Для специалистов-практиков это говорит о том, что замена канала артериального давления на канал фотоплетизмограммы при оценке результатов конкретного скринингового тестирования может привести к снижению точности итогового вывода.

Выводы

Проанализировав полученные данные, мы определили, что, несмотря на условия имитации экономического правонарушения, в рамках которого проводился эксперимент, ОС с ВУЛ как психофизиологический метод обладает достаточно высокой точностью (92,5%). Полученные результаты точности теста оказались выше, чем в предыдущем исследовании скрининга в лабораторных условиях, установившего точность данного теста в пределах 80% [6]. Это может быть связано с тем, что в указанном исследовании вычисление точности теста базировалось на экспертных (субъективных) оценках полиграфологов. Мы предполагаем, что оценка, основанная на объективных измерениях, увеличивает точность, а также снижает влияние субъективизма специалиста на итоговые результаты по отдельному тесту. Сравнение точности методов объективной и экспертной оценки не было целью настоящего исследования, мы лишь подчеркиваем необходимость отдельного рассмотрения данной проблемы в дальнейших исследованиях.

При оценке вклада используемых психофизиологических параметров было обнаружено, что самый распространенный показатель ЭАК не занял лидирующей позиции в информативности, но оказался достаточно диагностически значимым для правильной классификации лиц с фактором риска и без него. Наибольшей прогностической ценностью обладал параметр сердечно-сосудистой системы — кратковременный подъем АД.

Параметр ДЛД, вразрез с предыдущим исследованиям теста с вопросами управляемой лжи, имеет небольшую диагностическую значимость, хотя и внес меньший вклад в дискриминантную модель, в сравнении с показателями АД и ЭАК. Противоречие предыдущим исследованиям может быть связано с разным алгоритмом измерения данного параметра. В нашем исследовании установлено, что вычисление разницы между ДЛД в момент реагирования на стимул и ДЛД предшествующих дыхательных циклов обладает прогностической ценностью. Прямое измерение ДЛД в момент реагирования снижает точность классификации, увеличивая количество ложноположительных результатов. Тем не менее, к оценке данного параметра в реальной практике стоит относиться осторожно, поскольку дыхательная активность наиболее уязвима для контроля со стороны тестируемого лица.

Необходимо проводить дополнительные исследования для оценки обоснованности автоматического удвоения коэффициента ЭАК в существующих на данный момент системах об-счета данных [5; 9], полученных с помощью полиграфа. Также в качестве перспективы для дальнейших исследований можно отметить исследование оптимального варианта измерения

Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В.
Оценка вклада физиологических параметров
в определение значимости фактора риска в ситуации
скринингового тестирования на полиграфе
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 82–93.

Kuptsova D.M., Dvoryanchikov N.V.
Evaluation of the Value of Physiological Cues
to Determining the Saliency of a Risk Factor
in a Situation of Screening Polygraph Test
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 82–93.

ДЛД, поскольку в нашей работе измерение 10 сек. до начала задавания вопроса могло охватывать также процесс восстановления от предыдущей реакции.

Литература

1. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Особенности проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в отношении сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на иные должности в системе МВД России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 141–160. doi:10.17759/psylaw.2022120211
2. Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 126–138. doi:10.17759/psylaw.2020100409
3. Менделевич В.Д. Полиграфология, профайлинг, айтрекинг и другие паранаучные методы психиатрической диагностики [Электронный ресурс] // Неврологический вестник. 2020. Том 52. № 3. С. 5–8. doi:10.17816/nb42282
4. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. СПб: Речь, 2012. С. 282–297.
5. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Доказательная полиграфология. Подробное руководство для полиграфологов-практиков: В 4 ч. Ч. 4. М., 2021. С. 80–100.
6. Учаев А.В., Александров Ю.И. Успешность сокрытия информации в процессе тестирования на полиграфе индивидами разных типов ментальности [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 2. С. 156–169. doi:10.17759/exppsy.2021140211
7. Arrigo B.A., Claussen N. Police corruption and psychological testing: a strategy for preemployment screening // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2003. Vol. 47(3). P. 272–290. doi:10.1177/0306624X03047003003
8. Bell B.G., Kircher J.C., Bernhardt P.C. New measures improve the accuracy of the directed-lie test when detecting deception using a mock crime // Physiology & Behavior. 2008. Vol. 94(3). P. 331–340. doi:10.1016/j.physbeh.2008.01.022
9. Collins N. The Use of Polygraph Test in Clinical Forensic Psychiatry Settings // Ethical Issues in Clinical Forensic Psychiatry. Springer Cham, 2020. С. 85–96. doi:10.1007/978-3-030-37301-6
10. Giboney J.S. Grouping cognitive processes of deception: a meta-analysis // World Scientific Reference on Innovation / D. Siegel (ed.). Vol. 4. World Scientific Publishing, 2018. P. 3–26.
11. Handler M., Honts C., Nelson R. Information gain of the directed lie screening test // Polygraph. 2013. Vol. 42(4). P. 192–202.
12. Handler M. et al. Integration of pre-employment polygraph screening into the police selection process // Journal of Police and Criminal Psychology. 2009. Vol. 24(2). P. 69–86. doi:10.1007/s11896-009-9050-2
13. Honts C.R., Amato S. Automation of a screening polygraph test increases accuracy // Psychology, Crime & Law. 2007. Vol. 13(2). P. 187–199. doi:10.1080/10683160600632843
14. Honts C.R., Thurber S., Handler M. A Comprehensive Meta-analysis of the Comparison Question Polygraph Test // Applied Cognitive Psychology. 2021. Vol. 35(2). P. 411–427. doi:10.1002/acp.3779
15. Johnson Jr.R. Chapter 6. The Neural Basis of Deception and Credibility Assessment: A Cognitive Neuroscience Perspective // Credibility Assessment. Scientific Research and Applications /

Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В.
Оценка вклада физиологических параметров
в определение значимости фактора риска в ситуации
скринингового тестирования на полиграфе
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 82–93.

Kuptsova D.M., Dvoryanchikov N.V.
Evaluation of the Value of Physiological Cues
to Determining the Salience of a Risk Factor
in a Situation of Screening Polygraph Test
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 82–93.

D.C. Raskin, C.R. Honts, J.C. Kircher (eds.). Elsevier, 2014. P. 217–300. doi:10.1016/B978-0-12-394433-7.00006-3

16. Kircher J.C. et al. Human and Computer Decision-Making in the Psychophysiological Detection of Deception // Polygraph. 2012. Vol. 41(2). P. 77–126.

17. Nelson R., Handler M. Monte Carlo Study of Criterion Validity of the Directed Lie Screening Test using the Empirical Scoring System and the Objective Scoring System Version 3 // Polygraph. 2012. Vol. 41(3). P. 144–155.

References

1. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Osobennosti provedeniya spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s primeneniem poligrafa v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennikh del, naznachaemykh na inye dolzhnosti v sisteme MVD Rossii [Specifics of Conducting Special Psychophysiological Studies with the Use of a Polygraph on the Employees of Internal Affairs Bodies Appointed to Other Positions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 141–160. doi:10.17759/psylaw.2022120211 (In Russ.).

2. Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Teoreticheskaya model' testirovaniya na poligrafe: problemy i perspektivy ikh razresheniya [Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and Prospects for their Solution] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 126–138. doi:10.17759/psylaw.2020100409 (In Russ.).

3. Mendelevich V.D. Poligrafologiya, profailing, aitreking i drugie paranauchnye metody psixiatricheskoi diagnostiki [Polygraphology, profiling, eyetracking and other parascientific methods of psychiatric diagnostics] [Elektronnyi resurs]. *Nevrologicheskii vestnik = Neurology Bulletin*, 2020. Vol. 52, no. 3, pp. 5–8. doi:10.17816/nb42282 (In Russ.).

4. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Saint Petersburg: Rech', 2012, pp. 282–297. (In Russ.).

5. Pelenitsyn A.B., Soshnikov A.P. Dokazatel'naya poligrafologiya. Podrobnoe rukovodstvo dlya poligrafologov-praktikov: V 4 ch. Ch. 4. Moscow, 2021, pp. 80–100. (In Russ.).

6. Uchaev A.V., Aleksandrov Yu.I. Uspeshnost' sokrytiya informatsii v protsesse testirovaniya na poligrafe individami raznykh tipov mental'nosti [The Success of Information Concealment during Polygraph Testing by Individuals of Different Mentality Types] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2021. Vol. 14, no. 2, pp. 156–169. doi:10.17759/exppsy.2021140211 (In Russ.).

7. Arrigo B.A., Claussen N. Police corruption and psychological testing: a strategy for preemployment screening. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2003. Vol. 47, no. 3, pp. 272–290. doi:10.1177/0306624X03047003003

8. Bell B.G., Kircher J.C., Bernhardt P.C. New measures improve the accuracy of the directed-lie test when detecting deception using a mock crime. *Physiology & Behavior*, 2008. Vol. 94, no. 3, pp. 331–340. doi:10.1016/j.physbeh.2008.01.022

9. Collins N. The Use of Polygraph Test in Clinical Forensic Psychiatry Settings. *Ethical Issues in Clinical Forensic Psychiatry*. Springer Cham, 2020. C. 85–96. doi:10.1007/978-3-030-37301-6

10. Giboney J.S. Grouping cognitive processes of deception: a meta-analysis. In Siegel D. (ed.) *World Scientific Reference on Innovation*. Vol. 4. World Scientific Publishing, 2018. P. 3–26.

11. Handler M., Honts C., Nelson R. Information gain of the directed lie screening test. *Polygraph*, 2013. Vol. 42(4). P. 192–202.

Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В.
Оценка вклада физиологических параметров
в определение значимости фактора риска в ситуации
скринингового тестирования на полиграфе
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 82–93.

Kuptsova D.M., Dvoryanchikov N.V.
Evaluation of the Value of Physiological Cues
to Determining the Salience of a Risk Factor
in a Situation of Screening Polygraph Test
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 82–93.

12. Handler M. et al. Integration of pre-employment polygraph screening into the police selection process. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2009. Vol. 24, no. 2, pp. 69–86. doi:10.1007/s11896-009-9050-2
13. Honts C.R., Amato S. Automation of a screening polygraph test increases accuracy. *Psychology, Crime & Law*, 2007. Vol. 13, no. 2, pp. 187–199. doi:10.1080/10683160600632843
14. Honts C.R., Thurber S., Handler M. A Comprehensive Meta-analysis of the Comparison Question Polygraph Test. *Applied Cognitive Psychology*, 2021. Vol. 35, no. 2, pp. 411–427. doi:10.1002/acp.3779
15. Johnson Jr.R. Chapter 6. The Neural Basis of Deception and Credibility Assessment: A Cognitive Neuroscience Perspective. In D.C. Raskin, C.R. Honts, J.C. Kircher (eds.). *Credibility Assessment. Scientific Research and Applications*. Elsevier, 2014, pp. 217–300. doi:10.1016/B978-0-12-394433-7.00006-3
16. Kircher J.C. et al. Human and Computer Decision-Making in the Psychophysiological Detection of Deception. *Polygraph*, 2012. Vol. 41(2), pp. 77–126.
17. Nelson R., Handler M. Monte Carlo Study of Criterion Validity of the Directed Lie Screening Test using the Empirical Scoring System and the Objective Scoring System Version 3. *Polygraph*, 2012. Vol. 41(3), pp. 144–155.

Информация об авторах

Купцова Дарина Михайловна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dnv@mgppu.ru

Information about the authors

Darina M. Kuptsova, Lecturer, Department of Forensic and Clinical Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6803-1984>, e-mail: dary.rin@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dnv@mgppu.ru

Получена 12.07.2022
Принята в печать 26.10.2022

Received 12.06.2022
Accepted 26.10.2022

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

«Проблемные ситуации» как методика судебно-психиатрического исследования: параметры оценки и проверка внутренней согласованности

Русаковская О.А.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П.Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

В целях последующей стандартизации методики «Проблемные ситуации» проведено исследование, направленное на выделение параметров оценки и проверку внутренней согласованности методики. Выборку составили 47 испытуемых, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в связи с решением вопроса об изменении гражданско-правового статуса, страдающих шизофренией, нарушениями интеллектуального развития и органическими психическими расстройствами. Первичные и вторичные параметры оценки были выделены методом контент-анализа. Для проверки внутренней согласованности методики применялся корреляционный анализ. На примере первой проблемной ситуации показана процедура выделения вторичных параметров. Установлено, что корреляционный анализ между вторичными параметрами, относящимися к трем категориям (причины—последствия—пути решения), подтверждает результаты качественного анализа и бикластеризации. Выявлены значимые корреляции между имеющими смысловое сходство вторичными параметрами, относящимися к разным проблемным ситуациям. Сделан вывод о внутренней согласованности методики и о ее предполагаемой конструктивной валидности.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, недееспособность, ограниченная дееспособность, способность понимать значение своих действий, методы судебно-психиатрического исследования, проблемные ситуации.

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания по теме: «Развитие современных теоретико-методологических и методических основ судебно-психиатрической экспертизы и профилактики общественно-опасных действий с разработкой и внедрением инновационных диагностических технологий, направленных на обеспечение качества и доказательности судебно-психиатрических решений, укрепление специализированной отраслевой службы и повышение безопасности граждан», регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР № 223020202619-5.

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации» как методика
судебно-психиатрического исследования: параметры
оценки и проверка внутренней согласованности
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 94–109.

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations” as a Forensic Assessment
Instrument: Assessing Parameters and
Checking Internal Consistency
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 94–109.

Для цитаты: *Русаковская О.А.* «Проблемные ситуации» как методика судебно-психиатрического исследования: параметры оценки и проверка внутренней согласованности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 94–109. DOI:10.17759/psylaw.2023130208

“Problem Situations” as a Forensic Assessment Instrument: Assessing Parameters and Checking Internal Consistency

Olga A. Rusakovskaya

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

In order to standardize “The Problem situations” as a forensic instrument, a study was conducted with the aim to identify the parameters of the assessment and to check the internal consistency of the instrument. The sample consisted of 47 subjects who underwent inpatient forensic psychiatric examination in connection with the decision on the issue of changing their civil status, with schizophrenia, intellectual disabilities and organic mental disorders. Primary and secondary evaluation parameters were identified by the content analysis. Correlation analysis was used to check the internal consistency of the instrument. On the example of the first problematic situation, the procedure for identifying secondary parameters is shown. It has been established that the correlation analysis between the secondary parameters belonging to three categories: causes — consequences — solutions, confirms the results of a qualitative analysis and biclustering. Significant correlations between semantic similar secondary parameters that are related to different problem situations were revealed. A conclusion was made about the internal consistency of the instrument and about its assumed construct validity.

Keywords: forensic psychiatry, legal incapacity, diminished capacity, the ability to understand the meaning of one’s actions, forensic instruments, problem situations.

Funding: the reported study was funded by Ministry of Health of the Russian Federation within the framework of the state task, project number in Unified State Accounting Information System for research, development and technological civil works No. 223020202619-5.

For citation: Rusakovskaya O.A. “Problem Situations” as a Forensic Assessment Instrument: Assessing Parameters and Checking Internal Consistency. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 94–109. DOI:10.17759/psylaw.2023130208 (In Russ.).

Введение

Требования объективности и доказательности, предъявляемые к судебно-психиатрическим заключениям в соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предполагают применение дополняющих традиционную клинико-психопатологическую и патопсихологическую оценку стандартизированных методов исследования. При этом, как показывает анализ зару-

бежного опыта, эффективным является применение таких методов, которые нацелены непосредственно на оценку функциональных способностей, соответствующих определенным правовым конструктам [9; 17]. При проведении судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса (признании гражданина недееспособным и ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства; признании дееспособным или ограниченно дееспособным гражданина, признанного ранее недееспособным) одним из таких правовых конструктов является способность гражданина понимать значение своих действий. Исходя из смысла дееспособности, гражданин, способный понимать значение своих действий, должен быть способен учитывать различные аспекты ситуации, принимать решения, касающиеся бытовых, социальных и гражданско-правовых вопросов, прогнозировать в достаточной степени последствия своих решений, осознавать установленную законом ответственность за определенные действия. Ни клинико-психопатологическое исследование, ни патопсихологическое исследование непосредственно на оценку таких функциональных способностей не направлены. Как указывал один из наших испытуемых, «... в программе исследования практически отсутствуют конкретные проблемы (бытовые, культурные, научные), обсуждение которых выявляло бы умение рассуждать, давать ответы на решение конкретных проблем и вопросов, выявляющих уровень сообразительности, умение предвидеть и прогнозировать последствия определенных событий, давать нравственную оценку тех или иных вопросов, хотя такого рода беседы давали бы больше оснований для ответа на вопрос, дееспособен пациент или нет» [10].

В рамках решения данной непростой задачи нами, на первом этапе с участием студентов факультета юридической психологии МГППУ А.В. Сорокиной и Е.Е. Сундиковой, была разработана оригинальная методика «Проблемные ситуации» для применения при проведении судебно-психиатрических экспертиз в гражданских делах по заявлениям об изменении гражданско-правового статуса [7; 5]. В основу методики были положены личностно-центрированный подход Питера Лихтенберга к оценке способностей человека принимать решения, соответствующие требованиям ситуации [16; 18–20], зарубежная практика использования стандартизированных и полустандартизированных методик судебно-психиатрического исследования при решении вопросов правового статуса граждан [13; 14; 15; 21], опыт применения проблемных ситуаций в возрастной и юридической психологии [4; 12; 2]. Разработанная методика «Проблемные ситуации» оценивалась нами как качественный метод исследования, позволяющий, как все качественные методы, получать непосредственную информацию о представлениях, отношениях, мотивационных установках и предпочитаемых моделях поведения испытуемых и «лучше понять сложную реальность» принятия испытуемыми решений в ситуациях, имеющих социальное и гражданско-правовое значение [8; 11]. В то же время, методика обладала столь же очевидными недостатками качественных методов исследования, в числе которых можно назвать: отсутствие параметров оценки, которые могли бы быть измерены количественно; субъективизм и зависимость от профессиональной квалификации эксперта [23]. Помимо этого, отсутствие стандартизации ограничивало возможности проведения рандомизированных клинических исследований, отвечающих требованиям к уровню доказательств, в соответствии с утвержденной приказом Минздрава № 103н «Шкалой оценки уровня достоверности доказательств для метода диагностики», что определило необходимость стандартизации и валидации метода.

Одним из необходимых начальных этапов стандартизации и валидации любого качественного метода является выделение критериев оценки и проверка внутренней согласо-

ванности методики корреляционным анализом [22], что и являлось целью настоящего исследования.

Материалы и методы

Структура методики

Методика «Проблемные ситуации» представляет собой 10 проблемных ситуационных задач, касающихся межличностных и социальных отношений, здоровья, распоряжения финансами, чрезвычайных ситуаций [5; 7]. В качестве примера приведем текст первой проблемной ситуации: «Мужчина жил с женой. Она занималась домашним хозяйством, он работал, пока не вышел на пенсию. Жена умерла. За пару месяцев в квартире накопилась куча грязной одежды, посуды, на кухне много мусора, завелись насекомые, в квартире стоит затхлый запах. Мужчина сильно похудел, так как сам себе не готовит».

Четыре проблемные ситуации (№ 1, 4, 9, 10) касаются межличностных и социальных отношений, три (№ 1, 2, 3) — здоровья, четыре (№ 4, 5, 6, 9) — различных финансовых сделок и обязательств (дарение квартиры, завещание, рента, погашение кредита, компенсация причиненного ущерба), три (№ 7, 8, 9) — поведения при чрезвычайных ситуациях.

В связи с тем, что некоторые ситуации относятся к нескольким из этих сфер, методика имеет следующую структуру, которую иллюстрирует рис. 1.

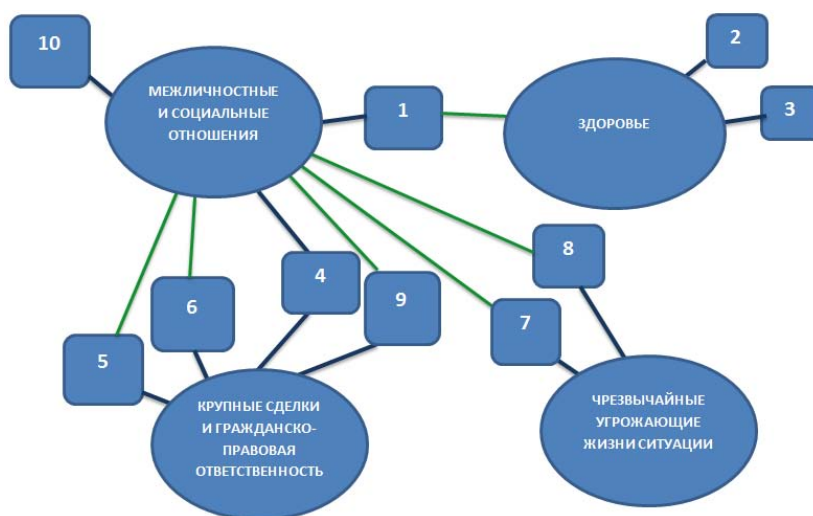

Рис. 1. Структура методики «Проблемные ситуации»

Испытуемые

Выборку составили 47 человек (27 мужчин и 20 женщин), проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в связи с решением вопроса об изменении гражданско-правового статуса. Все испытуемые страдали хроническими психическими расстройствами: 23 человека — шизофренией, 15 — нарушением интеллектуального развития, 9 — органическими психическими расстройствами. На основании судебно-психиатрического исследования в отношении 20 человек было дано заключение о неспособности понимать значение своих действий и руководить ими, 17 — способности понимать значение своих действий и руководить ими лишь с помощью других лиц, 10 — способности понимать значение своих действий и руководить ими.

Процедура обследования

Карточки с текстом проблемных ситуаций предъявлялись испытуемым последовательно, в порядке от 1 до 10. Перед этим давалась общая инструкция. Первую проблемную ситуацию испытуемого просили пересказать для оценки его способности верно передать содержание. По всем десяти карточкам испытуемых просили порассуждать, каковы возможные причины, последствия и варианты решения проблемной ситуации. Если испытуемый испытывал трудности с чтением, не мог пересказать первую проблемную ситуацию или не верно передавал ее содержание, экспериментатор сам зачитывал ситуации, отражая это в протоколе.

Методика «Проблемные ситуации» проводилась со всеми испытуемыми автором лично. Ответы испытуемых фиксировались дословно, отмечались все виды помощи и реакции испытуемого на задание.

Обработка результатов

Для обработки первичных ответов испытуемых применялся контент-анализ. В качестве элемента анализа использовались суждения. На первом этапе была сформирована таблица, отражающая всю совокупность высказываемых испытуемыми суждений по каждой проблемной ситуации. Суждения относились к трем категориям: причины возникновения ситуации, возможные последствия, предлагаемые пути решения. Для каждого нового суждения формировалась отдельная строка в таблице. Наличие/отсутствие в ответе конкретного испытуемого того или иного суждения фиксировалось бинарным кодом (есть — 1; нет — 0).

Дополнительная категория отражала качественные особенности мышления испытуемого и его деятельности, проявившиеся при выполнении задания, которые также кодировались как «1» или «0». Аналогично первой совокупности высказываемых суждений, в этой категории новые параметры вводились по мере их появления в эксперименте. Итоговый вариант таблицы, кроме ожидаемых качественных характеристик мышления, характерных для отдельных патопсихологических симптомокомплексов [3; 6], содержал такие, как «несоответствие выделяемых причин путям решения», «обращение к личному опыту», «наличие четкой позиции», «рассуждательство о высоком», «нравоучение» и т. д.

Для математической обработки полученная таблица была транспонирована. В категории «качественные особенности мышления» оценки в 10 проблемных ситуациях по каждому из параметров были суммированы с получением каждым испытуемым итогового балла от 0 до 10 по каждой из встретившихся в общей совокупности характеристик. В каждой из трех категорий, относящихся к содержанию ответов (причины, последствия, пути решения), отдельные суждения были объединены в подкатегории или вторичные параметры, которые определялись содержанием проблемной ситуации и внутри которых первичные баллы также суммировались.

Внутренняя согласованность методики проверялась корреляционным анализом в программе Statistica 13.0. Результаты считались значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

Выделение вторичных параметров оценки на примере первой проблемной ситуации

Контент-анализ первичных ответов испытуемых по проблемной ситуации № 1 в категории «Причины» позволил выделить следующие вторичные параметры.

Не называли причин, не могли их выделить или рассуждали не о причинах сложившейся ситуации, а, например, о причинах смерти жены, 3 испытуемых.

Называли сугубо конкретные причины ситуации 27 человек. Из них 18 человек говорили об отсутствии у героя навыков ведения домашнего хозяйства, 16 человек считали это «нормальной семейной ситуацией», 9 человек связывали с «ленью» или «разгильдяйством» героя, 4 — с особой сложностью навыков.

23 человека основной причиной ситуации называли психологические проблемы мужчины, связанные со смертью самого близкого человека, оценивали его состояние как «депрессию», говорили, что он «не может жить без жены», «не знает, как дальше жить».

16 человек указывали, что сложившаяся ситуация не может быть объяснена только лишь переживаниями после смерти близкого человека, предполагали у героя какое-либо заболевание; 1 человек считал, что мужчина «наверняка запил». В качестве примера приведем выдержку из протокола одной из испытуемых: «Плохо дело. Либо он очень переживает из-за ее смерти, либо он болен, может быть, был болен очень давно, но она за ним присматривала».

Выделение в категории «Последствия» вторичных параметров на основании всей совокупности суждений (N = 51) иллюстрирует табл. 1.

Таблица 1

Проблемная ситуация № 1: частоты первичных и вторичных параметров в категории «Последствия» (N = 51)

Суждения, определившие первичные параметры	Частота первичного параметра	Вторичные параметры	Частота вторичного параметра
Смерть	12 (23,5%)	Последствия, связанные с жизнью и здоровьем	29 (56,8%)
Алкоголизм	6 (11,8%)		
Психическое расстройство	5 (9,8%)		
Соматическое заболевание	5 (9,8%)		
Суицид	1 (2%)		
«Ждет его одинокая печальная старость»	1 (2%)	Психологические последствия, связанные с усугублением психологических страданий	1 (2%)
Определение в стационарное учреждение социального обслуживания	5 (9,8%)	Социальные последствия	9 (17,6%)
Выселение	4 (7,8%)		
«Признают недееспособным»	1 (2%)		
Отказ от ответа	6 (11,8%)	Не выделяет последствия	11 (21,6%)
Называемые последствия дублируют ситуацию	5 (9,8%)		

В категории «Пути решения» были выделены следующие вторичные параметры: предполагающие конкретные действия героя ситуации, направленные на самообслуживание и приведение в порядок квартиры (он должен взять себя в руки, помыть полы, приготовить еду и т. д.; он должен научиться сам все делать) (N = 33); предполагающие деятельность героя ситуации, направленную на улучшение его психологического состояния («найти занятие, которое смогло бы отвлечь», «заняться чем-нибудь, чтобы чувствовать себя полезным для общества») (N = 8); направленные на создание новой семьи («жениться ему надо или завести лю-

бовницу, чтобы она все по дому делала», «взять под опеку девочку-подростка») (N = 18); получение помощи в быту от ближайшего окружения (друзей, соседей, знакомых) (N = 13); получение помощи от социальных служб (N = 13); обращение за медицинской или психиатрической помощью (N = 11). Двое человек в качестве способа решения предлагали помочь герою ситуации: «я бы ему стал помогать». Трое человек считали предложенную ситуацию безвыходной, такой, которая неминуемо приведет к смерти героя, или предлагали «обратиться к Богу». Полученные результаты иллюстрирует табл. 2.

Таблица 2

Проблемная ситуация № 1: частоты первичных и вторичных параметров в категории «Пути решения» (N = 102)

Первичные параметры	Частота первичного параметра	Вторичные параметры	Частота вторичного параметра
Конкретные действия	16 (15,7%)	Действия героя ситуации, направленные на самообслуживание и приведение в порядок квартиры	33 (32,4%)
Научиться делать самому	9 (8,8%)		
Взять себя в руки, перебороть себя	8 (7,8%)		
Жениться	12 (11,8%)	Создание новой семьи	18 (17,6%)
Найти близкого человека для ведения хозяйства	6 (5,9%)	Деятельность героя ситуации, направленная на улучшение его психологического состояния	8 (7,8%)
Найти какое-то занятие	5 (4,9%)		
Найти круг общения	3 (2,9%)		
К психиатру	5 (4,9%)	Обращение за медицинской или психологической помощью	10 (9,8%)
К психологу	4 (3,9%)		
К врачу	1 (1%)		
Социальное обслуживание на дому	7 (6,9%)	Обращение в социальные службы	13 (12,7%)
Стационарное социальное обслуживание	6 (5,9%)		
К друзьям, детям, соседям	8 (7,8%)	Обращение за помощью к третьим лицам	13 (12,7%)
Нанять сиделку	5 (4,9%)		
Обратиться к Богу	2 (2%)	Обращение за помощью к «высшим» силам	2 (2%)
Я бы ему помог	5 (4,9%)	Собственная деятельность испытуемого, направленная на помощь герою ситуации	5 (4,9%)

На основании сочетания причин, последствий и путей решения первой проблемной ситуации, с использованием процедуры бикластеризации, были выделены следующие группы испытуемых:

1. Испытуемые, полагавшие основной причиной психологические переживания героя проблемной ситуации и предлагавшие варианты решения, направленные на улучшение психологического состояния.
2. Испытуемые, полагавшие, что для того, чтобы сложилась такая ситуация, психологических переживаний недостаточно, они могут быть объяснены лишь наличием у мужчины какого-то психического расстройства, в связи с чем ситуация может быть разрешена лишь при условии оказания мужчине психиатрической или социальной помощи.
3. Испытуемые, считавшие основной причиной ситуации лень мужчины или отсутствие у него навыков ведения домашнего хозяйства и предлагавшие в качестве способа разрешения ситуации конкретные действия.
4. Испытуемые, у которых предлагаемые пути решения ситуации не соответствовали выделенным причинам.
5. Испытуемые, которые не смогли выполнить инструкцию и справиться с заданием.

Корреляционный анализ, проведенный для проверки внутренней согласованности выделенных по первой проблемной ситуации вторичных параметров, подтвердил результаты биклассификации. Выделение испытуемыми конкретных причин сложившейся ситуации положительно коррелировало с предложением конкретных действий, направленных на решение бытовых вопросов ($r = 0,4$) и отрицательно — с выделением психологических ($r = -0,37$) и медицинских причин ($r = -0,39$), а также гражданско-правовых последствий ситуации ($r = -0,36$). Выделение психологических причин положительно коррелировало с выделением последствий, связанных с ухудшением здоровья ($r = 0,39$), с гражданско-правовыми последствиями ($r = 0,39$) и отрицательно — с предложением обращения за помощью к третьим лицам за бытовой помощью для решения ситуации ($r = -0,33$). Неспособность выделить причины ситуации коррелировала с принятием испытуемым ответственности за респондента ($r = 0,38$).

Оценка согласованности вторичных параметров, относящихся к финансовой сфере

В четвертой проблемной ситуации, касающейся составления завещания, и пятой, касающейся других крупных имущественных сделок, значимые корреляции выявлены между вторичными параметрами «Понимание гражданско-правовых вопросов», которые оценивали наличие представлений о различных видах сделок и сопряженных с ними рисках ($r = 0,54$). В четвертой проблемной ситуации испытуемые, у которых имелись более широкие представления о сделках, значимо чаще предлагали иные разумные, не предусмотренные условием задачи, способы ее решения ($r = 0,48$). В проблемной ситуации № 5 те же испытуемые выбирали в качестве наилучшего выхода заключение договора аренды, сопряженного с наименьшими рисками для героя.

Наличие в четвертой проблемной ситуации однозначной собственной позиции значимо коррелировало с приоритетом родственных связей ($r = 0,397$), который, в свою очередь, коррелировал с недооценкой рисков в проблемной ситуации № 5 ($r = 0,43$) и готовностью заключить договор дарения в проблемной ситуации № 4 ($r = 0,43$). Необходимо отметить, что в нашей выборке эту группу испытуемых составили преимущественно лица с нарушением интеллектуального развития, проживающие в психоневрологических интернатах.

Приоритет «решения по справедливости» в четвертой проблемной ситуации значимо коррелировал с предложением в проблемной ситуации № 5 своего решения, не решающего проблему ($r=0,41$).

В проблемной ситуации № 5 понимание гражданско-правовых вопросов отрицательно коррелировало с недооценкой рисков ($r = -0,42$) и положительно — с решением не дарить

квартиру соседке ($r = 0,40$). Недооценка рисков в проблемной ситуации № 5 коррелировала с готовностью заключить договор дарения ($r = 0,71$) и отрицательно — с решением договор дарения не заключать ($r = -0,54$).

Параметр «Понимание гражданско-правовых вопросов» проблемной ситуации № 4 значительно коррелировал с параметром «Понимание гражданской ответственности» в проблемной ситуации № 9.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 2.

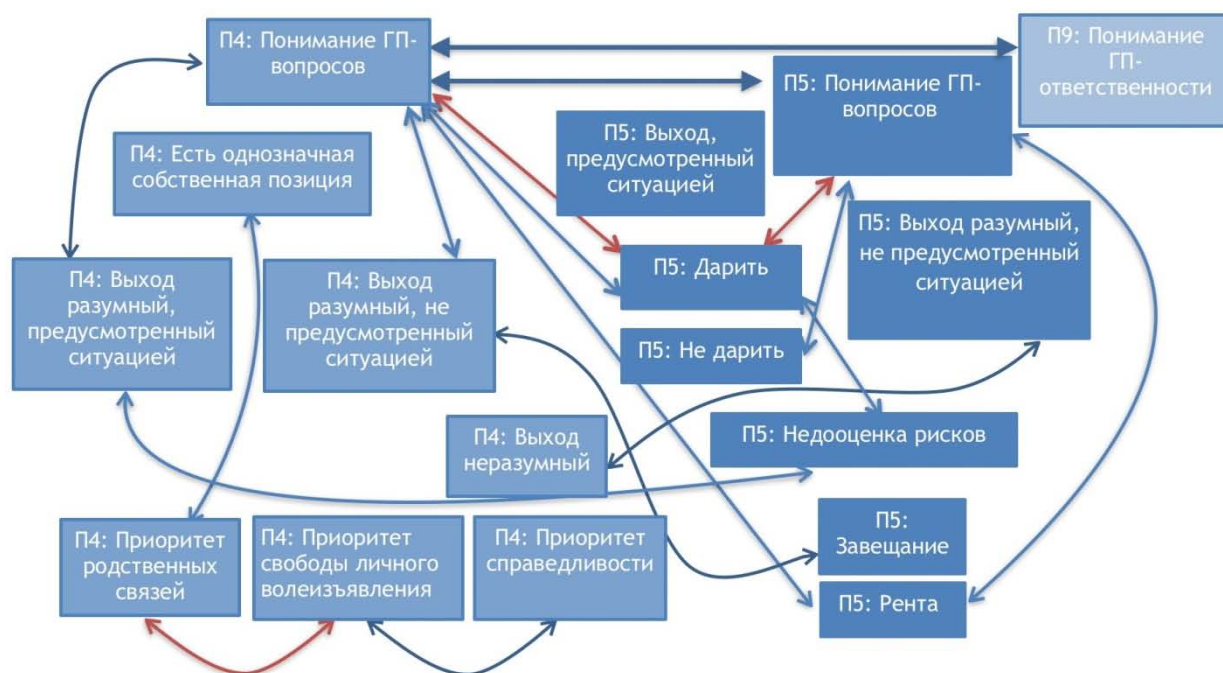

Рис. 2. Корреляции между вторичными параметрами, относящимися к финансовой сфере

Корреляционный анализ вторичных параметров, относящихся к сфере здоровья

Между проблемными ситуациями № 2 и 3, связанными со здоровьем, выявлены положительные корреляции между более полным пониманием ключевых медицинских аспектов, которые, в свою очередь, коррелировали с более глубоким анализом первой проблемной ситуации и выделением в ней причин и последствий, связанных с психическим здоровьем.

Параметр «Понимание ключевых медицинских аспектов» проблемной ситуации № 2 положительно коррелировал с выделением в проблемной ситуации № 3 беременности как вероятной причины ($r = 0,35$). Недопонимание медицинских аспектов проблемных ситуаций № 2 и 3 коррелировало с неспособностью выделить возможные причины проблемной ситуации № 1 ($r = 0,37$ и $r = 0,35$ соответственно). Выделение в ситуации № 1 психологических причин часто сочеталось с недоучетом медицинских аспектов проблемной ситуации № 3 (возможная причина — заболевание: $r = -0,31$).

Выделение в проблемной ситуации № 1 конкретных причин, связанных с отсутствием практических бытовых навыков или ленью, отрицательно коррелировало с выделением в той же проблемной ситуации возможных психологических ($r = -0,40$) или медицинских ($r = -0,39$) причин, положительно — с недоучетом объективной сложности проблемной ситуации № 2, связанной с нарушениями памяти и сахарным диабетом. Испытуемые не были склонны оцени-

вать ситуацию как безвыходную ($r = -0,33$) и недоучитывали ее ключевые аспекты, связанные с нарушением памяти, считая способом ее решения лечение сахарного диабета ($r = 0,34$).

Испытуемые, которые в качестве последствий проблемной ситуации № 1 называли те, которые связаны с риском для жизни и здоровья, чаще говорили о неспособности героини проблемной ситуации № 2 жить самостоятельно и видели выход в ее помещении в стационарное учреждение социального обслуживания ($r = 0,41$). Предложение подобного решения также положительно коррелировало с пониманием ключевых аспектов второй ($r = 0,31$) и третьей ($r = 0,31$) проблемных ситуаций.

Все испытуемые, которые для решения проблемной ситуации № 1 предлагали какие-либо собственные действия («я бы убрал ему квартиру», «я бы все время ему готовил, я все умею делать»), обнаруживали нарушения мышления, относящиеся к патопсихологическому симптомокомплексу нарушений мышления при умственной отсталости [5]. В проблемной ситуации № 2 они были склонны не учитывать роль нарушений памяти и делать акцент на лечении диабета ($r = 0,39$), однако интересно, что предлагаемые ими пути решения проблемной ситуации № 3 чаще учитывали беременность как вероятную ее причину ($r = 0,35$).

Полученные корреляционные связи иллюстрирует рис. 3.

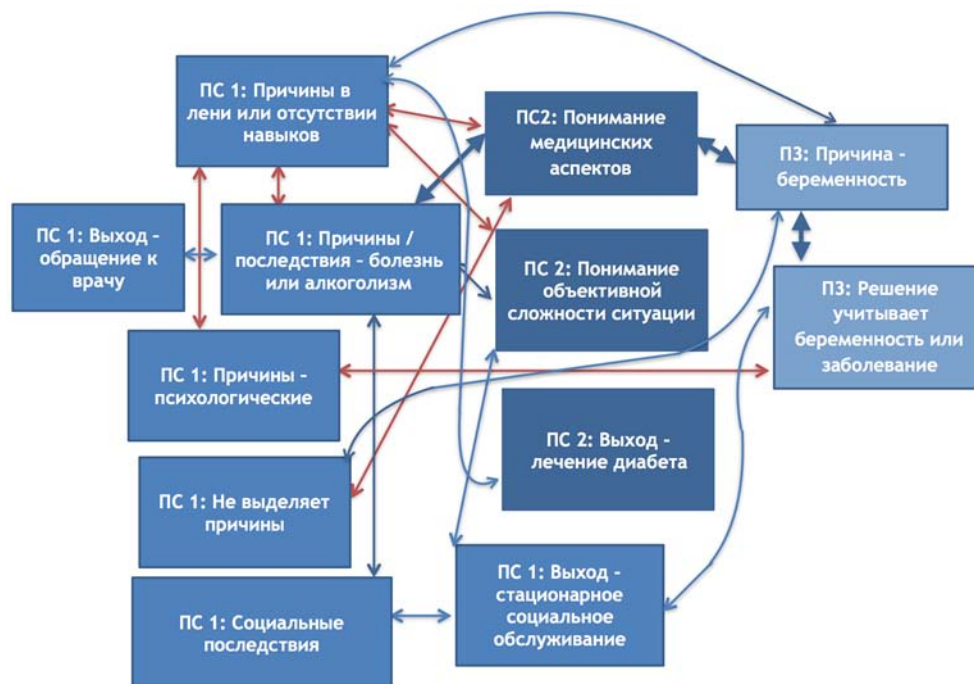

Рис. 3. Корреляции между вторичными параметрами, относящимися к пониманию медицинских аспектов

Результаты корреляционного анализа вторичных параметров, относящихся к чрезвычайным ситуациям

Значимые корреляции выявлялись между параметрами «Понимание возможных последствий» седьмой (запах газа в квартире) и восьмой (пожар) проблемных ситуаций ($r=0,46$). Понимание возможных последствий седьмой проблемной ситуации значимо коррелировало с предложением в проблемной ситуации № 8 разумного выхода, направленного на предотвращение опасности для соседей ($r = 0,46$). В свою очередь, последний параметр значимо коррелирует

лировал с необходимостью попасть в квартиру ($r=0,65$). При этом, как поясняли испытуемые, попасть в горящую квартиру надо было или для того, чтобы посмотреть, можно ли потушить пожар своими силами, или «для спасения самого ценного»: для кого-то денег и документов, а для кого-то «детей и домашних животных».

Выделение социальных последствий проблемной ситуации № 1 значимо коррелировало в ситуации № 8 с учетом рисков пожара в квартире для соседей ($r = 0,3$). В свою очередь, понимание опасности для соседей в проблемных ситуациях № 7 и № 8 значимо коррелировало с предложением совершения действий, направленных на их спасение («оповестить соседей», «организовать эвакуацию») ($r = 0,76$).

Предъявление проблемных ситуаций, касающихся чрезвычайных случаев, позволило выявить несколько первичных параметров, которые, на наш взгляд, не обладая статистической значимостью, являются важными для решения экспертного вопроса. Примеры таких высказываний испытуемых и количество испытуемых, чьи суждения соответствовали параметру, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Первичные параметры, имеющие значение для решения экспертного вопроса

Параметр	Количество испытуемых, давших ответы, соответствующие параметру	% от общего числа испытуемых	Примеры/комментарии
Проблемная ситуация № 7			
Незнание или значительная недооценка возможных последствий	8	17%	Незнание того, что при утечке газа возможны взрыв, пожар, отравление
Причины отражают психопатологические переживания	2	4,2%	«Могли соседи травить специально, меня так травили»
Причины отражают суицидальную настроенность	3	6,4%	«Самую легкую смерть себе выбрала, думаю»
Предложенное решение опасно	3	6,4%	«Надо зажечь спичку, поднести к трубе и проверить тягу»
Предложенное решение сомнительно или не решит проблему	13	27,7%	«Надо отключить электросчетчик»
Проблемная ситуация № 8			
Предложенный выход опасен	3	6,4%	«Надо утюг в воду опустить, но не до конца»; «Главное — пожарных не вызывать! А то штраф будет!»
Незнание телефонов каких-либо спецслужб	4	8,5%	Если испытуемый верно называл хотя бы один из номеров спецслужб, данный параметр оценивался как 0

Заключение

Судебно-психиатрическими экспертами, применяющими в своей практической деятельности методику «Проблемные ситуации», эта методика оценивается как обладающая очевидной валидностью, под которой понимается «...то, насколько тест кажется ценным испытуемому, официальным лицам, принимающим решение о его использовании, или другим специалистам» [1].

Выявление в данной выборке внутренней согласованности вторичных параметров, относящихся к трем категориям (причины—последствия—пути решения), выделенных по каждой проблемной ситуации, подтверждает возможность стандартизации метода. При этом, с одной стороны, понимание отдельным испытуемым причин проблемной ситуации согласуется с выделяемыми им же ее ожидаемыми последствиями и предлагаемыми путями решения. С другой стороны, выделяемые причины, последствия и пути решения соотносятся с осведомленностью испытуемого в тех или иных вопросах, его представлениями о социальных отношениях, особенностями мышления, эмоциональной и личностной сферы, мотивационными установками.

Выявление значимых корреляций между имеющими смысловое сходство вторичными параметрами, относящимися к разным проблемным ситуациям, по нашему мнению, свидетельствует о внутренней согласованности методики и позволяет предполагать ее конструктивную валидность в оцениваемых сферах.

Несомненно, конструктивная валидность методики, а также, в случае стандартизации, ее надежность как метода, применяемого в судебно-психиатрической практике, должна быть подтверждена в дальнейших исследованиях. Однако, как указывала А. Анастаси, «...измеряемый тестом теоретический конструкт, свойство или область поведения можно адекватно определить только в свете данных, собранных в процессе его валидации. Такое определение должно учитывать переменные, с которыми тест значимо коррелирован, условия, реально влияющие на его результаты, а также то, какие группы тест значимо дифференцирует» [1].

Наконец, мы полностью разделяем убежденность Тома Гриссо, одного из ведущих экспертов в области специальных стандартизированных судебно-психиатрических методик, в том, что они никогда не смогут заменить клинично-психопатологический, психологический и экспертологический анализ [17].

Литература

1. Анастаси А. Психологическое тестирование. Книга 1. М.: Педагогика, 1982. 320 с.
2. Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В., Чубарова О.Е. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3. С. 27–38. doi:10.17759/psylaw.2022120303
3. Кудрявцев И.А., Лавринович А.Н., Москаленко Е.П., Сафуанов Ф.С. Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы: Методические рекомендации. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 1985. 27 с.
4. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Директ-Медиа, 2014. 274 с.

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации» как методика
судебно-психиатрического исследования: параметры
оценки и проверка внутренней согласованности
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 94–109.

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations” as a Forensic Assessment
Instrument: Assessing Parameters and
Checking Internal Consistency
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 94–109.

5. *Русаковская О.А.* Методика «Проблемные ситуации» при проведении судебно-психиатрических экспертиз // *Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 110-летию С.Я. Рубинштейн): Научное издание: Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25—26 ноября 2021 г.) / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. М.: МГППУ, 2021. С. 218–220.*
6. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарика; Смысл, 1998. 192 с.
7. *Сорокина А.В., Сундикова Е.Е., Русаковская О.А.* Стандартизированное интервью: «Способность решать проблемные ситуации» // *Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2018. С. 112–113.*
8. *Улановский А.М.* Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // *Психологический журнал. 2009. Том 30. № 2. С. 18–28.*
9. *Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Психометрические методики зарубежной судебно-психиатрической практики и их теоретическая основа // *Российский психиатрический журнал. 2018. № 5. С. 64–73.*
10. *Харитонова Н.К., Русаковская О.А.* Вопросы недееспособности и ограничения дееспособности лиц пожилого и старческого возраста // *Судебная психиатрия. Актуальные проблемы / Под ред. проф. В.В. Вандыша. Вып. 15. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. С. 234–244.*
11. *Харькова О.А., Холматова К.К., Кузнецов В.Н., Гржибовский А.М., Крупченко Д.А.* Качественные исследования в медицине и общественном здравоохранении [Электронный ресурс] // *Экология человека. 2016. № 12. С. 54–59. doi:10.33396/1728-0869-2016-12-54-59*
12. *Чернокова Т.Е., Гуляева А.Л.* Развитие морального сознания у детей старшего дошкольного возраста посредством проблемно-противоречивых ситуаций [Электронный ресурс] // *Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 2. С. 108–115. doi:10.17759/chp.2022180212*
13. *Anderer S.J.* A Model for Determining Competency in Guardianship Proceedings // *Mental and Physical Disability Law Reporter. 1990. Vol. 14(2). P. 107–114.*
14. *Edelstein B. et al.* Assessment of capacity to make financial and medical decisions. Poster presented at 101st Annual Convention of the American Psychological Association, Toronto, Ontario, Canada. Aug. 20—24. 1993 // *Evaluating competencies / Grisso T. et al. Boston, MA: Springer Science Business Media, Inc., 2003. P. 385.*
15. *Edelstein B.* Challenges in the assessment of decision-making capacity // *Journal of Aging Studies. 2000. Vol. 14(4). P. 423–437. doi:10.1016/s0890-4065(00)80006*
16. *Flores E.V., Lichtenberg P.A.* Cross-validation of the Lichtenberg Financial Decision Rating Scale // *Clinical Gerontologist. 2023. Vol. 30. P. 1–6. doi:10.1080/07317115.2023.2196989*
17. *Grisso T. et al.* Evaluating competencies. Boston, MA: Springer Science Business Media, Inc., 2003. 553 p.
18. *Lichtenberg P. et al.* A Person-Centered Approach to Financial Capacity Assessment: Preliminary Development of a New Rating Scale // *Clinical Gerontologist. 2015. Vol. 38(1). P. 49–67. doi:10.1080/07317115.2014.970318*

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации» как методика
судебно-психиатрического исследования: параметры
оценки и проверка внутренней согласованности
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 94–109.

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations” as a Forensic Assessment
Instrument: Assessing Parameters and
Checking Internal Consistency
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 94–109.

19. Lichtenberg P. et al. The Lichtenberg Financial Decision Screening Scale (LFDSS): A new tool for assessing financial decision making and pre-venting financial exploitation // *Journal of Elder Abuse & Neglect*. 2016. Vol. 28(3). P. 134–151. doi:10.1080/08946566.2016.1168333
20. Lichtenberg P., Gross E., Ficker L. Quantifying Risk of Financial Incapacity and Financial Exploitation in Community-dwelling Older Adults: Utility of a Scoring System for the Lichtenberg Financial Decision-making Rating Scale // *Clinical Gerontologist*. 2018. doi:10.1080/07317115.2018.1485812
21. Loeb P. *Independent Living Scales (ILS) Manual*. San Antonio: Psychological Corp, 1996. 112 p.
22. Principles and methods of test construction: standards and recent advances / K. Schweizer, C. DiStefano (eds.). Hogrefe Publishing, 2016. 330 p.
23. *The Sage handbook of qualitative research* / Denzin N.R., Lincoln Y.S. (eds.). Sage Publications Ltd., 2017. 992 p.

References

1. Anastasi A. *Psikhologicheskoe testirovanie [Psychological testing]*. Kniga 1. Moscow: Pedagogika, 1982. 320 p. (In Russ.).
2. Ilyina O.Yu., Rusakovskaya O.A., Tumanova L.V., Chubarova O.E. Nekotorye psikhologo-yuridicheskie voprosy obyazatel'nogo ucheta mneniya rebenka, dostigshogo vozrasta desyati let, pri rassmotrenii sudami sporov o ego vospitanii [Some Psychological and Legal Issues of Mandatory Consideration of the Opinion of a Child who Has Reached the Age of Ten Years in Judicial Consideration of Disputes About His Upbringing] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 27–38. doi:10.17759/psylaw.2022120303 (In Russ.).
3. Kudryavtsev I.A., Lavrinovich A.N., Moskalenko E.P., Safuanov F.S. Osobennosti patopsikhologicheskoi kvalifikatsii rezul'tatov eksperimental'no-psikhologicheskogo issledovaniya v usloviyakh sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy: Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: GNTs SSP im. V.P. Serbskogo Publ., 1985. 27 p. (In Russ.).
4. Matyushkin A.M. *Problemye situatsii v myshlenii i obuchenii*. Moscow: Direkt-Media, 2014. 274 p. (In Russ.).
5. Rusakovskaya O.A. Metodika “Problemye situatsii” pri provedenii sudebno-psikhiatricheskikh ekspertiz [“Problem situations” as a method of forensic assessment]. In N.V. Zvereva, I.F. Roshchina (eds.). *Diagnostika v meditsinskoj (klinicheskoi) psikhologii: traditsii i perspektivy (k 110-letiyu S.Ya. Rubinshtein): Nauchnoe izdanie: Sbornik materialov Tret'ei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (25–26 noyabrya 2021 g.)*. Moscow: MGPPU Publ., 2021, pp. 218–220. (In Russ.).
6. Safuanov F.S. *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom protsesse: Nauchno-prakticheskoe posobie*. Moscow: Gardarika; Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).
7. Sorokina A.V., Sundikova E.E., Rusakovskaya O.A. Standartizirovannoe interv'yuu: “Sposobnost' reshat' problemye situatsii”. *Kochenovskie chteniya “Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii”*. *Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: MGPPU Publ., 2018, pp. 112–113. (In Russ.).
8. Ulanovsky A.M. Kachestvennyye issledovaniya: podkhody, strategii, metody [Qualitative researches: approaches, strategies, methods]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2009. Vol. 30, no. 2, pp. 18–28. (In Russ.).

9. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psikhometricheskie metodiki zarubezhnoi sudebno-psikhiatricheskoi praktiki i ikh teoreticheskaya osnova [The psychometric methods in foreign forensic-psychiatric practice and their theoretical foundation]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 5, pp. 64–73. (In Russ.).
10. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Voprosy nedeosposobnosti i ogranicheniya deosposobnosti lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta. In V.V. Vandysh (ed.). *Sudebnaya psikhiatriya. Aktual'nye problemy*. Vyp. 15. Moscow: FGBU “NMITs PN im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii Publ., 2018, pp. 234–244. (In Russ.).
11. Kharkova O.A., Kholmatova K.K., Kuznetsov V.N., Grzhibovskii A.M., Krupchenko D.A. Kachestvennye issledovaniya v meditsine i obshchestvennom zdravookhraneniі [Qualitative research in medicine and public health] [Elektronnyi resurs]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2016, no. 12, pp. 54–59. doi:10.33396/1728-0869-2016-12-54-59 (In Russ.).
12. Chernokova T.E., Gulyaeva A.L. Razvitiye moral'nogo soznaniya u detei starshego doshkol'nogo vozrasta posredstvom problemno-protivorechivyykh situatsii [The Development of Moral Consciousness in Older Preschool Children through Problematic Contradictory Situations] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 2, pp. 108–115. doi:10.17759/chp.2022180212 (In Russ.).
13. Anderer S.J. A Model for Determining Competency in Guardianship Proceedings. *Mental and Physical Disability Law Reporter*, 1990. Vol. 14, no. 2, pp. 107–114.
14. Edelstein B. et al. Assessment of capacity to make financial and medical decisions. Poster presented at 101st Annual Convention of the American Psychological Association, Toronto, Ontario, Canada. Aug. 20–24. 1993. In Grisso T. et al. *Evaluating competencies*. Boston, MA: Springer Science Business Media, Inc., 2003, p. 385.
15. Edelstein B. Challenges in the assessment of decision-making capacity. *Journal of Aging Studies*, 2000. Vol. 14, no. 4, pp. 423–437. doi:10.1016/s0890-4065(00)80006
16. Flores E.V., Lichtenberg P.A. Cross-validation of the Lichtenberg Financial Decision Rating Scale. *Clinical Gerontologist*, 2023. Vol. 30, pp. 1–6. doi:10.1080/07317115.2023.2196989
17. Grisso T. et al. *Evaluating competencies*. Boston, MA: Springer Science Business Media, Inc., 2003. 553 p.
18. Lichtenberg P. et al. A Person-Centered Approach to Financial Capacity Assessment: Preliminary Development of a New Rating Scale. *Clinical Gerontologist*, 2015. Vol. 38, no. 1, pp. 49–67. doi:10.1080/07317115.2014.970318
19. Lichtenberg P. et al. The Lichtenberg Financial Decision Screening Scale (LFDSS): A new tool for assessing financial decision making and pre-venting financial exploitation. *Journal of Elder Abuse & Neglect*, 2016. Vol. 28, no. 3, pp. 134–151. doi:10.1080/08946566.2016.1168333
20. Lichtenberg P., Gross E., Ficker L. Quantifying Risk of Financial Incapacity and Financial Exploitation in Community-dwelling Older Adults: Utility of a Scoring System for the Lichtenberg Financial Decision-making Rating Scale. *Clinical Gerontologist*, 2018. doi:10.1080/07317115.2018.1485812
21. Loeb P. *Independent Living Scales (ILS) Manual*. San Antonio: Psychological Corp, 1996. 112 p.
22. Schweizer K., DiStefano C. (eds.). *Principles and methods of test construction: standards and recent advances*. Hogrefe Publishing, 2016. 330 p.
23. Denzin N.R., Lincoln Y.S. (eds.). *The Sage handbook of qualitative research*. Sage Publications Ltd., 2017. 992 p.

Русаковская О.А.
«Проблемные ситуации» как методика
судебно-психиатрического исследования: параметры
оценки и проверка внутренней согласованности
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 94–109.

Rusakovskaya O.A.
“Problem Situations” as a Forensic Assessment
Instrument: Assessing Parameters and
Checking Internal Consistency
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 94–109.

Информация об авторах

Русаковская Ольга Алексеевна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, отдел судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе; доцент, учебно-методический отдел, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Information about the authors

Olga A. Rusakovskaya, PhD in Medicine, Senior Researcher, Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Proceedings; Associate Professor, Educational and Methodological Department, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5602-3904>, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru

Получена 02.05.2023
Принята в печать 02.06.2023

Received 02.05.2023
Accepted 02.06.2023

Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений

Булыгина В.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Исангалиева И.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1956-8092>, e-mail: kais9859@gmail.com

Пеева О.Д.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Ремеева А.Ф.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

Лысенко Н.Е.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

Статья посвящена обзору современных исследований нейрональных основ принятия моральных решений. Проанализированы психологические подходы к изучению проблемы принятия решений и морального выбора. Представлены данные эмпирических исследований их темпераментальных и характерологических коррелятов. Обсуждены результаты нейробиологических и нейрофизиологических исследований мировоззрения и моральных оценок с учетом возрастного и кросскультурного факторов. Освещены эмпирические исследования нейрофизиологических основ принятия решений у лиц с психическими расстройствами. Сделано заключение о том, что разные моральные задачи могут задействовать разные нейронные механизмы. Обоснована значимость результатов обнаруженной активности отделов мозга для понимания нейрофи-

Булыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д.,
Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е.
Современные исследования нейрональных
основ принятия моральных решений
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 110–126.

*Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D.,
Remeeva A.F., Lysenko N.E.*
Current Studies of The Neuronal
Foundations of Moral Decision-Making
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 110–126.

зиологических и психофизиологических коррелятов принятия моральных решений, позволяющих осуществить переход к пониманию более высоких, осознанных регуляторов поведения. Обозначена перспективность сопоставления динамики активности структур мозга с личностным профилем и уровнем субъективного стресса человека для разработки прогностических и диагностических методов оценки поведения в жизнеугрожающих ситуациях.

Ключевые слова: принятие решений, моральный выбор, нейробиологические и нейрофизиологические корреляты, мозговые основы.

Для цитаты: Булыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д., Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е. Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 110–126. DOI:10.17759/psylaw.2023130209

Current Studies of The Neuronal Foundations of Moral Decision-Making

Vera G. Bulygina

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Ilmira M. Isangalieva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1956-8092>, e-mail: kais9859@gmail.com

Olesya D. Peeva

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Alphiya F. Remeeva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

Nadezhda E. Lysenko

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

The article is devoted to a review of modern research on the neuronal foundations of moral decision-making. Psychological approaches to the study of the problem of decision-making and moral choice are analyzed. The data of empirical studies of their temperamental and characterological correlates are presented. The results of neurobiological and neurophysio-

logical studies of worldview and moral assessments, taking into account age and cross-cultural factors, are discussed. Empirical studies of the neurophysiological foundations of decision-making in persons with mental disorders are highlighted. It is concluded that different moral tasks can involve different neural mechanisms. The significance of the results of the detected activity of the brain departments for understanding the neurophysiological and psychophysiological correlates of moral decision-making, and allowing the transition to understanding higher, conscious regulators of behavior, is substantiated. The prospects of comparing the dynamics of the activity of brain structures with the personal profile and the level of subjective stress of a person for the development of prognostic and diagnostic methods for assessing behavior in life-threatening situations are indicated.

Keywords: decision-making, moral choice, neurobiological and neurophysiological correlates, brain foundations.

For citation: Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D., Remeeva A.F., Lysenko N.E. Current Studies of The Neuronal Foundations of Moral Decision-Making. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 110–126. DOI:10.17759/psylaw.2023130209 (In Russ.).

Введение

Во многих областях психологии механизмы принятия решений являются центральными для описания закономерностей человеческой деятельности и прогнозирования поведенческих реакций. Спектр предметных полей изучения механизмов принятия решения варьируется от нейрональных механизмов до личностного уровня регуляции и его моральных основ.

Принятие моральных решений можно рассматривать как вид стрессогенных ситуаций, так как они связаны с необходимостью нравственного выбора между двумя альтернативами, предпочтении любой из которых связано с нарушением тех или иных моральных предписаний.

Важным представляется развитие междисциплинарного подхода, включая нейрональные основы, к изучению морального выбора или морального решения, как одной из детерминант процесса принятия решений. Представление о вариативности механизмов принятия решений и поведения в различных ситуациях актуализирует вопросы о возможности изучения и прогноза поведения человека. В частности, вследствие вариативности принятия решений в их актуалгенезе, по прежнему дискуссионным остается вопрос о возможности экстраполяция данных экспериментального психологического исследования на оценку поведения человека.

В разработке проблемы рискованного поведения и принятия рискованных решений наметился прогресс, который связан с растущим числом нейрофизиологических исследований принятия решений. Выделены мозговые структуры, нейроэндокринные факторы, оказывающие влияние на деятельность мозговых структур в норме и при психической патологии. Большие ожидания исследователей и практиков связаны с возможностью структурирования этапов и процессов принятия решений в соответствии с этапами центральной и периферической обработки информации.

В связи с этим целью настоящего исследования стал анализ основных подходов к проблеме принятия решений и морального выбора в рамках общей и клинической психологии, нейробиологии и нейрофизиологии.

Психологические подходы к изучению проблемы принятия решений и морального выбора

В отечественной психологии принятие решений рассматривается в контексте саморегуляции. Кроме того, принятие решения связывается с осознанностью и процессом мышления, а также рассматривается как стилистическая тенденция [4]. Эмпирическое наполнение проблемы принятия решений так или иначе происходило в рамках решения логических или творческих задач. Для изучения морального выбора чаще используются вербальные ситуации моральных дилемм, валидность которых получила достаточное обоснование [9; 10].

Можно выделить два основных подхода к общепсихологическому пониманию принятия решений и выбора. Д.А. Леонтьев утверждает, что эти понятия наполняются разными психологическим содержанием, поскольку выбор представляет собой жизненный процесс, предполагающий объективную неопределенность; он тесно связан с исполнительной частью. Принятие решений не подразумевает исполнительной части, заведомо содержит наличие «правильной» альтернативы и включает «ментальные репрезентации» [5]. Выделение морального выбора как самостоятельного предмета исследований обосновывают тем, что в его регуляцию существенный вклад вносят составляющие нравственного самосознания, особенно личностные ценности.

В рамках эволюционного подхода постулируется, что в ходе эволюции в мозге появились отдельные структуры, отвечающие за моральное поведение [6; 7; 38].

В рамках когнитивистского подхода предметом изучения, правда в основном нейробиологов, стали рациональность, а также обоснование эволюционной необходимости морали.

В рамках социально-психологического подхода при исследовании моральных суждений [18] утверждается, что не только когнитивные, но и эмоциональные процессы играют важную роль в принятии решений, иногда конкурируя между собой.

В рамках эмоционально-интуитивного подхода, базирующегося на философских представлениях о чувственно-эмоциональной основе моральных суждений и врожденности некоторых моральных добродетелей, исследователи анализируют взаимосвязи данных функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) и других показателей активности мозговых структур, активирующих эмоции и интуицию. Фокус внимания направлен на понимание того, в какой именно момент принятия морального решения «включаются» эмоции и для чего они нужны [28].

Ряд авторов считают, что эмоции являются ведущими при решении моральных дилемм и что существует моральная интуиция, которая является частью социальной. Их эмпирические исследования направлены на поиск нейробиологических субстратов процесса сознательного рассуждения, который является базисом моральной интуиции [36].

В психологии морали сторонники идеи о ее врожденном характере в качестве основания морального решения рассматривают свод универсальных моральных правил, или грамматик [26]. Комплекс моральных грамматик — это предметно-ориентированный свод правил, понятий и принципов, которые связаны с психическими репрезентациями различных типов. Врожденными являются когнитивные структуры, отвечающие за моральные грамматики. При этом они являются только задатками. Одним из центральных в данной модели становится понятие репрезентаций, и вопрос заключается в том, как выявляемые нейрофизиологические закономерности объясняют то, как репрезентируется информация и какие процессы для этого нужны [25].

Темпераментальные и характерологические корреляты моральных решений

Внимание современных исследований также сфокусировано на выделении индивидуально-типологических и индивидуально-психологических особенностей, влияющих на процессы моральных суждений.

Показано, что принятие моральных решений в экстремальных ситуациях отражает степень осторожности, а также моральные установки в отношении других [27]. Сдерживающий эффект решений «смягчался» избеганием вреда, что, вероятно, отражало страх последствий независимо от собственной чувствительности к авторитетному мнению. Также выявлено, что невротизм приводит к более чувствительной реакции на сигналы наказания и угрозы [22].

Было обнаружено, что наличие среди темпераментальных характеристик чрезмерной осторожности и настороженности [14] ассоциируется с более интенсивными бессознательными эмоциональными реакциями [37], восприятием боли [28], а также последующим антиципативным избегающим поведением.

Другие исследования показали, что экстравертированные люди могут более неохотно соблюдать социальное дистанцирование [21], а высокая экстраверсия негативно предсказывала социальное дистанцирование [12]. Данный феномен не имеет социокультурной специфики и не зависит от конкретных государственных ограничений [17]. Примечательно, что как экстраверсия, так и невротизм положительно коррелируют со стремлением к новизне и избеганием вреда соответственно [14].

Изучение мозговых основ принятия решений

Как ни парадоксально, но современное изучение мозговых основ принятия решений, в том числе и моральных, наиболее представлено в исследованиях, не опирающихся на клинико-психологические или психофизиологические парадигмы.

Были обнаружены различия в активности мозга во время решения «личных» и «безличных» моральных дилемм. В случае «личных» дилемм преимущественно активировались области мозга, связанные с эмоциями, в случае «безличных» — области, связанные с когнитивным контролем [18].

Нейрофизиологические исследования и изыскания в поведенческой экономике показали, что зачастую принятие решений происходит неосознанно, вопреки объективной выгоде [30]. Если говорить о «быстрых» решениях, которые не связаны с длительным целенаправленным обдумыванием какой-либо проблемы, то мозг принимает решение в течение нескольких миллисекунд (500—1000 мс), за 30 миллисекунд до того, как оно осознается [15]. В исследовании просоциального принятия решений с помощью фМРТ [31] при использовании семантического поиска были выбраны задачи, в которых участники принимали решение об увеличении благосостояния других людей. На основе проведенного анализа были выделены три различные нейронные системы, соответствующие трем группам просоциальных решений: сотрудничество, справедливость и альтруизм.

В других работах предполагалось, что центральной функцией принятия просоциальных решений может быть эмпатия. Умение сопереживать эмоциям и боли является важным фактором усвоения и интернализации правил поведения в обществе. Нейрофизиологической основой механизма эмпатии является система зеркальных нейронов головного мозга. Зеркальные нейроны являются визуомоторными нейронами, у человека они расположены в премоторной области, лобной и теменной долях. Данные нейроны активируются, как при выполнении какого-либо действия, так и при наблюдении за его выполнением, а основными

функциями системы зеркальных нейронов является подражание и понимание действий других. Эмпатические переживания являются эмоциональными, а значит, для их активации необходима включенность лимбической системы головного мозга, которая обрабатывает эмоциональные аспекты переживаний. Предполагается, что связующим звеном между системой зеркальных нейронов и лимбической системой является инсулярная кора [8].

Некоторые авторы, рассматривая проблему принятия моральных решений, считают, что мозговые механизмы вынесения подобных решений представляют собой динамический процесс, в котором важную роль играет временная последовательность активации структур. Например, Дисити и Качиоппо с помощью ЭЭГ проанализировали связанные с событиями потенциалы при оценке намеренного и случайного поведения с целью причинения вреда другим людям. Они показали, что после морализаторского сценария потенциалы в правой верхней височной борозде наблюдались с задержкой 62 мс. Известно, что активность в этой области особенно связана с разделением преднамеренных и случайных действий. В среднем, потенциалы в миндалине и вентральной медиальной префронтальной коре регистрировались через 122 мс и 182 мс после предъявления морального сценария соответственно. Авторы интерпретировали эти результаты как указание на то, что некоторые характеристики поступка, такие как цель, учитываются при моральной оценке раньше, чем субъективное аффективное отношение человека к оцениваемому поступку. Отечественные физиологи также считают, что с помощью анализа ЭЭГ-данных возможно проследить динамику процесса вынесения решений [1].

Нейробиологические и нейрофизиологические исследования мировоззрения, моральных оценок и принятия решений в ситуациях морального выбора

А. Туше и коллеги изучали, отражают ли реакции мозга предпочтения участников в отношении политиков и связанных с ними политических партий в отсутствие явного обсуждения и внимания. Результаты их исследования показали, что реакции в отдельных областях мозга предсказывали политические предпочтения на разных уровнях абстракции. Также было выявлено, что автоматическая обработка предпочтений в мозге распространяется на поведение в реальной жизнедеятельности [34].

Согласно Модели убеждений, орбитофронтальная кора (ОФК) может отвечать за определение ценности конкурирующих целей (например, целей идентичности и целей точности). Эта область позволяет людям с высокой идентификацией оценивать результаты членов своей группы и участвовать в познании и действиях, соответствующих их целям идентичности [35]. Авторы Модели убеждений полагают, что многие зарегистрированные различия в фактических убеждениях могут быть связаны в большей степени с мотивированными рассуждениями (или просто мотивированными выражениями), а не с памятью, восприятием или каким-то бессознательным процессом. А мотивированное мышление ассоциировано с активацией дорсолатеральной префронтальной коры и может быть нарушено в связи с когнитивными нагрузками.

В метаанализе нейрофизиологических исследований моральных оценок и принятия решений в ситуациях морального выбора [16] было проанализировано 28 экспериментов с использованием фМРТ. Было выделено два типа анализируемых в них моральных задач: задачи на принятие решения в ситуации гипотетической моральной дилеммы и задачи оценки уместности или моральной допустимости действий другого лица. Для анализа исследований авторами использовался метод оценки вероятности активации (ОВА) (activation likelihood

estimation), оценивающий паттерны очагов активации, чтобы установить, где в мозге конвергенция выше, чем можно было бы ожидать, если бы очаги были нормально распределены по всему мозгу. Метод ОВА был применен ко всем экспериментам, где участникам необходимо было принимать решение, и ко всем экспериментам, где участникам необходимо было давать оценку действиям других. После был проведен анализ сопряжения — для выяснения общих областей активации мозга для двух типов задач и контрастный анализ для оценки различий. Анализ оценки вероятности активации обнаружил повышенную активность для обоих типов задач в следующих областях: в левой средней височной извилине, левой поясной коре и левой средней лобной извилине. Однако данные области мозга принимают участие и в других процессах, а значит, не могут быть обозначены как специфические для морали.

Было сделано предположение, что многие процессы, такие как внимание, рабочая память, распознавание эмоций, эмпатическое возбуждение и поиск соответствующих схем, могут быть задействованы при вынесении моральных суждений. Поэтому многие структуры мозга, вероятно, вовлечены в данный процесс. Все три значимых области были обнаружены в левом полушарии, отвечающем за речь [16]. В случае принятия решения более активны средняя височная извилина (правая и левая) и правое предклинье. Предклинье — область мозга, более развитая у людей, чем у животных, участвующая в когнитивных процессах более высокого порядка. Ее повышенная активность означает, что процесс принятия решений задействует области мозга, связанные с саморефлексией. Возможна и другая интерпретация: выявленные феномены могут просто отражать различия между типами моральных задач. Правое предклинье связано с пониманием метафор и вербальным творческим мышлением, поэтому активация этой области может отражать тот факт, что эти задачи, как правило, связаны с дилеммами, которые не являются реальными и требуют активации абстрактного мышления.

Многие трактуют одновременную активацию разных структур мозга при моральном выборе как подтверждение того, что в мозговых структурах нет специфических зон, ответственных за мораль, что при моральном выборе мозг работает как целое [38].

Нейрофизиологические исследования развития морали

Как уже упоминалось ранее, в науке ведутся эмпирически обоснованные споры: люди изначально биологически предрасположены к проявлению в своем поведении нравственных поступков или, наоборот, что ими управляет иррациональность [11]? В большинстве споров выигрывает точка зрения, предполагающая, что нормативы совести и морали «вкладываются» в сознание людей общественными институтами, а не запрограммированы эволюцией в виде предрасположенности.

Косвенно вывод о том, что мораль развивается в ходе онтогенеза, подтверждают обнаруженные различия в активности мозга у подростков и взрослых в ситуациях морального конфликта. Когда необходимо выбирать между социально ориентированным или гедонистическим поведением, у подростков, по сравнению со взрослыми, повышенную активность демонстрируют лобные зоны, средняя височная извилина, таламус и парагиппокамповая извилина [33].

Несмотря на то, что исследований о взаимосвязи активности системы зеркальных нейронов и особенностями моральных оценок у детей крайне мало [8], можно предположить, что эта система и эмпатические переживания являются одной из основ развития морального развития человека.

Работы последнего десятилетия показали, что уже у младенцев проявляются невербальные оценки своего поведения и поведения других с точки зрения морали. В исследовании Дж. Коуэлла и Дж. Десити [13] с участием младенцев в возрасте от 1 до 2 лет было продемонстрировано, что дети различают ситуации просоциального и антисоциального поведения на перцептивном и нейронном уровне. Электрофизиологические данные свидетельствуют о том, что различие хорошего и плохого у детей связано с маркерами ЭЭГ (от 300мс до 500мс), которые отвечают за более ранние процессы (внимание, восприятие). Это позволяет предположить, что люди уже с рождения обладают неким «моральным ядром», которое может являться предпосылкой для возникновения моральности у человека и основывается на базовых психофизиологических процессах.

Вместе с тем обнаруженная у детей положительная связь высокой активации маркеров ЭЭГ, отвечающих за более автоматические процессы (внимание, восприятие), с высокой чувствительностью к несправедливости родителей говорит о том, что социальные факторы влияют на самые ранние этапы морального развития.

Кросскультурные исследования нейрофизиологических коррелятов принятия моральных решений

Было проведено исследование нейронного субстрата процесса принятия решений у корейских и американских участников [19]. Изучалось влияние социальных факторов на активность мозговых структур, принятие решений как на поведенческом, так и на нейронном уровнях. Основываясь на данных предыдущих психологических исследований, авторы предположили, что у корейских участников более активными будут области мозга, связанные с интуицией, а у американских участников — области мозга ответственные за формальные рассуждения. В ходе исследования участникам предлагалось решить ряд моральных дилемм. Активность мозга в процессе решения оценивалась с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии. Дилеммы, представленные участникам, были разделены на три группы: морально-личностные, морально-безличные и нейтральные. Морально-личностные дилеммы определялись авторами как соответствующие трем критериям: причинение серьезного вреда, вред должен быть нанесен конкретному лицу или группе лиц, вред не должен быть перенаправлением уже существующей угрозы. Если моральная дилемма не соответствовала этим критериям, она определялась как безличная. Нейтральные дилеммы не затрагивали нравственных вопросов и состояли из общих когнитивных проблем. Принятие решения участники осуществляли с помощью кнопки, нажав на которую они оценивали представленное на экране решение как морально приемлемое или неприемлемое.

Оказалось, что, несмотря на схожесть принятых обеими группами решений, активность мозга в ходе исследования у корейских и американских участников различалась. Как и предполагали авторы, корейские респонденты демонстрировали большую активность в областях мозга, ответственных за интуитивные процессы, в то время как американские респонденты — в областях, отвечающих за рассуждения и когнитивные процессы. Большая активность у корейских респондентов в ситуации морально-личностной дилеммы проявлялась в следующих областях мозга: в правой скорлупе и правой верхней лобной извилине, которые в значительной степени связаны с интуитивным принятием социальных решений и поведенческими процессами [19]. В случае, когда корейским респондентам было необходимо принять решение в морально-безличной ситуации, активность проявлялась в постцентральной бороз-

де. Предыдущие исследования говорят о том, что активность данной структуры связана со сравнением и приблизительной оценкой, а не точным расчетом.

В ситуации морально-личностной дилеммы у американских участников в большей степени активность проявляет передняя поясная кора, Это согласуется с ранее полученными данными о том, что активность данной области связана с деятельностью по наблюдению за конфликтами и решением эмоциональных конфликтов. Было сделано предположение, что американские участники использовали механизмы мониторинга и разрешения конфликтов при принятии морально-личностных решений, и этим была обусловлена повышенная активность передней поясной коры. Данный результат согласуется с тем, что американские участники тратили больше времени на решение морально-личностных дилемм по сравнению с морально-безличными. Если говорить о решении морально-безличных дилемм, то у американских участников не удалось выявить структуру мозга, которая бы проявляла значительно повышенную активность по сравнению с другими.

Выявленные закономерности согласуются с данными культурно-психологических исследований о различиях механизмов рассуждений между восточноазиатскими и западными культурами. А именно: социальные и культурные нормы восточноазиатского общества в большей степени являются коллективистскими и в меньшей степени учитывают индивидуальные желания, а также конфуцианская традиция брать контроль над своими эмоциями может оказывать влияние на развитие моральности на нейронном уровне [19].

Таким способом было получено эмпирическое подтверждение связи культурных различий с различиями в структуре принятия моральных решений на нейронном уровне.

Эмпирические исследования нейрофизиологических основ принятия решений лицами с психическими расстройствами

Необходимо напомнить, что нейрофизиологическая структура многих психических процессов была выявлена с помощью изучения их нарушений. Так, метаанализ исследований морального мышления у лиц с расстройствами личности [24] выявил снижение активности в левой и правой латеральной префронтальной коре, дорсомедиальной префронтальной коре, правой миндалине, правой нижней теменной коре и среднем мозге. Дорсомедиальная префронтальная кора участвует в процессах социального познания, правая латеральная префронтальная кора отвечает за когнитивный контроль, выполнение действий и обработку болевых сигналов, правая миндалина выполняет функцию реагирования на эмоциональное вознаграждение, а средний мозг играет важную роль в механизме эмпатии.

В этом же исследовании повышенная активность была обнаружена в правой островковой коре, левой лобно-инсулярной коре и другой области правой нижней теменной коры. Авторы отмечают, что по сравнению с предыдущими метаанализами аномальной активности мозга у лиц с расстройствами личности их исследование выявило специфическую активность в среднем мозге и правой нижней теменной коре; они предположили, что эта дополнительная активность может характеризовать особенности моральности участников.

В ряде работ проверялись гипотезы о том, что моральные суждения, основанные на заботе о других, непосредственно касаются причинения вреда другим и что интегративная работа систем, ответственных за научение с подкреплением, составляет их основу [38]. Инструментальное использование антисоциального поведения для достижения собственных целей в случае психических расстройств связывали с дисфункцией этих мозговых структур. Авторы предположили, что «автоматическая моральная установка» к асоциальному поведению акти-

вирует миндалины через условный стимул, которым является представление человека о моральном нарушении.

В другом исследовании изучались способность вынесения моральных суждений у пациентов с расстройствами аутистического спектра (РАС) и его нейронные корреляты по сравнению с психически здоровыми лицами [32]. Наблюдалась значительная гипоактивация в левой миндалине, левой островковой доле и левой нижней лобной извилине для дилеммы индивидуальной выгоды и коллективных потерь. В то же время была зафиксирована повышенная активация у пациентов с РАС в задних отделах, включая предклинье и особенно заднюю поясную извилину, а также в передней поясной коре при решении социально-этических дилемм.

У пациентов с РАС по сравнению со здоровыми лицами наблюдается снижение активации в областях, связанных с эмоциями и эмпатией, включая области системы зеркальных нейронов человека, а именно в нижней лобной извилине и лимбической системе, особенно миндалевидного тела. Хотя, согласно проведенному исследованию, у пациентов с РАС не наблюдалось фундаментального дефицита моральных рассуждений. То есть выявленные специфические паттерны активации мозга отражают измененный способ когнитивной обработки социальной информации и указывают на нейронные особенности у лиц с РАС, отражающие дисфункцию механизмов работы основной сети мозга.

Выявлено, что у пациентов с расстройствами личности и РАС наблюдались сходные нарушения морального мышления. Можно предположить, что механизмом нарушения является гипоактивация процессов эмпатии. У пациентов с обсессивно-компульсивными расстройствами наблюдалась обратная ситуация — гиперчувствительность к моральным вопросам.

Еще одно исследование продемонстрировало особенности морального мышления у людей с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР) [23]. У лиц с ОКР по сравнению с нормотипической группой отмечалась большая активация вентромедиальных префронтальных и орбитофронтальных областей коры. Указанные области мозга связывают с переживанием моральных эмоций, таких как вина и стыд. Существует также такая точка зрения, что медиальная орбитофронтальная кора, в частности может влиять на такие эмоции, кодируя относительную ценность и значимость стимулов окружающей среды для поддержки принятия сложных решений и ожидания будущих результатов. Таким образом, большее вовлечение этих областей у пациентов с ОКР может представлять большую воспринимаемую значимость стимулов эмоциональной дилеммы или чрезмерную оценку результатов решения.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что данные последних нейрофизиологических исследований морального мышления демонстрируют его особенности на разных этапах развития человека. Также наблюдаются особенности нейронных механизмов морали у людей разных культур, что говорит об их прижизненном формировании и влиянии социокультурных факторов. Однако степень и качество этого влияния только предстоит выяснить. Также, вероятно, разные моральные задачи, такие как принятие собственного решения или оценка поведения других, могут задействовать разные нейронные механизмы, что также является интересным и важным вопросом для исследователей.

Несмотря на то, что интерпретация обнаруженных закономерностей активности мозга в случае принятия моральных решений остается неоднозначной, и то, что существует много критических оценок исследований, посвященных выявлению мозгового субстрата и нейрональных механизмов морали, нельзя недооценивать значимость полученных результатов для

понимания нейрофизиологических и психофизиологических коррелятов принятия моральных решений. Без этого невозможен переход к пониманию более высоких, осознанных, личностных регуляторов решений и поведения.

Кроме того, используемые во многих исследованиях моральные дилеммы могут выступать в качестве способа моделирования подобных ситуаций в условиях эксперимента, что позволит изучить их влияние на способность человека выполнять когнитивные действия после того, как он совершил сложный моральный выбор. А сопоставление выявленной динамики активности структур мозга с личностным профилем и уровнем субъективного стресса человека позволит разработать прогностические и диагностические методы оценки поведения в жизнеугрожающих и требующих вынесения быстрого решения ситуациях.

Помимо этого, изучение динамики работы мозга с помощью методов анализа ЭЭГ может помочь определить, какие механизмы стоят за возникновением повышенного уровня стресса, оценить различия активности работы мозга у группы людей условной нормы и у лиц с психической патологией.

Литература

1. Арутюнова К.Р., Созинова И.М., Александров Ю.И. Мозговые основы моральной оценки действий [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 67–81. doi:10.17759/jmfr.2020090206
2. Газиева М.В. Современные подходы к проблеме исследования стресса и стрессоустойчивости // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 348–350.
3. Дубровина И.В. Идеи Л.С. Выготского о содержании детской практической психологии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Том 5. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62528 (дата обращения: 19.03.2023).
4. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. (С приложением последних обобщающих работ). М.: URSS, 2018. 320 с.
5. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2019. 484 с.
6. Мажирина К.Г., Первушина О.Н., Федоров А.А., Штарк М.Б. Нейровизуализация и феномен морального выбора [Электронный ресурс] // Успехи физиологических наук. 2021. Том 52. № 1. С. 16–30. doi:10.31857/S0301179821010057
7. Митина Г.В., Нугаева А.Н., Шурухина Г.А. Психология эмоций и мотивации: Учебно-методическое пособие. Уфа: Издательство БГПУ, 2020. 110 с.
8. Орехова Л.С., Павленко В.Б. Специфика морального поведения личности: анализ современного состояния проблемы // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. С. 342–346.
9. Пляскина А.С. Дилемма выбора меньшего зла: две методики исследования // Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 146–157.
10. Поддьяков А.Н., Пляскина А.С. Инициативная саморефлексия при решении моральных дилемм // Мир психологии. 2018. № 3. С. 96–104.
11. Хьелл А. Зиглер Дж., Теории личности. Основные положения, исследования и применение: Учебное пособие. СПб: Питер, 2014. 608 с.

Булыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д.,
Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е.
Современные исследования нейрональных
основ принятия моральных решений
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 110–126.

*Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D.,
Remeeva A.F., Lysenko N.E.*
Current Studies of The Neuronal
Foundations of Moral Decision-Making
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 110–126.

12. *Chan H.F., Moon J.W., Savage D.A., Skali A., Torgler B., Whyte S.* Can psychological traits explain mobility behavior during the COVID-19 pandemic? // *Social Psychological and Personality Science*. 2020. Vol. 12(2). P. 1018–1029. doi:10.1177/1948550620952572
13. *Cowell J.M., Decety J.* Precursors to morality in development as a complex interplay between neural, socioenvironmental, and behavioral facets // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112(41). P. 12657–12662. doi:10.1073/pnas.1508832112
14. *De Fruyt F., Van De Wiele L., Van Heeringen C.* Cloninger's psychobiological model of temperament and character and the five-factor model of personality // *Personality and Individual Differences*. 2000. Vol. 29(3). P. 441–452. doi:10.1016/S0191-8869(99)00204-4
15. *Eichele T., Debener S., Calhoun V.D., Specht K., Engel A.K., Hugdahl K., Cramon D.Y., Ullsperger M.* Prediction of human errors by maladaptive changes in event-related brain networks // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. Vol. 105(16). P. 6173–6178. doi:10.1073/pnas.0708965105
16. *Garrigan B., Adlam A.L.R., Langdon P.E.* The neural correlates of moral decision-making: A systematic review and meta-analysis of moral evaluations and response decision judgements // *Brain and Cognition*. 2016. Vol. 108. P. 88–97. doi:10.1016/j.bandc.2016.07.007
17. *Götz F.M., Gosling S.D., Rentfrow P.J.* Small Effects: The Indispensable Foundation for a Cumulative Psychological Science // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. Vol. 17(1). P. 205–215. doi:10.1177/1745691620984483
18. *Greene J.D.* *The Cognitive Neuroscience of Moral Judgment* // *The Cognitive Neurosciences / M.S. Gazzaniga (ed.)*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 987–999. doi:10.7551/mitpress/8029.003.0086
19. *Greene J.D., Plunkett D.* Overlooked Evidence and a Misunderstanding of What Trolley Dilemmas Do Best: Commentary on Bostyn, Sevenhant, and Roets // *Psychological Science*. 2019. Vol. 30(9). P. 1389–1391. doi:10.1177/0956797619827914
20. *Han S., Ma Y.* Cultural differences in human brain activity: a quantitative meta-analysis // *Neuroimage*. 2014. Vol. 99. P. 293–300. doi:10.1016/j.neuroimage.2014.05.062
21. *Han H.* Exploring the association between compliance with measures to prevent the spread of COVID-19 and big five traits with Bayesian generalized linear model // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 176. doi:10.1016/j.paid.2021.110787
22. *Han Y., Jang J., Cho E., Choi K.H.* Investigating how individual differences influence responses to the COVID-19 crisis: The role of maladaptive and five-factor personality traits // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 176. doi:10.1016/j.paid.2021.110786
23. *Harrison B.J., Pujol J., Cardoner N., Deus J., Alonso P., López-Solà M., Contreras-Rodríguez O., Real E., Segalàs C., Blanco-Hinojo L., Menchon J.M., Soriano-Mas C.* Brain corticostriatal systems and the major clinical symptom dimensions of obsessive-compulsive disorder // *Biological Psychiatry*. 2013. Vol. 73(4). P. 321–328. doi:10.1016/j.biopsych.2012.10.006
24. *Keyßer L.T., Lenzen M.C.* 1.5 °C degrowth scenarios suggest the need for new mitigation pathways // *Nature Communications*. 2021. Vol. 12. doi:10.1038/s41467-021-22884-9
25. *Mahon B.Z., Fischer J.* What tool representation, intuitive physics, and action have in common: The brain's first-person physics engine // *Cognitive Neuropsychology*. 2021. Vol. 38(7-8). P. 455–467. doi:10.1080/02643294.2022.2106126
26. *Mikhail J.* Universal moral grammar: theory, evidence and the future // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11(4). P. 143–152. doi:10.1016/j.tics.2006.12.007

27. O'Grady T., Vandegrift D., Wolek M., Burr G. On the determinants of other regarding behavior: Field tests of the moral foundation's questionnaire // *Journal of Research in Personality*. 2019. Vol. 81. P. 224–237. doi:10.1016/j.jrp.2019.06.008
28. Parkinson C., Wheatley T., Kleinbaum A.M. The Neuroscience of Social Networks // *Oxford Handbook of Social Network Analysis* / R. Light, J. Moody (eds.). New York: Oxford University Press, 2020. P. 496–515. doi:10.1093/oxfordhb/9780190251765.013.30
29. Pud D., Eisenberg E., Sprecher E., Rogowski Z., Yarnitsky D. The tridimensional personality theory and pain: Harm avoidance and reward dependence traits correlate with pain perception in healthy volunteers // *European Journal of Pain*. 2004. Vol. 8(1). P. 31–38. doi:10.1016/S1090-3801(03)00065-X
30. Ramsøy T.Z., Michael N., Michael I.A. Consumer Neuroscience Study of Conscious and Subconscious Destination Preference // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9(1). doi:10.1038/s41598-019-51567-1
31. Rhoads S.A., Cardinale E.M., O'Connell K., Palmer A.L., VanMeter J.W., Marsh A.A. Mapping neural activity patterns to contextualized fearful facial expressions onto callous-unemotional (CU) traits: Intersubject representational similarity analysis reveals less variation among high-CU adolescents // *Personality Neuroscience*. 2020. Vol. 3. doi:10.1017/pen.2020.13
32. Schneider D., Slaughter V.P., Bayliss A.P., Dux P.E. A temporally sustained implicit theory of mind deficit in autism spectrum disorders // *Cognition*. 2013. Vol. 129(2). P. 410–417. doi:10.1016/j.cognition.2013.08.004
33. Sommer M., Meinhardt J., Rothmayr C., Döhnle K., Hajak G. Me or you? Neural correlates of moral reasoning in everyday conflict situations in adolescents and adults // *Social Neuroscience*. 2014. Vol. 9(5). P. 452–470. doi:10.1080/17470919.2014.933714
34. Tusche A., Hutcherson C.A. Evidence accumulation, not 'self-control', explains dorsolateral prefrontal activation during normative choice // *eLife*. 2022. Vol. 11. doi:10.7554/eLife.65661
35. Van Bavel J.J., Pereira A. The Partisan Brain: An Identity-Based Model of Political Belief // *Trends in Cognitive Sciences*. 2018. Vol. 22. P. 213–224. doi:10.1016/j.tics.2018.01.004
36. Woodward J., Allman J. Moral intuition: its neural substrates and normative significance // *Journal of Physiology, Paris*. 2007. Vol. 101(4-6). P. 179–202. doi:10.1016/j.jphysparis.2007.12.003
37. Yoshino A., Kimura Y., Yoshida T., Takahashi Y., Nomura S. Relationships Between Temperament Dimensions in Personality and Unconscious Emotional Responses // *Biological Psychiatry*. 2005. Vol. 57(1). P. 1–6. doi:10.1016/j.biopsych.2004.09.027
38. Young L., Dungan J. Where in the brain is morality? Everywhere and maybe nowhere // *Social Neuroscience*. 2012. Vol. 7(1). P. 1–10. doi:10.1080/17470919.2011.569146

References

1. Arutyunova K.R., Sozinova I.M., Aleksandrov Yu.I. Mozgovye osnovy moral'noi otsenki deistvii [Brain activity during moral judgement of action] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 67–81. doi:10.17759/jmfp.2020090206 (In Russ.).
2. Gazieva M.V. Sovremennye podkhody k probleme issledovaniya stressa i stressoustoichivosti [Modern approaches to the study of stress and stress resistance]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2018, no. 3 (70), pp. 348–350. (In Russ.).

3. Dubrovina I.V. Idei L.S. Vygotskogo o soderzhanii detskoj prakticheskoj psikhologii [Vygotsky's ideas about the content of children's practical psychology] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological-Educational Studies*, 2013. Vol. 5, no. 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62528 (Accessed 19.03.2023). (In Russ.).
4. Konopkin O.A. Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti. (S prilozheniem poslednikh obobshchayushchikh rabot). Moscow: URSS, 2018. 320 p. (In Russ.).
5. Leontiev D.A, Ovchinnikova E.Yu., Rasskazova E.I., Fam A.Kh. Psikhologiya vybora. Moscow: Smysl, 2019. 484 p. (In Russ.).
6. Mazhirina K.G. Pervushina O.N. Fedorov A.A. Shtark M.B. Neirovizualizatsiya i fenomen moral'nogo vybora [Neuroimaging and The Phenomenon of Moral Choice] [Elektronnyi resurs]. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk = Progress in Physiological Science*, 2021. Vol. 52, no. 1, pp. 16–30. doi:10.31857/S0301179821010057 (In Russ.).
7. Mitina G.V., Nugaeva A.N., Shurukhina G.A. Psikhologiya emotsii i motivatsii: Uchebno-metodicheskoe posobie. Ufa: Izdatel'stvo BGPU, 2020. 110 p. (In Russ.).
8. Orekhova L.S., Pavlenko V.B. Spetsifika moral'nogo povedeniya lichnosti: analiz sovremennogo sostoyaniya problem [Specifics of person's moral behavior: analysis of problem's current state]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2018, no. 58-1, pp. 342–346. (In Russ.).
9. Plyaskina A.S. Dilemma vybora men'shego zla: dve metodiki issledovaniya [The dilemma of choosing the lesser evil: two procedures]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psychologii*, 2018, no. 6, pp. 146–157. (In Russ.).
10. Poddyakov A.N., Plyaskina A.S. Initsiativnaya samorefleksiya pri reshenii moral'nykh dilemm. *Mir psikhologii = World of Psychology*, 2018, no. 3, pp. 96–104. (In Russ.).
11. Hjelle L., Ziegler D. Teorii lichnosti. Osnovnye polozheniya, issledovaniya i primenenie: Uchebnoe posobie [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications]. Saint Petersburg: Piter, 2014. 608 p. (In Russ.).
12. Chan H.F., Moon J.W., Savage D.A., Skali A., Torgler B., Whyte S. Can psychological traits explain mobility behavior during the COVID-19 pandemic? *Social Psychological and Personality Science*, 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 1018–1029. doi:10.1177/1948550620952572
13. Cowell J.M., Decety J. Precursors to morality in development as a complex interplay between neural, socioenvironmental, and behavioral facets. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2015. Vol. 112, no. 41, pp. 12657–12662. doi:10.1073/pnas.1508832112
14. De Fruyt F., Van De Wiele L., Van Heeringen C. Cloninger's psychobiological model of temperament and character and the five-factor model of personality. *Personality and Individual Differences*, 2000. Vol. 29, no. 3, pp. 441–452. doi:10.1016/S0191-8869(99)00204-4
15. Eichele T., Debener S., Calhoun V.D., Specht K., Engel A.K., Hugdahl K., Cramon D.Y., Ullsperger M. Prediction of human errors by maladaptive changes in event-related brain networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2008. Vol. 105, no. 16, pp. 6173–6178. doi:10.1073/pnas.0708965105
16. Garrigan B., Adlam A.L.R., Langdon P.E. The neural correlates of moral decision-making: A systematic review and meta-analysis of moral evaluations and response decision judgments. *Brain and Cognition*, 2016. Vol. 108, pp. 88–97. doi:10.1016/j.bandc.2016.07.007

17. Götz F.M., Gosling S.D., Rentfrow P.J. Small Effects: The Indispensable Foundation for a Cumulative Psychological Science. *Perspectives on Psychological Science*, 2022. Vol. 17, no. 1, pp. 205–215. doi:10.1177/1745691620984483
18. Greene J.D. The Cognitive Neuroscience of Moral Judgment. In Gazzaniga M.S. (ed.). *The Cognitive Neurosciences*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009, pp. 987–999. doi:10.7551/mitpress/8029.003.0086
19. Greene J.D., Plunkett D. Overlooked Evidence and a Misunderstanding of What Trolley Dilemmas Do Best: Commentary on Bostyn, Sevenhant, and Roets. *Psychological Science*, 2019. Vol. 30, no. 9, pp. 1389–1391. doi:10.1177/0956797619827914
20. Han S., Ma Y. Cultural differences in human brain activity: a quantitative meta-analysis. *Neuroimage*. 2014. Vol. 99. P. 293–300. doi:10.1016/j.neuroimage.2014.05.062
21. Han H. Exploring the association between compliance with measures to prevent the spread of COVID-19 and big five traits with Bayesian generalized linear model. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 176. doi:10.1016/j.paid.2021.110787
22. Han Y., Jang J., Cho E., Choi K.H. Investigating how individual differences influence responses to the COVID-19 crisis: The role of maladaptive and five-factor personality traits. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 176. doi:10.1016/j.paid.2021.110786
23. Harrison B.J., Pujol J., Cardoner N., Deus J., Alonso P., López-Solà M., Contreras-Rodríguez O., Real E., Segalàs C., Blanco-Hinojo L., Menchon J.M., Soriano-Mas C. Brain corticostriatal systems and the major clinical symptom dimensions of obsessive-compulsive disorder. *Biological Psychiatry*, 2013. Vol. 73, no. 4, pp. 321–328. doi:10.1016/j.biopsych.2012.10.006
24. Keyßer L.T., Lenzen M.C. 1.5 °C degrowth scenarios suggest the need for new mitigation pathways. *Nature Communications*, 2021. Vol. 12. doi:10.1038/s41467-021-22884-9
25. Mahon B.Z., Fischer J. What tool representation, intuitive physics, and action have in common: The brain’s first-person physics engine. *Cognitive Neuropsychology*, 2021. Vol. 38, no. 7-8, pp. 455–467. doi:10.1080/02643294.2022.2106126
26. Mikhail J. Universal moral grammar: theory, evidence and the future. *Trends in Cognitive Sciences*, 2007. Vol. 11, no. 4, pp. 143–152. doi:10.1016/j.tics.2006.12.007
27. O’Grady T., Vandegrift D., Wolek M., Burr G. On the determinants of other regarding behavior: Field tests of the moral foundation’s questionnaire. *Journal of Research in Personality*, 2019. Vol. 81, pp. 224–237. doi:10.1016/j.jrp.2019.06.008
28. Parkinson C., Wheatley T., Kleinbaum A.M. The Neuroscience of Social Networks. In Light R., Moody J. (eds.). *Oxford Handbook of Social Network Analysis*. New York: Oxford University Press, 2020, pp. 496–515. doi:10.1093/oxfordhb/9780190251765.013.30
29. Pud D., Eisenberg E., Sprecher E., Rogowski Z., Yarnitsky D. The tridimensional personality theory and pain: Harm avoidance and reward dependence traits correlate with pain perception in healthy volunteers. *European Journal of Pain*, 2004. Vol. 8, no. 1, pp. 31–38. doi:10.1016/S1090-3801(03)00065-X
30. Ramsøy T.Z., Michael N., Michael I.A. Consumer Neuroscience Study of Conscious and Subconscious Destination Preference. *Scientific Reports*, 2019. Vol. 9, no. 1. doi:10.1038/s41598-019-51567-1
31. Rhoads S.A., Cardinale E.M., O’Connell K., Palmer A.L., VanMeter J.W., Marsh A.A. Mapping neural activity patterns to contextualized fearful facial expressions onto callous-unemotional (CU) traits: Intersubject representational similarity analysis reveals less variation among high-CU adolescents. *Personality Neuroscience*, 2020. Vol. 3. doi:10.1017/pen.2020.13

32. Schneider D., Slaughter V.P., Bayliss A.P., Dux P.E. A temporally sustained implicit theory of mind deficit in autism spectrum disorders. *Cognition*. 2013. Vol. 129, no. 2, pp. 410–417. doi:10.1016/j.cognition.2013.08.004
33. Sommer M., Meinhardt J., Rothmayr C., Döhnel K., Hajak G. Me or you? Neural correlates of moral reasoning in everyday conflict situations in adolescents and adults. *Social Neuroscience*, 2014. Vol. 9, no. 5, pp. 452–470. doi:10.1080/17470919.2014.933714
34. Tusche A., Hutcherson C.A. Evidence accumulation, not ‘self-control’, explains dorsolateral prefrontal activation during normative choice. *eLife*, 2022. Vol. 11. doi:10.7554/eLife.65661
35. Van Bavel J.J., Pereira A. The Partisan Brain: An Identity-Based Model of Political Belief. *Trends in Cognitive Sciences*, 2018. Vol. 22, pp. 213–224. doi:10.1016/j.tics.2018.01.004
36. Woodward J., Allman J. Moral intuition: its neural substrates and normative significance. *Journal of Physiology, Paris*, 2007. Vol. 101, no. 4-6, pp. 179–202. doi:10.1016/j.jphysparis.2007.12.003
37. Yoshino A., Kimura Y., Yoshida T., Takahashi Y., Nomura S. Relationships Between Temperament Dimensions in Personality and Unconscious Emotional Responses. *Biological Psychiatry*, 2005. Vol. 57, no. 1, pp. 1–6. doi:10.1016/j.biopsych.2004.09.027
38. Young L., Dungan J. Where in the brain is morality? Everywhere and maybe nowhere. *Social Neuroscience*, 2012. Vol. 7, no. 1, pp. 1–10. doi:10.1080/17470919.2011.569146

Информация об авторах

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Исангалиева Ильмира Маратовна, лаборант-исследователь, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1956-8092>, e-mail: kais9859@gmail.com

Пеева Олеся Дмитриевна, лаборант-исследователь, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Ремеева Альфия Фаатовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0009-0000-3041-849X, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

Лысенко Надежда Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследле-

Булыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д.,
Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е.
Современные исследования нейрональных
основ принятия моральных решений
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 110–126.

*Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D.,
Remeeva A.F., Lysenko N.E.*
Current Studies of The Neuronal
Foundations of Moral Decision-Making
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 110–126.

довательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

Information about the authors

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Head, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Ilmira M. Isangalieva, Laboratory Assistant, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1956-8092>, e-mail: kais9859@gmail.com

Olesya D. Peeva, Laboratory Assistant, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0461-4830>, e-mail: olesya.peeva@mail.ru

Alfiya F. Remeeva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3041-849X>, e-mail: a-remeeva@yandex.ru

Nadezhda E. Lysenko, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6081-0043>, e-mail: nlisenko@yandex.ru

Получена 20.03.2023
Принята в печать 20.04.2023

Received 20.03.2023
Accepted 20.04.2023

Изучение личности пожизненно осужденного как условие эффективной оперативно-розыскной профилактики

Кряжева С.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>, e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Москвитина М.М.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Дикопольцев Д.Е.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-7490>, e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

В статье раскрываются психологические особенности различных сфер личности осужденных к пожизненному лишению свободы, выявленные по результатам проведенного ФКУ НИИ ФСИН России в 2020 г. эмпирического исследования в учреждениях, где содержится данная категория лиц. Целью проведенного исследования было выявление личностных особенностей осужденных к пожизненному лишению свободы, которые можно будет использовать при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. В качестве задач, поставленных перед авторами, можно выделить: разработку опросного листа, проведение исследования, обработку и анализ его результатов. В методологическую основу работы были положены социологические методы исследования. В частности, использовался метод анкетирования. Исследование проводилось во всех учреждениях, где содержатся осужденные к пожизненному лишению свободы. По итогам исследования были раскрыты основные особенности различных сфер личности осужденных к пожизненному лишению свободы, знание которых позволит повысить эффективность оперативно-розыскной и профилактической работы с ними.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, психология оперативно-розыскной деятельности, пожизненное лишение свободы, личность осужденного, сферы личности, профилактика.

Для цитаты: Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е. Изучение личности пожизненно осужденного как условие эффективной оперативно-розыскной профилактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142. DOI:10.17759/psylaw.2023130210

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

The Study of the Personality of Life-Sentenced Prisoners As a Condition for Effective Operational-Search Prevention

Svetlana G. Kryazheva

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>, e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Maria M. Moskvitina

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Dmitry E. Dikopoltsev

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-7490>, e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

The article reveals the psychological characteristics of various spheres of the personality of those sentenced to life imprisonment, identified by the results of an empirical study conducted by the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2020 in institutions where this category of persons is kept. The purpose of the study was to identify the personal characteristics of those sentenced to life imprisonment, which can be used in the implementation of operational-search activities. As the tasks set for the authors, we can single out: the development of a questionnaire, the conduct of a study, the processing and analysis of its results. The methodological basis of the work was based on sociological methods of research. In particular, the method of questioning was used. The study was conducted in all institutions where prisoners sentenced to life imprisonment are kept. Based on the results of the study, the main features of various spheres of the personality of those sentenced to life imprisonment were revealed, the knowledge of which will increase the effectiveness of operational-search and preventive work with them.

Keywords: operational-search activity, psychology of operational-search activity, life imprisonment, personality of the convict, spheres of personality, prevention.

For citation: Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E. The Study of the Personality of Life-Sentenced Prisoners As a Condition for Effective Operational-Search Prevention. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142. DOI:10.17759/psylaw.2023130210 (In Russ.).

Введение

Важнейшая задача оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) — выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания (ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Отсюда одними из главных задач, стоящими перед оперативными сотрудниками, являются не только укрепление правопорядка и предотвращение роста преступности в пенитенциарной системе, обеспечение личной безопасности осужденных, персонала данных учреждений и иных лиц, но и повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в целом, где одним из важнейших элементов

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

становится оперативно-розыскная профилактика. Вопросами ОРД в УИС занимались такие специалисты, как С.С. Галахов (2016) [7], К.К. Горяинов (2018) [8], З.В. Зникин (2014) [12], А.А. Крымов (2013) [15], В.Н. Омелин (2020) [20], Г.С. Шкабин (2020) [27] и др.

Оперативно-розыскная профилактика в исправительных учреждениях представляет собой контроль и профилактическое воздействие на лиц и обстановку с целью предупреждения преступной деятельности, выявления и нейтрализации причин и условий, способствующих ее совершению, с применением гласных и негласных оперативно-розыскных сил, средств и методов. При этом профилактика представляет собой целостную и комплексную систему. Вместе с тем эффективная оперативно-розыскная профилактика невозможна без учета личности самого осужденного. Изучение только лишь материалов уголовного дела, обстоятельств и характера совершенного уголовно-наказуемого деяния является недостаточным для создания полной картины о личности осужденного. Личность преступника является одним из главных звеньев в механизме преступного поведения, в силу чего ее особенности, обуславливающие такое поведение, должны быть непосредственным объектом профилактического воздействия (Антонян Ю.М., 1997) [1].

Углубляясь в личность преступника, большое значение имеют его жизненный путь, увлечения, нужды, мотивы, потребности, судьба и специфика его психологических характеристик (Чуфаровский Ю.В., 2020) [26]. Как отмечает В.Е. Южанин, опасность личности преступника исходит из характерных черт, а также его привычек поведения (Южанин В.Е., 2016) [29].

В последние годы все более устойчивым становится интерес к психологическим аспектам преступления и преступности. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с гуманизацией УИС и следующим из этого требованием, связанным с дифференциацией и индивидуализацией уголовного наказания, процесса исправления осужденных и проведения профилактической работы.

Знание психологических особенностей личности осужденных, использование этих знаний в процессе оперативно-розыскной профилактики облегчает профессиональную деятельность сотрудника, помогает ему наиболее конструктивным способом выстраивать взаимоотношения с осужденными и другими сотрудниками учреждения, правильно оценивать ее результаты, прогнозировать последствия, своевременно оказывать влияние на оперативную обстановку.

Деятельность сотрудников оперативного отдела — это работа с людьми, которая включает изучение и оценку поведения людей, установление психологического контакта с ними и др. Отсюда наличие психологических знаний у оперативных сотрудников в настоящее время становится не рекомендацией, а необходимостью, оказывающей влияние на эффективность профессиональной деятельности, снижая риск совершения профессиональных ошибок.

В настоящее время обучение оперативных сотрудников носит непрерывный характер и не ограничивается лишь профессиональной подготовкой их в высшем учебном заведении ФСИН России.

Приказ Минюста РФ от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы» регламентирует организацию профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы. Профессиональная подготовка включает следующие виды: подготовку курсантов и слушателей в период обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России; специальное первоначальное обучение;

профессиональную переподготовку, повышение квалификации; обучение в процессе служебной деятельности.

Вместе с тем подготовку как будущих, так и действующих сотрудников необходимо проводить с учетом тех условий и того режима, в которых предполагается служба. Безусловно, содержание ОРД, проводимой в колонии-поселении или в исправительных колониях общего и строго режимов, качественно отличается от той, которая существует в исправительных колониях особого режима, где содержатся осужденные, представляющие собой повышенную общественную опасность для современного общества. В частности, речь пойдет об осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы (далее — ПЛС) за особо тяжкие преступления, что является главным отличием этой категории осужденных от других. Проблемами ПЛС занимались и продолжают заниматься многие исследователи как в России, так и в других странах (Liu L., O'Donnell P., Sullivan R., Katalinic A., Moser E.C., de Boer A., Meunier F., 2016) [33]. В их числе А.Р. Барду (2004) [31], А.Н. Баламут (Баламут А.Н., Поздняков В.М., 2018; Баламут А.Н., Старикова А.Е., 2018) [2; 3], Б.Г. Бовин (Бовин Б.Г., Славинская Ю.В., 2011, 2014) [4; 5], С.А. Боровиков (Боровиков С.А., Шишигина С.Н., Амандыкова С.К., Должников П.К., 2019) [6], Д.А. Добряков (Добряков Д.А., Минязева Т.Ф., Поздняков В.М., 2020) [9], Ф. Зимбардо (Зимбардо Ф., Бойд Дж., 2010) [11], А.В. Кокурин (Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В., 2014) [10], А.С. Князьков (2015) [14], Л. Лабардини (2005) [33], В.А. Логан (1998) [38], С.Н. Овчинников (2018) [20], Т.А. Плаксина (2020) [22], В.М. Поздняков (2019) [23], Ю.В. Славинская (Славинская Ю.В. Бовин Б.Г., 2011; Славинская Ю.В., 2018) [24; 25], Д. Ван Зейл Смит (Van Zyl Smit D., Ashworth A., 2004, Van Zyl Smit D. 1992, 2005, 2006) [36; 37; 38; 39], Е.Ф. Штефан (2018) [29].

В ряде стран ПЛС назначается без возможности условно-досрочного освобождения. В Российской Федерации такой возможности осужденный лишается лишь в том случае, если во время отбывания наказания совершил преступление.

По данным на 01.09.2020 всего в Российской Федерации пожизненно отбывают наказание 1983 человека. Эта категория осужденных отбывает наказание в шести исправительных учреждениях, а также на одном изолированном участке исправительной колонии особого режима для содержания осужденных к ПЛС. В настоящее время (по состоянию на 01.09.2022) в шести исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, отбывают наказание 1937 человек [16] (сведения без учета одного участка исправительного учреждения для содержания пожизненно осужденных). Также данная категория осужденных может отбывать часть срока в тюрьме, изолированно от иных категорий осужденных, в тех случаях, если суд назначил ПЛС с отбыванием части срока в тюрьме, либо если осужденный в период отбывания наказания допустил нарушения установленного порядка отбывания наказания и был переведен в тюрьму или совершил преступления в период отбывания наказания.

В данной статье мы подробно рассмотрим различные сферы личности осужденных к пожизненному лишению свободы и раскроем роль этого знания в повышении эффективности оперативной работы с данной категорией лиц.

Целью нашего исследования являлось выявление психологических характеристик осужденных к пожизненному лишению свободы, которые можно будет использовать при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в отношении них.

Для достижения цели нами были решены следующие задачи: разработан опросный лист для сотрудников учреждений, проведен их опрос и обработаны его результаты. Мы предпо-

ложили, что знание психологических характеристик осужденных к пожизненному лишению свободы позволит повысить эффективность оперативной работы с ними.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось ФКУ НИИ ФСИН России в 2020 г. во всех учреждениях, где содержатся пожизненно осужденные, методом анкетного опроса. Для проведения исследования нами был разработан опросный лист, который заполнялся сотрудниками учреждений, участвующих в исследовании. Сведения о психологическом состоянии осужденных заполнялись по материалам психодиагностики, проводимой сотрудниками регуляро.

Результаты и обсуждение

В проведенном исследовании приняли участие шесть исправительных учреждений и один участок исправительного учреждения для содержания осужденных к пожизненному лишению свободы (всего 1983 осужденных).

Анализ результатов эмпирического исследования, проведенного ФКУ НИИ ФСИН России, позволил составить обобщенную характеристику осужденных к ПЛС. Так, осужденный к ПЛС — это трудоспособный (85,4%) мужчина 40—49 лет (31,7%) со средним полным образованием (34,3%), до осуждения проживающий в городской местности (53%), имеющий трудовой стаж (42,4%), не состоящий в браке (49,9%), православный (75,9%). На момент проведения исследования им отбыто от 15 до 20 лет (22,4%). В учреждении не работает из-за отсутствия работы (33,1%), если все же работает, то к работе относится недобросовестно, в том числе отказывается от работы (5,7%), имеет несколько дисциплинарных взысканий (41,2%).

Большинство осужденных данной категории осуждены за преступления против личности (97,2%), имеют первую судимость (38,7%). Данный вид наказания является основным видом наказания (47,8%), в качестве дополнительного наказания может быть назначено возмещение причиненного ущерба (наличие иска) (36%).

Кроме того, были выявлены и иные особенности, касающиеся взаимоотношений с администрацией. Так, типичный осужденный к ПЛС характеризуется отрицательно администрацией учреждения (85,6%), содержится в строгих условиях (51,6%), состоит на профилактическом учете как склонный к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов (28,2%) и может состоять на профилактическом учете как склонный к суициду и членовредительству (17,9%).

Многими авторами признается тот факт, что данная категория осужденных является наиболее сложной в контексте оказания на них психолого-педагогического воздействия, а это, в свою очередь, может влиять и на эффективность оперативно-розыскной профилактики.

Как пишет в своей книге диакон Кирилл Марковский, много лет работающий с осужденными к ПЛС, у них нет прошлого, нет настоящего и нет будущего, не было ни счастливого детства, ни юности. Их жизнь в настоящем больше похожа на существование. Общество испытывает к ним презрение. Относительно своего будущего осужденные к ПЛС преимущественно иллюзий не питают (Марковский К., 2017) [17].

Длительное нахождение в условиях изоляции от общества, жесткие режимные требования, отсутствие жизненных перспектив — все это оказывает негативное влияние на осужденных. Кроме того, негативное влияние на правопослушное поведение осужденных к ПЛС оказывает маловероятная перспектива их условно-досрочного освобождения, что лишает их стимула к исправлению (Капустин К.В., 2014) [13].

В.М. Поздняков обращает внимание на то, что во время отбывания наказания пожизненно осужденные становятся более замкнутыми, малообщительными, у них появляется и со временем усиливается чувство отчужденности, снижается самооценка, появляется неуверенность в себе, тревожность, а частое пребывание в фрустрированном состоянии может приводить к более частому проявлению недовольства, агрессии, гнева, импульсивным, необдуманным действиям (Поздняков В.М., 2019) [23]. К. Марковский полагает, что пожизненно осужденный неизбежно начинает умственно и физически угасать. Со временем он может полностью уйти от реальности и замкнуться в иллюзорном внутреннем мире, переставая общаться, следить за собой, полностью теряя интерес к окружающему. Этому может предшествовать состояние крайней озлобленности — осужденный может вести себя агрессивно, постоянно нецензурно выражаться, проклинать все и всех (Марковский К., 2017) [17].

Кроме того, на фоне доминирования режимных ограничений и недостаточности условий для проявления осужденными пожизненно просоциальной субъектности у них могут формироваться синдром «личностной беспомощности» (Поздняков В.М., 2019) [23], «тюремный аутизм» (Мухина В.С., 2015) [19].

Анализ результатов эмпирического исследования, проведенного ФКУ НИИ ФСИН России, позволил составить обобщенную психологическую характеристику лиц, осужденных к ПЛС (Бовин Б.Г., Бунтина В.Ю., Григорьев В.Н., Дикопольцев Д.Е., Кряжева С.Г., Лебедев М.В., Москвитина М.М., Пименова О.П., Сорокин В.П., Васильев М.Г., 2020) [26], включающую в себя описание эмоционально-волевой, морально-нравственной, интеллектуальной, коммуникативной сфер и личностных особенностей.

Эмоционально-волевая сфера осужденных к пожизненному лишению свободы. Осужденные к ПЛС в большинстве своем характеризуются недостатком самоконтроля, воли, способности сдерживать тревожность, внутренней конфликтностью в представлениях о себе. В связи с этим у них возможны неконтролируемые эмоциональные всплески. В провоцирующей ситуации возможно снижение самообладания. В стрессовой ситуации возможны импульсивные реакции. Импульсивность поведения обусловлена снижением способности личности к планированию и суждениям. Осужденные могут чувствовать себя недостаточно приспособленными. Чрезвычайно чувствительны, легко расстраиваются, поддаются чувствам и случайным колебаниям настроения. Часто болезненно реагируют на «мелкие», незначительные проблемы. Непосредственная реализация возникающих побуждений и неразвитость рефлексии приводят к отсутствию тревоги и страха перед потенциальным наказанием. Совокупность данных факторов может стать причиной суицида.

К. Марковский также отмечает, что слово «суицид» среди осужденных к ПЛС — из ряда обиходных. Каждый узник хоть раз задумывался о самоубийстве. О некоторых осужденных можно сказать, что они живут с петлей на шее, постоянно помышляя об уходе из жизни. Некоторые предпринимали не одну попытку покончить с собой. Кого-то из них спасти не удалось (Марковский К., 2017) [17]. Так, к примеру, в 2020 г. было зафиксировано 3 факта суицидов среди осужденных пожизненно, в 2019 г. подобный фактов не было, а в 2018 г. было зафиксировано 4 факта. Пусть фактическое число 3 кажется незначительно маленьким, при том что в 2020 г. в учреждениях ФСИН России было всего совершено 287 суицидов подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, но в контексте расчета на 1000 человек, уровень суицидов среди осужденных к ПЛС составляет 1,5. Стоит обратить внимание на то, что в СИЗО он составляет 1,1, в ИК — 0,4, в больницах — 0,6. Только в тюрьмах уровень такой же высокий — 1,5 (Бовин Б.Г., Козин М.Н., Бунтина В.Ю., Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Мат-

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

веева И.А., 2021) [20]. В данном случае фактором суицидального риска можно считать еще и фактор покамерного содержания.

Морально-нравственные качества осужденных к пожизненному лишению свободы. Для пожизненно осужденных характерны: недостаточное принятие моральных стандартов, независимость, пренебрежение правилами. Они демонстрируют полную свободу от влияния группы; недостаточно серьезное отношение к морали может привести к социально неодобряемым действиям, но иногда может проявиться положительно как новаторство в решении тех или иных вопросов. Однако крайне низкий уровень морального сознания может быть тревожным симптомом, так как такие люди не будут обеспокоены тем, чтобы помочь другим решить спор; могут процветать в беспорядке и грязи и в целом будут проявлять слабый интерес к общественным стандартам. Налицо серьезный недостаток внутренних стандартов и, следовательно, тенденция к социопатии. Низкие оценки положительно коррелируют с правонарушениями и асоциальным поведением.

Интеллектуальная сфера осужденных к пожизненному лишению свободы. Для осужденных к ПЛС характерны конкретность мышления, невысокий интеллект, невысокие общие мыслительные способности, плохие способности решать абстрактные проблемы, склонность быть неорганизованным, бедность суждений, сниженная оперативность мышления, недостаточный уровень общей вербальной культуры.

Коммуникативная сфера осужденных к пожизненному лишению свободы. Большая часть осужденных к ПЛС сохраняют психологическую дистанцию, избегает тесного межличностного взаимодействия. Такие осужденные недоверчивы, подозрительны, мало заботятся о других людях, не всегда хорошо работают в группе. В межличностных отношениях отличаются поверхностным отношением к другим людям. У таких осужденных редко возникает чувство глубокой привязанности и идентификации с окружением. Свое взаимодействие с окружающими людьми они строят на манипуляциях ради удовлетворения собственных желаний.

Для некоторых осужденных характерна тенденция демонстрировать строгое соблюдение любых, даже самых незначительных и не имеющих существенной ценности социальных норм и правил, подчеркивать «правильность» своего поведения.

Личностные особенности осужденных к пожизненному лишению свободы. Деятельность осужденных к ПЛС зачастую недостаточно упорядочена: они часто теряются, действуют неравномерно, не умеют организовать свое время и порядок выполнения дел. В связи с этим нередко оставляют дела незаконченными и, не доведя начатое до конца, берутся за выполнение другого дела.

Самооценка — адекватная с тенденцией к завышению. Оскорбление личных интересов и достоинства, как правило, долго не забывается и не прощается. Чувствительны к истинным или мнимым несправедливостям, негативно относятся к критическим замечаниям в свой адрес. В связи с этим окружающие часто характеризуют их как злопамятных и мстительных людей.

Убеждения отличаются достаточной твердостью и сопоставимы с убеждениями «борца за идею». Чтобы изменить их точку зрения, необходимы веские логические аргументы. Ими движет не столько мотивация силы и авторитета, сколько стремление «не быть слабым», избежать возможных ущемлений со стороны более сильных и влиятельных. Отсюда — зависть к успехам других. При этом наблюдается отрицательная концепция собственной личности. Отмечается большое желание привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться-

ся сочувствия и понимания, оцениваемые из внешней позиции порой как «шантаж», «истероидное выпячивание трудностей». Отмечается невозможность конструктивного планирования будущего.

Возникновение указанных выше личностных особенностей можно объяснить изоляцией осужденных. В процессе отбывания пожизненного лишения свободы осужденные постоянно находятся в замкнутом пространстве, их круг общения резко ограничивается по сравнению с пребыванием на свободе или под следствием: в камере осужденные находятся постоянно с одними и теми же другими осужденными, сотрудники учреждения также меняются не часто (или регулярно, если несение службы имеет сменный график). Эти явления усиливают пениitenciарный стресс, что может способствовать более явному и четкому проявлению имеющихся у осужденных акцентуаций и особенностей личности. Далекое не обязательно, что все вышеуказанные особенности личности проявятся одновременно у одного и того же осужденного. Вид и степень их проявления связаны с особенностями конкретной личности и ее психологическими ресурсами.

Знания об особенностях личности осужденных к ПЛС позволяют эффективно планировать и реализовывать оперативно-розыскную профилактику, которая включает в себя:

1. выявление и учет лиц, склонных к совершению противоправных деяний, а также лидеров преступной среды, членов и активных участников групп отрицательной направленности, постановка их на профилактический учет, распределение их по камерам, планирование и выработка эффективной тактики применения к ним мер профилактического характера;
2. изучение особенностей личности осужденных, их образа жизни до осуждения, социального окружения, характера, мотивов и целей совершенного преступления, отношения к содеянному, признания вины и др.; изучение личности осужденного представляет собой целенаправленный процесс сбора, накопления, систематизации и анализа информации о значимых с точки зрения тактики применения методов ОРД, особенностях осужденных;
3. прогнозирование поведения осужденных, планирование, выработка тактики и проведение комплексных индивидуальных профилактических мероприятий.

Учет особенностей личности осужденных позволит сделать процесс оперативно-розыскной профилактики более адресным и индивидуализированным, что может повысить его эффективность и результативность.

При этом следует обратить внимание на то, что поскольку оперативные сотрудники могут не обладать достаточным объемом психологических компетенций, помочь в осуществлении оперативно-розыскной профилактики в части именно работы с личностными особенностями осужденных могут психологи исправительного учреждения.

Оперативно-розыскная профилактика — это процесс постоянный, начинающийся с первого дня пребывания осужденного в исправительной колонии и продолжающийся на всех этапах его нахождения в учреждении.

Часто затруднения в оперативно-розыскной профилактике могут быть вызваны коммуникативными барьерами между оперативным сотрудником и осужденным, представляющими собой социальные, психологические, политические, религиозные и др. различия, которые могут порождать недопонимание, различную интерпретацию одних и тех же событий.

Важной особенностью, влияющей на эффективность оперативного сотрудника в этой деятельности является его умение устанавливать психологический контакт. Не обладающему в должной мере этим качеством оперативному сотруднику в некоторых случаях может быть

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

труднее выполнять свои служебные обязанности в полной мере и наладить продуктивное взаимодействие не только с осужденными, но и с другими сотрудниками.

Кроме того, на процесс взаимодействия оперативного сотрудника с осужденным влияют и другие условия, например, сама специфика содержания осужденных к ПЛС, предусматривающая их длительное нахождение в замкнутом пространстве, а также постоянное общение с узким кругом лиц (как осужденными, так и сотрудниками). Это обстоятельство позволяет, с одной стороны, максимально изучить характеристики осужденного, его склонности, привычки, сильные и слабые стороны, ценности и потребности, определить его неформальный статус в преступной среде, выявить степень его криминальной зараженности (Яковец Е.Н., 2009) [31], но, с другой стороны, низкая текучка осужденных и длительное пребывание одних и тех же осужденных в исправительном учреждении могут привести к обратному эффекту, так называемому эффекту «замыленного глаза», когда из-за рутинности и постоянно повторяющихся действий оперативные сотрудники перестают смотреть на вещи критически, анализировать, искать альтернативы. Появляется твердая уверенность в безусловном контроле над ситуацией в учреждении, в доскональном знании всех, кто отбывает наказание в учреждении, что, по мнению некоторых ученых, является признаками профессионального выгорания.

Данное обстоятельство может привести к определенным негативным последствиям, к которым, прежде всего, относятся:

- формализм в выполнении своей профессиональной деятельности;
- невнимательность к поступающей информации;
- ослабление внимания к элементам оперативной обстановки;
- излишняя самоуверенность в правильности своих действий;
- нескритичность к новой информации;
- появление признаков профессионального выгорания и профессиональной деформации;
- несоблюдение требований безопасности;
- вступление во внеслужебные связи и др.

Развитие у оперативных сотрудников психологических компетенций, особенно в части налаживания и поддержания психологического контакта, а также своевременная профилактика профессионального выгорания могут положительно сказаться на эффективности оперативно-розыскной профилактики, проводимой ими.

Выводы

Таким образом, вышеизложенное обуславливает необходимость особой подготовки должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, несущих службу в исправительных колониях, где содержатся осужденные к ПЛС, к осуществлению оперативно-розыскной профилактики. Характеристика совершенных осужденными преступлений, особенности их личности требуют наличия у сотрудников специального образования психологической устойчивости, регулярного прохождения ими курсов повышения квалификации.

Вместе с тем, зная психологические особенности осужденных к пожизненному лишению свободы, оперативные (и другие) сотрудники смогут более эффективно проводить работу (в том числе профилактическую) с данной категорией лиц.

Грамотное и компетентное осуществление оперативно-розыскной профилактики с учетом психологических особенностей пожизненно осужденных поможет, в свою очередь, снизить вероятность совершения правонарушений и повторных преступлений со стороны осужденных.

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Краткий курс криминологии. М.: МГЭИ, 1997. 160 с.
2. *Баламут А.Н., Поздняков В.М.* Об ориентирах в оценке степени психологической готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4 (44). С. 121–127.
3. *Баламут А.Н., Старикова А.Е.* Актуальные вопросы психологического сопровождения осужденных к пожизненному лишению свободы // Совершенствование психологической, социальной и воспитательной работы в уголовно-исполнительной системе: Сборник материалов круглого стола международной научно-практической конференции, Вологда, 03 ноября 2017 года / Под общ. ред. В.Н. Некрасова, М.А. Черкасовой. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 3–9.
4. *Бовин Б.Г., Славинская Ю.В.* Криминологические и психологические характеристики лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 98–107.
5. *Бовин Б.Г., Славинская Ю.В.* Психокоррекция временной перспективы осужденных к пожизненному лишению свободы как основное направление в работе психолога // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 6. С. 8–14.
6. *Боровиков С.А., Шишигина С.Н., Амандыкова С.К., Должников П.К.* Пожизненное лишение свободы и условно-досрочное освобождение от него в России и ФРГ [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Том 10. № 3. С. 533–546. doi:10.21638/spbu14.2019.308
7. *Галахов С.С.* Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-розыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Материалы Межведомственного круглого стола, Рязань, 14 апреля 2016 года / Под ред. Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2016. С. 35–44.
8. *Горяинов К.К., Овчинский В.С.* Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 762 с.
9. *Добряков Д.А., Миняева Т.Ф., Поздняков В.М.* Тенденции применения пожизненного лишения свободы [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 221–228. doi:10.17223/15617793/457/26
10. *Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В.* Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Том 4. № 1. С. 59–74. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68324 (дата обращения: 01.09.2022)
11. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб: Речь, 2010.
12. *Зникин В.К.* Раскрытие преступлений как вектор оптимального его расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 56–65.
13. *Капустин К.В.* Факторы, влияющие на осуществление оперативно-розыскной деятельности в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, являющихся бывшими работниками удов и правоохранительных органов // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4 (37). С. 21–24.

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

14. *Князьков А.С., Уткин В.А.* Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 45–53. doi:10.17223/22253513/18/6
15. *Крымов А.А.* Взаимодействие органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы в вопросах предупреждения и раскрытия преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 68–71.
16. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 01.09.2022).
17. *Марковский К.* Небо на дне: 15 лет переписки и встреч с пожизненно лишенными свободы. М.: Никая, 2017. 250 с.
18. *Мухина В.С.* Психология осужденных: метаморфозы внутренней позиции личности // Развитие личности. 2015. № 3. С. 213–224.
19. О состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в 2020 году: аналитический обзор / Б.Г. Бовин и др. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2021. 43 с.
20. *Овчинников С.Н.* Условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному лишению свободы: состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 13–16. doi:10.18572/2072-4438-2018-1-13-16
21. *Омелин В.Н.* Проблемы совершенствования норм федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: Материалы V межведомственной научно-практической конференции / Под ред. В.П. Кувалдина. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2020. С. 95–101.
22. *Плаксина Т.А.* Пожизненное лишение свободы в особенной части УК РФ и судебной практике [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 247–255. doi:10.17223/15617793/456/30
23. *Поздняков В.М.* Психология антропосоразмерности в обращении с пожизненно осужденными // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): Сборник тезисов выступлений и докладов участников, Рязань, 20–22 ноября 2019 года. Том 8. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 145–150.
24. *Славинская Ю.В., Бовин Б.Г.* Временная перспектива лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 41–54.
25. *Славинская Ю.В.* Подходы к диагностике структуры личности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1. С. 123–134.
26. Характеристика осужденных к пожизненному лишению свободы: аналитический обзор / Бовин Б.Г. и др. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2020. 41 с.
27. *Чуфаровский Ю.В.* Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: Учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 208 с.

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

28. Шкабин Г.С. Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования (Обзор V Межведомственной научно-практической конференции) [Электронный ресурс] // Государство и право. 2020. № 7. С. 144–150. doi:10.31857/S102694520010715-7
29. Штефан Е.Ф. Смыслоразнозначные ориентации осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4. С. 127–133.
30. Южанин В.Е. Режимы наказания, обеспечения его отбывания и безопасности в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 44–47.
31. Яковец Е.Н. Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 72.
32. Bardou A.R. Life Imprisonment: The Paradox of the ICC. Unpublished Dissertation for the European Master's Degree in Human Rights and Democratization. University of Nottingham. 2018. 15 p.
33. Labardini R. Life imprisonment and extradition: Historical development, international contexts, and the current situation in Mexico and the United States // Southwestern Journal of Law and Trade in the Americas. 2005. Vol. 11. P. 1–108.
34. Liu L., O'Donnell P., Sullivan R., Katalinic A., Moser E.C., de Boer A., Meunier F. Cancer in Europe: Death sentence or life sentence? // European Journal of Cancer. 2016. Vol. 65. P. 150–155. doi:10.1016/j.ejca.2016.07.007
35. Logan W.A. Proportionality and punishment: Imposing life without parole on juveniles // Wake Forest Law Review. 1998. Vol. 33 (3). P. 681–726.
36. Van Zyl Smit D. Is life imprisonment constitutional? The German experience // Public Law. 1992. P. 263–278.
37. Van Zyl Smit D. Life imprisonment: Recent issues in national and international law // International Journal of Law and Psychiatry. 2006. Vol. 29. P. 405–421. doi:10.1016/J.IJLP.2006.01.002
38. Van Zyl Smit D. The abolition of capital punishment for persons under the age of eighteen years in the United States of America. What next? // Human Rights Law Review. 2005. Vol. 5. P. 393–401.
39. Van Zyl Smit D., Ashworth A. Disproportionate sentences as human rights violations // Modern Law Review. 2004. Vol. 67. P. 541–560.

References

1. Antonyan Yu.M. Kratkii kurs kriminologii. Moscow: MGEI Publ., 1997. 160 p. (In Russ.).
2. Balamut A.N., Pozdnyakov V.M. Ob orientirakh v otsenke stepeni psikhologicheskoi gotovnosti osuzhdennykh s pozhiznennymi srokami otbyvaniya nakazaniya k osvobozhdeniyu [On the guidelines for assessing psychological readiness for release of convicts with life imprisonment sentences]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 4 (44), pp. 121–127. (In Russ.).
3. Balamut A.N., Starikova A.E. Aktual'nye voprosy psikhologicheskogo soprovozhdeniya osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody. In Nekrasov V.N., Cherkasova M.A. (eds.). *Sovershenstvovanie psikhologicheskoi, sotsial'noi i vospitatel'noi raboty v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: Sbornik materialov kruglogo stola mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vologda, 03 noyabrya 2017 goda*. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2018, pp. 3–9. (In Russ.).

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

4. Bovin B.G., Slavinskaya Yu.V. Kriminologicheskie i psikhologicheskie kharakteristiki lits, osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody [Criminological and psychological characteristics of persons sentenced to life imprisonment]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 1, pp. 98–107. (In Russ.).
5. Bovin B.G., Slavinskaya Yu.V. Psikhokorreksiya vremennoi perspektivy osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody kak osnovnoe napravlenie v rabote psikhologa [Psychocorrection of time as the main perspective of those sentenced to life imprisonment as the work focus of a psychologist]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penitentiary System*, 2014, no. 6, pp. 8–14. (In Russ.).
6. Borovikov S.A., Shishigina S.N., Amandykova S.K., Dolzhnikov P.K. Pozhiznennoe lishenie svobody i uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nego v Rossii i FRG [Life imprisonment and grant of parole in the federal republic of Germany and in the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 533–546. doi:10.21638/spbu14.2019.308 (In Russ.).
7. Galakhov S.S. Rol' ugovolnogo zakonodatel'stva v reshenii preventivnykh zadach operativno-razysknoi deyatelnosti. In Ishchuk G.V., Bilous E.N., Kovalev A.V., Shkabin G.S. (eds.). *Problemy primeneniya ugovolnogo zakonodatel'stva pri osushchestvlenii operativno-razysknoi deyatelnosti : Materialy Mezhdvdomstvennogo kruglogo stola, Ryazan', 14 aprelya 2016 goda*. Ryazan: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Kontsepsiya", 2016, pp. 35–44. (In Russ.).
8. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S. Teoriya operativno-rozysknoi deyatelnosti: uchebnik. 4th ed. Moscow: INFRA-M, 2018. 762 p. (In Russ.).
9. Dobryakov D.A., Minyazeva T.F., Pozdnyakov V.M. Tendentsii primeneniya pozhiznennogo lisheniya svobody [Tendencies of Imposing Life Imprisonment] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 457, pp. 221–228. doi:10.17223/15617793/457/26 (In Russ.).
10. Ekimova V.I., Kokurina I.V., Kokurin A.V. Osuzhdennyye k pozhiznennomu lisheniyu svobody: sotsial'no-demograficheskaya, meditsinskaya, ugovolno-pravovaya i ugovolno-ispolnitel'naya kharakteristika, a takzhe osobennosti psikhologicheskogo soprovozhdeniya [Persons sentenced to life-term imprisonment: socio-demographic, medical, criminal and criminal-executive characteristics as well as psychological support features] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 59–74. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68324 (Accessed: 01.09.2022). (In Russ.).
11. Zimbardo Ph., Boyd J. Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn' [The Time Paradox: The New Psychology of Time That Will Change Your Life]. Saint Petersburg: Rech', 2010. (In Russ.).
12. Znikin V.K. Raskrytie prestuplenii kak vektor optimal'nogo ego rassledovaniya [Disclosure of a crime as a vector of its optimum investigation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal. Law*, 2014, no. 2 (12), pp. 56–65. (In Russ.).
13. Kapustin K.V. Faktory, vliyayushchie na osushchestvlenie operativno-rozysknoi deyatelnosti v otnoshenii osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody, yavlyayushchikhsya byvshimi rabotnikami udov i pravookhranitel'nykh organov [Factors Influencing the Implementation of Operational Search Activity Regarding to the Convicts to Life Imprisonment, Which are Former Employees of Courts and Law Enforcement Agencies]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2015, no. 4 (37), pp. 21–24. (In Russ.).

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

14. Knyazkov A.S., Utkin V.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie pri pozhiznennom lishenii svobody [Release on parole in case of life imprisonment] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal. Law*, 2015, no. 4 (18), pp. 45–53. doi:10.17223/22253513/18/6 (In Russ.).
15. Krymov A.A. Vzaimodeistvie organov vnutrennikh del i ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v voprosakh preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenii [Interaction of the bodies of internal affairs and penal system on the questions of prevention and detection of crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal. Law*, 2013, no. 2 (8), pp. 68–71. (In Russ.).
16. Kratkaya kharakteristika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii = Federal Penitentiary Service Russia. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (Accessed 01.09.2022). (In Russ.).
17. Markovsky K. Nebo na dne: 15 let perepiski i vstrech s pozhiznenno lishennymi svobody. Moscow: Nikeya, 2017. 250 p. (In Russ.).
18. Mukhina V.S. Psikhologiya osuzhdennykh: metamorfozy vnutrennei pozitsii lichnosti [Psychology of life convicted: metamorphoses of person's inner position]. *Razvitie lichnosti = Development of personality*, 2015, no. 3, pp. 213–224. (In Russ.).
19. Bovin B.G. et al. O sostoyanii raboty po profilaktike suitsidov sredi podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh v 2020 godu: analiticheskii obzor. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2021. 43 p. (In Russ.).
20. Ovchinnikov S.N. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody: sostoyanie i perspektivy [Release on parole of persons sentenced to life imprisonment: its state and prospects] [Elektronnyi resurs]. *Ugovovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economics, Management*, 2018, no. 1, pp. 13–16. doi:10.18572/2072-4438-2018-1-13-16 (In Russ.).
21. Omelin V.N. Problemy sovershenstvovaniya norm federal'nogo zakona ot 12 avgusta 1995 g. No. 144-FZ "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti". In Kuvaldin V.P. (ed.). *Ugovovnoe i operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevykh svyazei i perspektivy sovershenstvovaniya: Materialy V mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'skii dom "Yurisprudentsiya", 2020, pp. 95–101. (In Russ.).
22. Plaksina T.A. Pozhiznennoe lishenie svobody v osobennoi chasti UK RF i sudebnoi praktike [Life Imprisonment in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and Judicial Practice] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 456, pp. 247–255. doi:10.17223/15617793/456/30 (In Russ.).
23. Pozdnyakov V.M. Psikhologiya antroposoznaniya v obrashchenii s pozhiznenno osuzhdennymi. IV mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 140-letiyu ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. Ryazan', 20–22 noyabrya 2019 goda. Tom 8. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2019, pp. 145–150. (In Russ.).
24. Slavinskaya Yu.V. Bovin B.G. Vremennaya perspektiva lits, otbyvayushchikh pozhiznennoe lishenie svobody [The time perspective of persons serving life sentences]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2011, no. 4, pp. 41–54. (In Russ.).

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

25. Slavinskaya Yu.V. Podkhody k diagnostike struktury lichnosti osuzhdennykh, otbyvayushchikh pozhiznennoe lisheniye svobody [Approaches to the diagnosis of the structure of the personality of convicts, serving life imprisonment]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2018, no. 1, pp. 123–134. (In Russ.).
26. Bovin B.G. et al. Kharakteristika osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody: analiticheskii obzor. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2020. 41 p. (In Russ.).
27. Chufarovskiy Yu.V. Psikhologiya operativno-rozysknoi i sledstvennoi deyatel'nosti: Uchebnoe posobie. Moscow: Prospekt, 2020. 208 p. (In Russ.).
28. Shkabin G.S. Ugolovnoe i operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevykh svyazei i perspektivy sovershenstvovaniya (Obzor V Mezhhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii) [Criminal and operative-search legislation: problems of intersectoral relations and prospects for improvement (Review of the V Interdepartmental scientific and practical conference)] [Elektronnyi resurs]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 7, pp. 144–150. doi:10.31857/S102694520010715-7 (In Russ.).
29. Shtefan E.F. Smyslozhiznennyye orientatsii osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody [Life-meaning orientations of convicts serving sentences of life imprisonment]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 4, pp. 127–133. (In Russ.).
30. Yuzhanin V.E. Rezhimy nakazaniya, obespecheniya ego otbyvaniya i bezopasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [The modes of punishment, ensuring his serving and safety in correctional facilities]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2016, no. 2 (24), pp. 44–47. (In Russ.).
31. Yakovets E.N. Osnovy informatsionno-analiticheskogo obespecheniya operativno-rozysknogo deyatel'nosti. Moscow, 2009, pp. 72. (In Russ.).
32. Bardou A.R. Life Imprisonment: The Paradox of the ICC. Unpublished Dissertation for the European Master's Degree in Human Rights and Democratization. University of Nottingham. 2018. 15 p.
33. Labardini R. Life imprisonment and extradition: Historical development, international contexts, and the current situation in Mexico and the United States. *Southwestern Journal of Law and Trade in the Americas*, 2005. Vol. 11, pp. 1–108.
34. Liu L., O'Donnell P., Sullivan R., Katalinic A., Moser E.C., de Boer A., Meunier F. Cancer in Europe: Death sentence or life sentence? *European Journal of Cancer*, 2016. Vol. 65, pp. 150–155. doi:10.1016/j.ejca.2016.07.007
35. Logan W.A. Proportionality and punishment: Imposing life without parole on juveniles. *Wake Forest Law Review*. 1998. Vol. 33, no. 3, pp. 681–726.
36. Van Zyl Smit D. Is life imprisonment constitutional? The German experience. *Public Law*, 1992, pp. 263–278.
37. Van Zyl Smit D. Life imprisonment: Recent issues in national and international law. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2006. Vol. 29, pp. 405–421. doi:10.1016/J.IJLP.2006.01.002
38. Van Zyl Smit D. The abolition of capital punishment for persons under the age of eighteen years in the United States of America. What next? *Human Rights Law Review*, 2005. Vol. 5, pp. 393–401.
39. Van Zyl Smit D., Ashworth A. Disproportionate sentences as human rights violations. *Modern Law Review*, 2004. Vol. 67, pp. 541–560.

Кряжева С.Г., Москвитина М.М., Дикопольцев Д.Е.
Изучение личности пожизненно осужденного
как условие эффективной оперативно-розыскной
профилактики
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 127–142.

Kryazheva S.G., Moskvitina M.M., Dikopoltsev D.E.
The Study of the Personality of Life-Sentenced
Prisoners As a Condition for Effective
Operational-Search Prevention
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 127–142.

Информация об авторах

Кряжева Светлана Геннадьевна, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>, e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Москвитина Мария Михайловна, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич, кандидат психологических наук, заместитель начальника центра, начальник отдела, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-7490>, e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana G. Kryazheva, Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>, e-mail: kryazheva_sg@mail.ru

Maria M. Moskvitina, Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7679-4869>, e-mail: admin.database.info@gmail.com

Dmitry E. Dikopoltsev, PhD in Psychology, Deputy Head of the Center, Head of Department, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-7490>, e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Получена 13.09.2022
Принята в печать 23.03.2023

Received 13.09.2022
Accepted 23.03.2023

Конфиденциальность как принцип деятельности практикующего психолога: современное состояние нормативно-правового регулирования и перспективы

Афанасьева И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Пимонов В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4568-9720>, e-mail: p_vlad70@mail.ru

В статье представлены обзор и анализ этических и юридических требований, касающихся соблюдения конфиденциальности в профессиональной деятельности практикующего психолога. Излагаются юридические и этические аспекты сохранения конфиденциальности, а также анализируются законодательные возможности определения ее пределов в отношениях «психолог/психотерапевт—клиент». Высказывается мнение о том, что на законодательном уровне проблемы конфиденциальности и вопросы ее диссеминации при оказании психологической помощи слабо проработаны. При этом этические требования соблюдения конфиденциальности практикующими психологами не находят законодательного подтверждения, что приводит к неопределенности на практике. Изложены предложения по урегулированию вопросов конфиденциальности и ее пределов на законодательном уровне, приведен проект правовых норм, определяющих границы конфиденциальности в терапевтических отношениях.

Ключевые слова: конфиденциальность, психолог, психотерапевт, клиент, терапевтические отношения, этика, право.

Для цитаты: *Афанасьева И.В., Пимонов В.А.* Конфиденциальность как принцип деятельности практикующего психолога: современное состояние нормативно-правового регулирования и перспективы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 143–152. DOI:10.17759/psylaw.2023130211

Confidentiality as a Principle of the Activity of a Practicing Psychologist: the Current State of Regulatory Regulation and Prospects

Irina V. Afanasieva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Vladimir A. Pimonov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4568-9720>, e-mail: p_vlad70@mail.ru

This article provides an overview and analysis of ethical and legal requirements regarding confidentiality in the professional activities of a practicing psychologist. The legal and ethical aspects of maintaining confidentiality are outlined, as well as the legislative possibilities of determining its limits in the relationship “psychologist/ psychotherapist — client” are analyzed. The opinion is expressed that at the legislative level, the problems of confidentiality and the issues of its dissemination in the provision of psychological assistance are poorly developed. At the same time, the ethical requirements of confidentiality by practicing psychologists do not find legislative confirmation, which leads to uncertainty in practice. The proposals on the settlement of issues of confidentiality and its limits at the legislative level are presented, the draft legal norms defining the boundaries of confidentiality in therapeutic relationships are presented.

Keywords: confidentiality, psychologist, psychotherapist, client, therapeutic relationships, ethics, law.

For citation: Afanasieva I.V., Pimonov V.A. Confidentiality as a Principle of the Activity of a Practicing Psychologist: the Current State of Regulatory Regulation and Prospects. *Psikhologiya i pravo* = *Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 143–152. DOI:10.17759/psylaw.2023130211 (In Russ.).

Введение

Насколько актуален вопрос о конфиденциальности в работе практикующих психологов, можно судить по результатам обсуждения одного из последних вариантов законопроекта «О психологической помощи в Российской Федерации», которое состоялось на заседании экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, состоявшемся 26.09.2022 г. [3]. В числе наиболее обсуждаемых норм законопроекта стали его положения о психологической тайне и конфиденциальности.

В целом можно отметить, что обоснования приватности многообразны и, как правило, включают: уважение к автономии клиента, уважение к отношениям между психологом и клиентом (далее — терапевтические отношения).

В российской и зарубежной литературе, посвященной этическим и правовым проблемам психологической помощи, преобладает мнение, что конфиденциальность выступает одним из основных принципов доверительных отношений между психологом и клиентом [7, с. 150;

5, с.123], тогда как нарушение этого принципа может привести к тому, что у многих либо вообще пропадет желание обращаться за получением помощи к психологу, либо чрезмерная осторожность в плане раскрытия психотерапевту/психологу своих влечений, переживаний и фантазий (особенно, когда они связаны с насилием либо суицидальным поведением) пойдет в ущерб терапевтическим отношениям [15, с. 198].

Результаты опроса, который был проведен российским фондом «Общественное мнение», наглядно показывают, какова степень доверия населения к психологу. Так, 86% мужчин и 71% женщин вообще предпочитают не обращаться за получением психологической помощи, даже если возникнут соответствующие проблемы [3]. Полученные в ходе опроса результаты (особенно результаты опроса мужской части населения) не могут не вызывать тревоги, если принять во внимание, что российские мужчины погибают в результате суицида в пять раз чаще, нежели женщины [3].

К этому следует добавить, что в 2018 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал еще более пессимистичные цифры, полученные по результатам исследования о том, к каким специалистам обращаются граждане при возникновении у них психологических проблем. Лишь 1% респондентов обращаются к психологам и психотерапевтам за профессиональной помощью. При этом каждый пятый из числа опрошенных граждан ответил, что по месту учебы либо работы в штате имеется психолог [9].

Столь невысокий процент доверия к психологам/психотерапевтам как к профессиональной группе объясняется разными факторами, в том числе и законодательной неопределенностью вопросов, касающихся конфиденциальности и определения ее границ в отношениях «психолог—клиент».

Конфиденциальность — один из базовых этических принципов в деятельности психолога. Но в сфере отношений «психолог/психотерапевт—клиент» (далее — терапевтические отношения) этика часто вступает в конкуренцию с нормами права. Поэтому для практикующего специалиста принятие и реализация соответствующего нормам профессиональной этики решения о приватности терапевтических отношений может стать весьма проблематичной задачей. Если психолог раскрывает информацию, которая должна была оставаться приватной, он, возможно, подвергается риску подачи на него жалобы о нарушении профессиональной этики.

Нельзя при этом не отметить, что в определенных ситуациях психолог может нести юридическую обязанность в части раскрытия информации под угрозой ответственности за неразглашение полученной информации, к тому же всегда есть риск того, что клиент учинит серьезное деяние, причинив себе вред, или совершит общественно опасное посягательство на жизнь или здоровье других людей.

В целом следует отметить, что существует некоторая неопределенность в отношении того, каковы пределы конфиденциальности. Закон в этой области не имеет четких критериев.

Мы ставим перед собой следующую задачу: дать анализ современному состоянию нормативно-правового регулирования вопроса соблюдения конфиденциальности в терапевтических отношениях и на основе проведенного анализа предложить проект правовой нормы, определяющей критерии и пределы конфиденциальности.

Результаты, полученные в данном исследовании, могут быть использованы в ходе дальнейшей работы над проектом закона о психологической помощи.

Нормы права и этики о конфиденциальности в терапевтических отношениях

Конституция Российской Федерации гарантирует право на личную тайну, неприкосновенность частной жизни (ст. 23) [6]. Данная норма основана на базовом конституционном принципе, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Следовательно, обязанность не только психологических, но и всех других служб, оказывающих социальную, медицинскую и иную помощь населению, сохранять профессиональную тайну в отношении всех сведений, полученных в ходе доверительных отношений с гражданином.

В России не существует специального законодательного акта федерального уровня, который предоставлял бы какие-либо особые гарантии психологам как профессиональной группе, а также их клиентам в части неразглашения информации, раскрываемой клиентами в ходе профессиональных отношений.

На сайте «Психологической газеты» размещен текст законопроекта «О психологической помощи в Российской Федерации», в ст. 11 которого по аналогии с медицинским законодательством предложена норма о психологической тайне и конфиденциальности оказания психологической помощи [10]. Согласно предложенной норме, в содержание психологической тайны включены сведения о факте обращения гражданина за оказанием психологической помощи, сбор и обработка которых возможны лишь с согласия получателя психологической помощи. При этом психолог обязан обезличить полученные от гражданина данные, если они используются в научных исследованиях. Предлагаемой нормой установлен запрет на разглашение конфиденциальных сведений, но допускается предоставление полученной от клиента информации по запросу следственных и судебных органов при проведении следствия или судебного разбирательства, а также по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением осужденного [10]. Указанная норма законопроекта также допускает возможность разглашения полученных от клиента сведений в ситуации, когда есть угроза жизни клиенту либо его окружению.

Отметим, что эта статья законопроекта не встретила единодушного одобрения со стороны членов психологического сообщества. Нашлось немало сторонников приравнивания психологической тайны к тайне исповеди и к адвокатской тайне, предложивших пункт 4 ст. 11 законопроекта изложить в следующие редакции: «Предоставление конфиденциальных сведений психологом третьим лицам без согласия получателя психологической помощи или его законного представителя допускается только в ситуации угрозы жизни получателя психологической помощи и иных лиц. Психолог не может выступать свидетелем, свидетельствовать в отношении своих клиентов» [10].

Справедливости ради следует отметить, что позиция авторов этой поправки к законопроекту, при всей ее привлекательности и прогрессивности, не нова. В США и ряде других стран еще с 70-х гг. прошлого века получила распространение правовая доктрина привилегированной коммуникации, согласно которой клиент имеет право на информацию, не подлежащую разглашению в качестве доказательства в суде [16, с. 166].

Привилегированная коммуникация до середины 70-х гг. распространялась на психотерапевтические отношения с пациентом по аналогии с отношениями «адвокат—клиент», «священник—прихожанин», «врач—пациент» [5, с. 125]. Однако постановлением Верховного суда Калифорнии, вынесенным в 1974 г. по делу Tarasoff, было указано, что обязанность за-

щищать общественные интересы превалирует над терапевтической конфиденциальностью, если пациент высказывает намерение совершить убийство.

Этим постановлением было оказано существенное влияние на реализацию концепции привилегированной коммуникации относительно конфиденциальности отношений «психолог—клиент».

Суть данного дела состояла в том, что мужчина, обратившийся в клинику университета, в процессе курса добровольной психотерапевтической помощи сообщил психотерапевту о том, что он намеревается совершить убийство Татьяны Тарасофф, в отместку за то, что она не отвечала на чувства пациента взаимностью. После завершения сеанса психотерапии, специалист, посоветовавшись со своими коллегами, обратился в полицию с просьбой о госпитализации своего клиента. Мужчина был задержан, но вскоре отпущен, поскольку полицейские провели с ним беседу, в ходе которой у них не возникло сомнений во вменяемости задержанного. Однако вскоре данный мужчина совершил убийство Татьяны Тарасофф.

По заявлению родителей Татьяны было возбуждено дело против психолога, клиники и полицейских, освободивших злоумышленника [14, с. 270].

После принятия Верховным судом Калифорнии постановления была внесена существенная поправка в законодательство штата, суть которой заключалась в том, что если состояние клиента представляет угрозу для общества либо для него лично, то раскрытие полученной психологом/психотерапевтом информации является необходимым действием [5, с. 125; 14, с. 270].

В настоящее время в США привилегированная коммуникация применительно к отношениям «психолог—клиент» действует в большинстве штатов. Признается, что привилегия является необходимым условием установления доверия в терапевтических отношениях [5, с. 127]. И все же в правовые нормы о привилегиях все чаще вносятся поправки, устанавливающие ограничения, а также исключения из правила о привилегированном общении [1, с. 43].

В России действуют нормативно-правовые акты, гарантирующие свидетельский иммунитет (понятие, весьма схожее с привилегированной коммуникацией), т. е. право определенных лиц не быть допрошенным в ходе предварительного расследования, а также в суде.

Согласно ст. 51 Конституции РФ каждый гражданин освобождается от обязанности давать показания против себя самого, своих близких родственников и супруга [6]. Данная конституционная норма также определяет возможность установления федеральным законом круга лиц, которые освобождаются от дачи показаний.

Во исполнение этих конституционных положений ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ [12] предписывает, что судьи и присяжные заседатели не могут быть допрошены об обстоятельствах дела, которые им стали известны в связи с их участием в производстве по данному делу. Также установлен прямой запрет на допрос адвокатов об обстоятельствах, которые им стали известны во время оказания ими юридической помощи. Не могут быть допрошены в качестве свидетелей и священники, если допрос касается обстоятельств, ставших им известными во время исповеди.

Указанные лица, включая супругов и близких родственников, не могут быть привлечены и к уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ), а также за несообщение о совершенных или готовящихся преступлениях террористического характера (ст. 205.6 УК РФ) [13].

Свидетельский иммунитет не распространяется на психологов.

Следовательно, психолог, которого просят сообщить в суде конфиденциальную информацию, касающуюся клиента, не может ссылаться на свидетельский иммунитет. Более того, психолог, будучи свидетелем, предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний.

Психолог может быть привлечен к уголовной ответственности за укрывательство тяжких и особо тяжких преступлений.

Законодательные нормы, устанавливающие (хотя и косвенно) пределы конфиденциальности в терапевтических отношениях, оказывают влияние на этические нормы и принципы работы психолога с клиентами.

В области профессиональной деятельности психолога активно используются инструменты саморегулирования, частично устраняющие коллизии между законодательством и психологической этикой в виду того, что их разрабатывают сами психологи в рамках саморегулируемых сообществ и организаций [4, с. 143].

Например, этические вопросы деятельности психолога в сфере образования отражены в Этическом кодексе педагога-психолога Службы практической психологии образования (принят на Всероссийском съезде практических психологов образования 26—28 мая 2003 г) [8, с. 110].

В данном документе к числу принципов профессиональной этики психолога относится конфиденциальность, под которой подразумевается запрет на сознательное или случайное разглашение информации, полученной психологом в процессе проведения работы. Вместе с тем нормами указанного кодекса предусматривают возможности ограничения конфиденциальности при условии, что передаваемая третьим лицам информация должна представляться в форме, исключающей ее использование против интересов клиентов психолога.

Этический кодекс психолога, принятый 14 февраля 2012 г. V съездом Российского психологического общества, также устанавливает запрет на разглашение полученной от клиента конфиденциальной информации вне согласованных с клиентом условий.

В Этическом кодексе Российского общества аналитической психологии (РОАП) установлена обязанность психолога относиться к информации, полученной от пациентов, как строго конфиденциальной. Запрещается при этом передавать данную информацию без согласия пациента третьим лицам, кроме случаев юридической либо клинической необходимости.

Заключение

Суть данного краткого анализа законодательства заключается в том, чтобы показать, что правовое поле, в котором практикуют российские психологи, не позволяет обеспечивать абсолютную секретность отношений «психолог—клиент». Нет единого федерального закона, который обозначил бы пределы конфиденциальности. Ее обеспечение в терапевтических отношениях становится прерогативой профессиональных психологических сообществ и предметом этических, а не юридических забот. Однако анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства дает все основания полагать, что у психолога нет права сохранять тайну относительно полученной от клиента информации о совершенном или планируемом тяжком или особо тяжком преступлении. Публичный интерес в защите общества от опасных посягательств здесь превалирует над интересом клиента.

Анализ этических норм и принципов работы психолога с клиентами показал, что психологи обязаны информировать своих клиентов о юридических и договорных ограничениях конфиденциальности.

Афанасьева И.В., Пимонов В.А.
Конфиденциальность как принцип деятельности
практикующего психолога: современное состояние
нормативно-правового регулирования и перспективы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 143–152.

Afanasyeva I.V., Pimonov V.A.
Confidentiality as a Principle of the Activity
of a Practicing Psychologist: the Current State
of Regulatory Regulation and Prospects
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 143–152.

С учетом проведенного исследования полагаем правильным п. 4 ст. 11 текста законопроекта «О психологической помощи в РФ» [10] изложить в следующей редакции: «Предоставление (выемка) конфиденциальных сведений психологом третьим лицам без согласия получателя психологической помощи или его законного представителя допускается:

1. по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях;
2. в ситуации угрозы жизни получателя психологической помощи либо жизни других лиц».

Литература

1. *Афанасьев М.В.* Предупреждение совершения повторных преступлений среди осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества как неотъемлемый элемент защиты прав личности // *Legal Bulletin*. 2023. Том 8. № 1. С. 41–48.
2. *Аникина В.О., Попова А.Г., Васильева Н.Л.* Субъективные факторы обращения за психологической помощью мужчин // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Том 8. № 5.
3. Заседание экспертного совета Комитета по вопросам семьи, женщин и детей 26.09.2022 [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/77354/> (дата обращения: 20.04.2023).
4. *Голиченков А.К., Белицкая А.В., Барабанщикова В.В., Вайпан В.А., Давидян Г.М., Зинченко Ю.П., Молотников А.Е., Тимофеева Л.Н., Шойгу Ю.С.* Современное состояние правового регулирования психологической помощи [Электронный ресурс] // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 1 (29). С. 141–150. doi:10.11621/npj.2018.0113
5. *Диянкова И.* Некоторые этические проблемы в современной американской психотерапии и психологическом консультировании [Электронный ресурс] // *Консультативная психология и психотерапия*. 2002. Том 10. № 4. С. 114–149. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2002_n4/Diankova (дата обращения: 20.04.2023).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2023).
7. *Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования. М.: Академический проспект, 1999. 240 с.
8. *Милехин А.В., Умняшова И.Б., Егоров И.А.* Нормативно-правовые и этические основания первичной профилактики наркомании в системе образования [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2019. Том 9. № 4. С. 103–119. doi:10.17759/psylaw.2019090408
9. Проблемы и трудности: к кому россияне обращаются за поддержкой? [Электронный ресурс] // *ВЦИОМ*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9474> (дата обращения: 20.04.2023).
10. Проект Федерального закона «О психологической помощи в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // *Психологическая газета. Профессиональное интернет-издание*. URL: <https://psy.su/content/files/zakonoproekt.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).
11. Предложение к проекту закона о психологической помощи [Электронный ресурс] // *Психологическая газета. Профессиональное интернет-издание*. URL: <https://psy.su/content/files/К%20отправке%20Предложения%20к%20ПЗ%20о%20психпомощи.pdf> (дата обращения: 21.04.2023).

Афанасьева И.В., Пимонов В.А.
Конфиденциальность как принцип деятельности
практикующего психолога: современное состояние
нормативно-правового регулирования и перспективы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 143–152.

Afanasyeva I.V., Pimonov V.A.
Confidentiality as a Principle of the Activity
of a Practicing Psychologist: the Current State
of Regulatory Regulation and Prospects
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 143–152.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 21.04.2023).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.04.2023).
14. *Bersoff D.* Therapists as Protectors and Policemen: New Roles as a Result of Tarasoff? // *Professional Psychology*. 1976. Vol. 7(3). P. 267–273. doi:10822/774337
15. *Kämpf A., McSherry B., Thomas S., Abrahams H.* Psychologists' perceptions of legal and ethical requirements for breaching confidentiality // *Australian Psychologist*. 2008. Vol. 43(3). P. 194–204. doi:10.1080/00050060802284268
16. *McMahon M., Knowles A.* Confidentiality in Psychological Practice: A Decrepit Concept? // *Australian Psychologist*. 1995. Vol. 30(3). P. 164–168. doi:10.1080/00050069508258926
17. *Wise T.P.* Where the public peril begins: a survey of psychotherapists to determine the effects of Tarasoff // *Stanford Law Review*. 1978. Vol. 31(1). P. 165–190. doi:10.2307/1228414

References

1. Afanasyev M.V. Preduprezhdenie soversheniya povtornykh prestuplenii sredi osuzhdennykh k nakazaniyam, ne svyazannym s izolyatsiei ot obshchestva kak neot'emlemyi element zashchity prav lichnosti [Prevention of the commission of repeated crimes among those sentenced to punishments not related to isolation from society as an integral element of the protection of individual rights]. *Legal Bulletin*, 2023. Vol. 8, no. 1, pp. 41–48. (In Russ.).
2. Anikina V.O., Popova A.G., Vasilyeva N.L. Sub'ektivnye faktory obrashcheniya za psikhologicheskoi pomoshch'yu muzhchin [What stops men from seeking psychological help?]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020. Vol. 8, no. 5. (In Russ.).
3. Zasedanie ekspertnogo soveta Komiteta GD po voprosam sem'i, zhenshchin i detei 26.09.2022 [Elektronnyi resurs]. *Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii = The State Duma. The Federal Assembly of the Russian Federation*. URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/77354/> (Accessed 20.04.2023). (In Russ.).
4. Golichenkov A.K., Belitskaya A.V., Barabanshchikova V.V., Vaipan V.A., Davidyan G.M., Zinchenko Yu.P., Molotnikov A.E., Timofeeva L.N., Shoigu Yu.S. Sovremennoe sostoyanie pravovogo regulirovaniya psikhologicheskoi pomoshchi [The current state of the legal regulation of psychological assistance] [Elektronnyi resurs]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2018, no. 1 (29), pp. 141–150. doi:10.11621/npj.2018.0113 (In Russ.).
5. Diyankova I. Nekotorye eticheskie problemy v sovremennoi amerikanskoj psikhoterapii i psikhologicheskome konsul'tirovanii [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2002. Vol. 10, no. 4, pp. 114–149. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2002_n4/Diankova (Accessed 20.04.2023). (In Russ.).
6. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed 20.04.2023). (In Russ.).

Афанасьева И.В., Пимонов В.А.
Конфиденциальность как принцип деятельности
практикующего психолога: современное состояние
нормативно-правового регулирования и перспективы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 143–152.

Afanasyeva I.V., Pimonov V.A.
Confidentiality as a Principle of the Activity
of a Practicing Psychologist: the Current State
of Regulatory Regulation and Prospects
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 143–152.

7. Kočiūnas R. *Osnovy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya*. Moscow: Akademicheskii prospekt, 1999. 240 p. (In Russ.).
8. Milekhin A.V., Umnyashova I.B., Egorov I.A. Normativno-pravovye i eticheskie osnovaniya pervichnoi profilaktiki narkomanii v sisteme obrazovaniya [Regulatory and Ethical Basis of Primary Prevention of Drug Addiction in the Education System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 103–119. doi:10.17759/psylaw.2019090408 (In Russ.).
9. Problemy i trudnosti: k komu rossiyanе obrashchayutsya za podderzhkoi? [Elektronnyi resurs]. *VTsIOM = WCIOM*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9474> (Accessed 20.04.2023). (In Russ.).
10. Proekt Federal'nogo zakona "O psikhologicheskoi pomoshchi v Rossiiskoi Federatsii" [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya gazeta. Professional'noe internet-izdanie*. URL: <https://psy.su/content/files/zakonoproekt.pdf> (Accessed 21.04.2023). (In Russ.).
11. Predlozhenie k proektu zakona o psikhologicheskoi pomoshchi [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya gazeta. Professional'noe internet-izdanie*. URL: <https://psy.su/content/files/K%20otpravke%20Predlozheniya%20k%20PZ%20o%20psikhpomoshchi.pdf> (Accessed 21.04.2023). (In Russ.).
12. Uголовно-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 No. 174-FZ (red. ot 28.04.2023) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed 21.04.2023). (In Russ.).
13. Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ (red. ot 28.04.2023) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Accessed 21.04.2023). (In Russ.).
14. Bersoff D. Therapists as Protectors and Policemen: New Roles as a Result of Tarasoff? *Professional Psychology*, 1976. Vol. 7, no. 3, pp. 267–273. doi:10822/774337
15. Kämpf A., McSherry B., Thomas S., Abrahams H. Psychologists' perceptions of legal and ethical requirements for breaching confidentiality. *Australian Psychologist*, 2008. Vol. 43, no. 3, pp. 194–204. doi:10.1080/00050060802284268
16. McMahon M., Knowles A. Confidentiality in Psychological Practice: A Decrepit Concept? *Australian Psychologist*, 1995. Vol. 30, no. 3, pp. 164–168. doi:10.1080/00050069508258926
17. Wise T.P. Where the public peril begins: a survey of psychotherapists to determine the effects of Tarasoff. *Stanford Law Review*, 1978. Vol. 31, no. 1, pp. 165–190. doi:10.2307/1228414

Информация об авторах

Афанасьева Ирина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Пимонов Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4568-9720>, e-mail: p_vlad70@mail.ru

Афанасьева И.В., Пимонов В.А.
Конфиденциальность как принцип деятельности
практикующего психолога: современное состояние
нормативно-правового регулирования и перспективы
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 143–152.

Afanasieva I.V., Pimonov V.A.
Confidentiality as a Principle of the Activity
of a Practicing Psychologist: the Current State
of Regulatory Regulation and Prospects
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 143–152.

Information about the authors

Irina V. Afanasieva, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3355-0469>, e-mail: irinaafva@yandex.ru

Vladimir A. Pimonov, PhD in Law, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4568-9720>, e-mail: p_vlad70@mail.ru

Получена 02.05.2023

Принята в печать 20.05.2023

Received 02.05.2023

Accepted 20.05.2023

Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора

Хавыло А.В.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского), г. Калуга, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Устенко А.В.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского), г. Калуга, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9795-5879>, e-mail: ustenko.nastya@yandex.ru

Енгальчев В.Ф.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского), г. Калуга, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, e-mail: valiyen@gmail.com

Исследование направлено на разработку проблемы повышения надежности и объективности профессионального отбора. Психодиагностические методики, применяемые в профотборе, обладают общим недостатком — их результат достаточно легко сфальсифицировать. Цель исследования — изучить возможности психофизиологических методов при решении задач психологической диагностики. Гипотеза: интенсивность эмоциональных и физиологических реакций на стрессовые стимулы положительно связана с уровнем нейротизма и отрицательно — со стрессоустойчивостью участников эксперимента. Выборку составили студенты в количестве 16 человек (11 девушек) в возрасте от 17 до 21 года. Использовались модифицированный личностный опросник Айзенка и тест Коухена и Виллиансона. Эксперимент заключался в предъявлении участникам стрессогенного видеоматериала и одновременной фиксации их мимических и физиологических реакций. Получено, что интенсивность проявления эмоции печали положительно связана с низкой стрессоустойчивостью, а выраженность эмоции радости — с уровнем нейротизма ($p < 0,05$). Выявленные эффекты имеют прикладное значение в контексте профотбора, также представляют и самостоятельный теоретический интерес.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор, стрессоустойчивость, нейротизм, физиологические реакции, эмоциональные реакции, мимическая активность, полиграф, лицевые экспрессии, система кодирования лицевых движений FACS, FaceReader.

Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф.
Перспективы использования психофизиологических
методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации
профессионального психологического отбора
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165.

Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F.
Prospects for the Use of Psychophysiological Methods
to Assess Stress Resistance in a Situation
of Professional Psychological Selection
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165.

Для цитаты: Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф. Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165. DOI:10.17759/psylaw.2023130212

Prospects for the Use of Psychophysiological Methods to Assess Stress Resistance in a Situation of Professional Psychological Selection

Alexey V. Khavylo

Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Anastasia V. Ustenko

Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9795-5879>, e-mail: ustenko.nastya@yandex.ru

Vali F. Engalychev

Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, e-mail: valiyen@gmail.com

The study is aimed at developing the problem of increasing the reliability and objectivity of professional selection. Psychodiagnostic methods used in professional selection have a common drawback: their result is quite easy to falsify. The purpose of the study is to explore the possibilities of psychophysiological methods in solving problems of psychological diagnostics. Hypothesis: the intensity of emotional and physiological reactions to stressful stimuli is positively related to the level of neuroticism and negatively to the stress resistance of the participants in the experiment. The sample consisted of students in the amount of 16 people (11 girls) aged 17 to 21 years. A modified Eysenck personality questionnaire and a test by Cohen and Willianson were used. The experiment consisted in presenting stressful video material to the participants and simultaneously fixing their mimic and physiological reactions. It was found that the intensity of the manifestation of the emotion of sadness is positively associated with low stress tolerance, and the severity of the emotion of happy is positively associated with the level of neuroticism ($p < 0.05$). The revealed effects are both of applied importance in the context of professional selection, and are of independent theoretical interest.

Keywords: professional psychological selection, stress resistance, neuroticism, physiological reactions, emotional reactions, mimic activity, polygraph, facial expressions, FACS facial movement coding system, FaceReader.

For citation: Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F. Prospects for the Use of Psychophysiological Methods to Assess Stress Resistance in a Situation of Professional Psychological Selection. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165. DOI:10.17759/psylaw.2023130212 (In Russ.).

Введение

В настоящее время все большее значение приобретают объективные методы исследования проявлений психики, находящихся вне контроля нашего сознания, таких как мимика, пантомимика, психофизиологические реакции человека на определенные стимулы и т. п. [8; 18; 29] В ситуации профессионального отбора важно получить полную информацию о психологических и психофизиологических особенностях человека, чтобы иметь возможность предсказать эффективность и надежность его деятельности, как в рядовых рабочих ситуациях, так и в критических условиях. В особой степени это касается сотрудников силовых структур, надежность работы которых оказывает непосредственное влияние на безопасность государства, общества, групп людей и отдельных граждан. Одним из основных критериев профессиональной надежности специалиста в этой области является способность к поддержанию эффективности своей профессиональной деятельности в ситуациях, осложненных воздействием стресс-факторов различной природы. Во многом такая способность обеспечивается свойствами нервной системы кандидата на должность и может быть оценена в ходе профессионального психологического отбора [7; 11].

К сожалению, современные тестовые психодиагностические методики, направленные на оценку типа нервной системы, обладают одним общим недостатком: их результат достаточно легко сфальсифицировать путем специальной подготовки человека к психологическому тестированию. В силу ряда факторов большинство психодиагностических методик, которые используются в профессиональном отборе, доступны для потенциальных кандидатов на должность. Это дает возможность недобросовестным претендентам самостоятельно или с привлечением специалистов-психологов подготовиться к процедуре отбора.

Одним из перспективных альтернативных методов диагностики является оценка физиологических реакций человека при предъявлении ряда стрессовых стимулов. Это позволяет избежать эффекта «подготовки» человека к процедуре психологического отбора и повысить надежность получаемой информации.

Известно, что люди с разным типом нервной системой отличаются по своим реакциям на одно и то же стрессовое событие. Чтобы понять особенности такого реагирования, важно отследить не только их внешние реакции, но и внутренние физиологические изменения. Для регистрации физиологических реакций используют различные приборы, которые объективно и с достаточной степенью точности позволяют оценивать происходящие в организме изменения.

Нервная система осуществляет регуляцию деятельности отдельных органов, их систем, обеспечивая единство и целостность нашего организма [14]. И.П. Павлов выделил три характеристики нервной системы: преобладание процессов возбуждения или торможения; уравновешенность нервной системы, т. е. степень соответствия силы возбуждения силе торможения (или их баланс); подвижность нервных процессов, т. е. скорость смены возбуждения торможением и наоборот.

На основе этих свойств было разработано учение о темпераменте. Темперамент определяется как совокупность психологических особенностей человека, которая обусловлена типом его высшей нервной деятельности [21]. Различная комбинация и совокупность свойств нервной системы называется типом нервной системы, которая определяет не только индивидуальные особенности условно-рефлекторной деятельности человека, но и его темперамент. Типы нервной системы лежат в основе четырех традиционных типов темперамента: холерика (сильный неуравновешенный тип нервной системы), сангвиника (сильный уравновешен-

ный тип), флегматика (сильный уравновешенный тип) и меланхолика (слабый тип нервной системы) [15]. Деление людей по типам темперамента носит достаточно условный характер, поскольку, во-первых, ярко выраженные типы темперамента встречаются достаточно редко, а во-вторых, точная оценка свойств нервной системы представляет собой сложную методическую проблему.

Как было неоднократно показано, люди со слабым типом нервной системы больше подвержены стрессу и тяжелее переносят стрессовые нагрузки [1; 6]. Готовность выполнять профессиональные обязанности в сложных стрессогенных условиях является важным качеством для сотрудников силовых структур, и оценка их стрессоустойчивости — одна из основных задач профессионального психологического отбора.

Начало систематического изучения стресса чаще связывают с работами канадского физиолога Г. Селье (1936 г.) [20]. Стресс, по определению Л.А. Китаева-Смыка — это неспецифические физиологические и психологические проявления адаптационной активности при сильных и экстремальных для организма воздействиях, имеющих определенную значимость для человека [10; 24]. В большинстве случаев стресс (особенно долговременный) приводит к серьезным внутренним переживаниям, что может перерасти в невротическое состояние. То, как организм реагирует на стресс, зависит от индивидуальных особенностей организма, интенсивности и продолжительности действия стрессора.

Г.И. Косицкий, опираясь на работы Г. Селье, отметил, что типичная стрессовая реакция в своей закономерной динамике имеет 4 стадии [9; 26].

1. Стадия активации, сопровождается приливом сил, повышением умственной и физической работоспособности.
2. Стадия стенических, «активных» эмоций (фаза резистентности). Возникает, если данная проблема не разрешается. Как правило, данная стадия сопровождается раздражением, гневом, различными проявлениями агрессивности.
3. Стадия астенических, «пассивных» эмоций (фаза истощения).
4. В последней стадии наблюдается срыв и невроз, где стресс перерастает в болезнь (неврозы и психосоматические заболевания, затрагивающие наиболее уязвимые органы).

Целью представленного исследования являлось изучение особенностей психофизиологического реагирования на стрессовые системы у людей с различным типом нервной системы.

Мы предполагаем, что в ситуации восприятия стимульного ряда (содержащего эмоциональные стрессовые стимулы) особенности нервной системы и стрессоустойчивость испытуемого будут оказывать достаточно сильное влияние, как на проявление эмоций, так и в целом на психофизиологическое состояние человека. Искусственно усилить данный эффект можно путем введения в эксперимент дополнительной когнитивной задачи, что создаст дополнительное напряжение и снизит возможности человека в самоконтроле своих эмоций.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что интенсивность эмоциональных и физиологических реакций на стрессовые стимулы положительно связана с уровнем нейротизма и отрицательно — со стрессоустойчивостью участников эксперимента.

В рамках данной работы рассматривались такие психофизиологические реакции на стимул, как мимическая активность и изменение электрической проводимости кожи (электродермальная активность). Исследование носило пилотажный характер и было направлено в первую очередь на оценку потенциальных возможностей метода автоматизированного анализа мимики человека при решении задач психологической диагностики.

Материалы и методы

Эксперимент проводился в период с января 2021 г. по декабрь 2021 г. на базе Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся по программам специалитета и бакалавриата. Выборка состояла из 16 человек, обучающихся с 1-го по 5-й курс, из которых 11 респондентов — женского пола и 5 — мужского. В исследовании приняли участие студенты в возрасте от 17 до 21 года.

Участие в эксперименте являлось добровольным, все участники перед началом эксперимента подписали согласие на обработку персональных данных и обязательства о соблюдении конфиденциальности (что являлось необходимым условием участия в эксперименте).

Перед проведением эксперимента было проведено психодиагностическое обследование. Использовались методика Г. Айзенка для выявления темперамента у испытуемого [17; 22] и тест С. Коухена и Г. Виллиансона для оценки самооценки стрессоустойчивости [2].

После прохождения психодиагностического тестирования участники эксперимента приглашались в специально оборудованный кабинет. На экране монитора демонстрировался специально подготовленный видеосюжет. Стимульный материал представлял собой видеоматериал, содержащий различные фотографии вызывающее при просмотре стресс и тревожное состояние у испытуемого. Весь видеоряд сопровождался тревожной, нагнетающей музыкой. На фотографиях были изображены изувеченные (раненные) люди, инвалиды, различные кадры с военными действиями, природные и производственные катастрофы. Перед началом исследования всем участникам зачитывалась инструкция, направленная на концентрацию их внимания путем ввода дополнительной задачи — назвать после эксперимента слова, которые в случайном порядке появлялись на экране во время демонстрации видеоряда.

При просмотре у испытуемого фиксировались его физиологические реакции с помощью контактного полиграфа, а также проявления мимической активности посредством анализа видеоизображения лица участника эксперимента с применением специализированного программного обеспечения FaceReader. Таким образом в ходе эксперимента фиксировались эмоциональные и физиологические реакции участников на стрессогенные стимулы.

В работе был использован полиграф Диана 07 производства российской компании «Поликонииус», предназначенный для записи физиологических параметров, отражающих функционирование различных систем организма человека: дыхательной системы, сердечно-сосудистой системы, нервной системы, поперечнополосатой мускулатуры, входящей в опорно-двигательную систему и др., регистрируемых у объекта в процессе психофизиологического исследования [3; 4; 12; 19].

Программное обеспечение FaceReader производства нидерландской компании Noldus предназначено для автоматического анализа лицевых экспрессий и выделения на их основе базовых эмоций человека: радость (happy), печаль (sad), гнев (angry), удивление (surprised), страх (scared), отвращение (disgusted) [23]. Основанием для создания данного программного комплекса послужила система диагностики эмоциональной экспрессии лица П. Экмана [25; 27; 28].

Видеоряд предьявлялся на LCD-мониторе с диагональю 23 дюйма и разрешением 1920×1080 пикселей, находившемся на расстоянии 50 см от участника.

Классификация базовых эмоций в FaceReader осуществляется в три этапа: 1) на начальном этапе распознается и локализуется лицо человека; 2) затем производится параллельный анализ с помощью специально обученного на 500 ключевых точках классификатора и с помощью нейронной сети, построенной с использованием методов глубокого обучения (Deep

neural network) для расчета интенсивности двигательных единиц (Action Units — AUs); 3) на заключительном этапе происходит интеграция результатов параллельных аналитических процессов для определения эмоционального состояния человека [24].

На рис. 1 и 2 представлена демонстрация работы программного продукта FaceReader. Лицо человека в кадре распознается и фиксируются ключевые точки. Затем производится распознавание состояний лица, выделение двигательных единиц (Action Units) и оценка их интенсивности (в количественном выражении и в пятибалльной порядковой шкале).

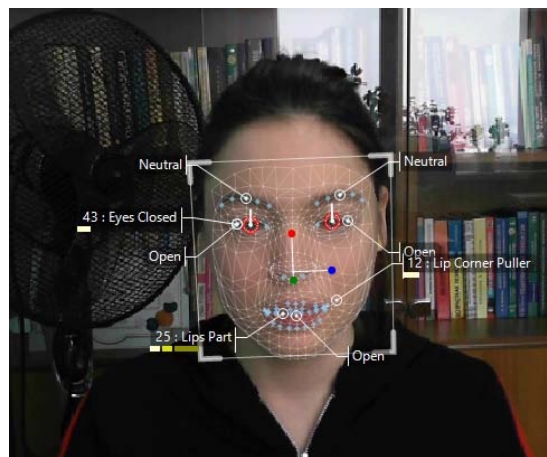

Рис. 1. Демонстрация работы программного продукта FaceReader: определение лица в кадре, выделение ключевых точек, распознавание выражений лица и двигательных единиц.

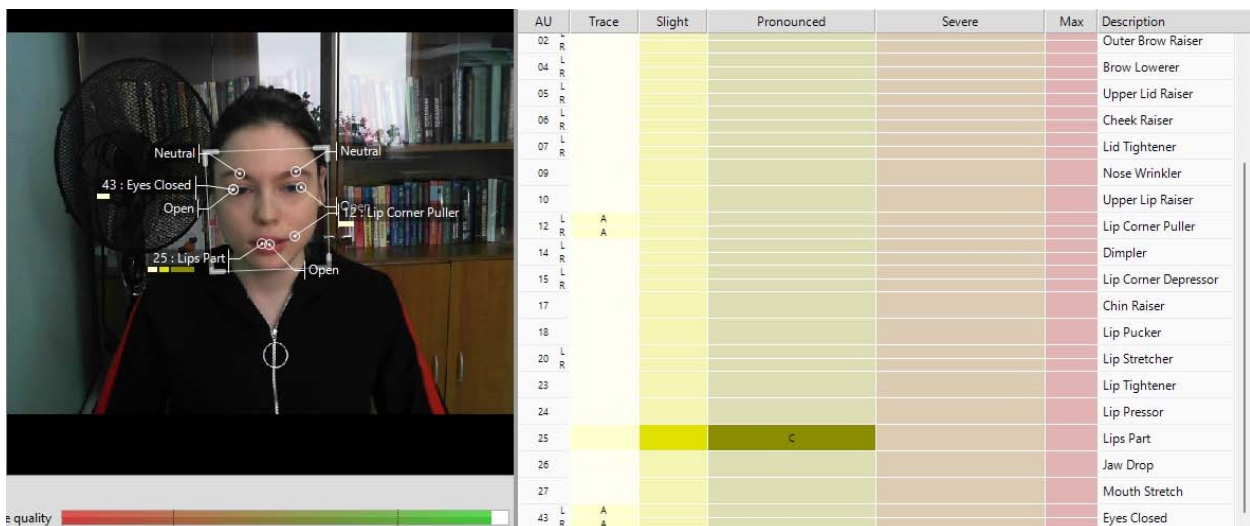

Рис. 2. Демонстрация работы программного продукта FaceReader: оценка интенсивности двигательных единиц по пятибалльной шкале.

Обработка и анализ данных

Препроцессинг данных выполнялся с использованием языка статистических вычислений R version 4.1.3 (2022-03-10) — «One Push-Up». Данные о лицевой экспрессии участников эксперимента экспортированы штатными средствами FaceReader в текстовый формат (csv).

Для подготовки и предварительной обработки данных были использованы следующие пакеты языка R: stringr, stringi, tidyverse, data.table, readxl. Данные о мимической активности представляли собой набор замеров с интервалом 33 мс. Все анализируемые показатели были агрегированы. Подобный подход достаточно часто используется при анализе данных о мимической активности.

В качестве анализируемых физиологических параметров использовались количество всплесков (пиков) электродермальной активности кожи (традиционно в прикладной психофизиологии используется термин «кожно-гальваническая реакция» — КГР), частота пульса в момент начала показа видеоряда и непосредственно в конце демонстрации. В прикладной психофизиологии эти параметры часто связывают с тревожностью и высокой лабильностью нервной системы [16].

На рис. 3 показаны пики ЭДА, которые использовались в анализе данных. Для каждого участника эксперимента было рассчитано общее количество всплесков КГР при просмотре стимульного видеоряда.

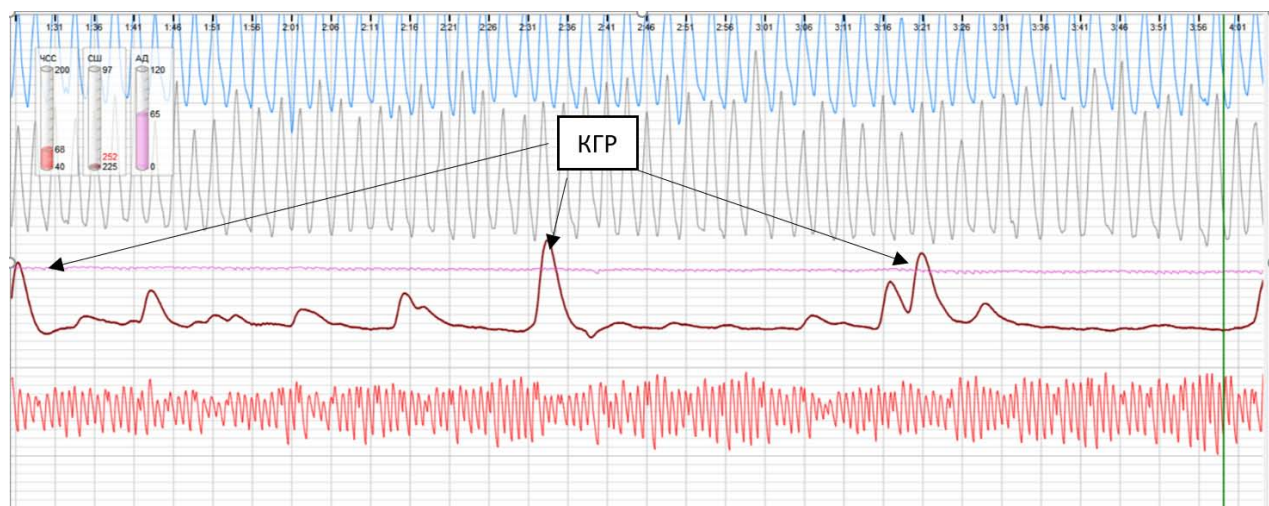

Рис. 3. Фрагмент полиграммы, отражающей физиологические реакции участника эксперимента на видеостимулы с обозначенными пиками электрической активности кожи (КГР)

Для проверки гипотезы о взаимосвязи выраженности отдельных свойств нервной системы и интенсивности эмоциональных и физиологических реакций на стрессогенные стимулы был выполнен корреляционный анализ. При анализе данных и визуализации результатов использовались следующие пакеты языка R: psych, corrplot, RColorBrewer. Для оценки линейных взаимосвязей между изучаемыми переменными использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена и применена поправка Холма на множественную проверку гипотез.

На рис. 4 отражены значимые корреляционные связи между выраженностью отдельных свойств нервной системы и интенсивностью зафиксированных реакций на стрессогенные стимулы. Цветом и размером кружков на рисунке закодирована величина коэффициентов корреляции Спирмена. Для упрощения восприятия были скрыты коэффициенты корреляции с уровнем значимости выше 0,05.

Рис. 4. Результаты корреляционного анализа выраженности отдельных свойств нервной системы и интенсивности реакций на стрессогенные стимулы:

extraversion — экстраверсия; neuroticism — нейротизм; stress_tolerance — стрессоустойчивость; happy — радость; sad — печаль; angry — гнев; surprised — удивление; scared — страх; disgusted — отвращение; valence — валентность; arousal — возбудимость; EDA — количество всплесков электродермальной активности; HR_start — частота пульса на момент начала эксперимента; HR_end — частота пульса на момент окончания эксперимента; HR_dif — изменение частоты пульса во время эксперимента

Были выявлены значимые корреляционные связи ($p < 0,05$) между следующими показателями. Интенсивность проявления эмоции печали положительно связана с низкой стрессоустойчивостью ($R_s = 0,68$; $p < 0,05$), а выраженность эмоции радости — с уровнем нейротизма ($R_s = 0,52$; $p < 0,05$).

Взаимосвязь низкой стрессоустойчивости и демонстрации эмоции печали при восприятии стрессогенных стимулов подтверждает выдвинутую гипотезу. Следует отметить достаточно высокий коэффициент корреляции.

Мы предполагаем, что проявление радости в ситуации стресса у участников эксперимента с относительно высокими показателями нейротизма можно интерпретировать как защитную реакцию психики, поскольку стимульный ряд не был направлен на эту эмоцию. Первым, кто отметил нервный смех в крайне некомфортных и стрессовых ситуациях, был американский психолог Стэнли Милгрэм [5]. Безусловно, интерпретация данного наблюдаемого эффекта носит гипотетический характер и требует проведения дополнительных исследований.

По результатам корреляционного анализа также было установлено, что уровень экстраверсии отрицательно связан с интенсивностью зафиксированных физиологических реакций на стрессогенные стимулы: количеством всплесков электродермальной активности ($R_s = -0,55$; $p < 0,05$), частотой пульса в начале ($R_s = -0,58$; $p < 0,05$) и в конце демонстрации стимульного видеоряда ($R_s = -0,61$; $p < 0,05$). Полученный результат можно объяснить тем, что у экстравертов, как правило, преобладает активность симпатического отдела вегетативной нервной системы [13].

Обсуждение и выводы

Анализ результатов проведенного пилотажного исследования позволяет сделать вывод о том, что интенсивность выражения эмоции печали при восприятии стрессогенных стимулов связана с уровнем стрессоустойчивости человека. Достаточно высокое значение коэффициента корреляции может указывать на то, что наблюдаемый эффект достаточно сильный и может иметь прогностическую ценность.

Таким образом, можно констатировать, что оценка мимической активности и физиологических реакций человека во время демонстрации специально подобранных стимулов может лечь в основу методического подхода к оценке отдельных психологических и психофизиологических свойств личности. Преимущество такого подхода заключается в объективном характере получаемых данных, а также в использовании для оценки показателей, которые слабо поддаются сознательному контролю на протяжении достаточно большого промежутка времени. Осложнить подобный контроль возможно с помощью дополнительных когнитивных задач, которые ставятся перед испытуемым во время демонстрации стимулов. Это позволит «связать» часть когнитивных ресурсов человека и ослабить контроль над собственными поведенческими и физиологическими реакциями.

Разработка подобного метода представляется достаточно перспективной для реализации в сфере профессионального отбора кандидатов на должность, особенно в тех областях, где, с одной стороны, профессиональная деятельность связана с воздействием стресс-факторов различной природы, а с другой — потенциально есть риск недобросовестного отношения кандидатов к прохождению процедуры психологического отбора.

Продолжение научной работы в данном направлении мы видим в проведении более масштабного исследования с частичным использованием подготовленного стимульного материала. Мы планируем увеличить выборку и время экспозиции стимулов и ввести блок нейтральных стимулов для проведения сравнительного анализа. Помимо этого, перспективным нам представляется оценка гендерных различий в реакции на стрессогенные стимулы различной природы.

Литература

1. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. Часть 2: Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. Том 27. № 2. С. 113–123.
2. Бурлуцкая А.В., Просоленко Ю.А., Малышева Е.А., Абушкевич А.В., Потягайло Е.Г., Абушкевич В.Г. Оценка стрессоустойчивости медицинских работников, направленных в зону наводнения в городе Крымске, и посттравматического стрессорного синдрома [Электронный ресурс] // Кубанский научный медицинский вестник. 2015. № 6 (155). С. 19–23. doi:10.25207/1608-6228-2015-6-19-23
3. Варламов В.А. Детектор лжи. 2-е изд. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2009. 352 с.
4. Виноградов М.В., Касперович Ю.Г., Караваев А.Ф. Совершенствование психофизиологических методов оценки достоверности информации, сообщаемой человеком [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 96–102. doi:10.24411/1999-6241-2018-14017
5. Гарькавец С.А. Психология невербального общения. Северодонецк: Петит, 2015. 214 с.
6. Деркач А.А., Казаков Ю.Н. Медико-акмеологические основания повышения стрессоустойчивости психического здоровья управленцев к экстремальным ситуациям // Мир психологии. 2008. № 3. С. 177–186.
7. Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проничева М.М. Механизмы стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников в ситуации ЧС [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 109–123. doi:10.17759/psylaw.2021110308
8. Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В., Хавыло А.В. Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе [Электронный ре-

Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгалычев В.Ф.
Перспективы использования психофизиологических
методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации
профессионального психологического отбора
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165.

Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F.
Prospects for the Use of Psychophysiological Methods
to Assess Stress Resistance in a Situation
of Professional Psychological Selection
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165.

- курс] // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 104–117. doi:10.22204/2587-8956-2021-104-02-104-117
9. *Золотова Т.Н.* Психология стресса. М.: Книголюб, 2008. 192 с.
  10. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М.: Рипол Классик, 2010. 368 с.
  11. *Кубышко В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.* Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2020100213
  12. *Купцова Д.М., Каменсков М.Ю.* Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 126–138. doi:10.17759/psylaw.2020100409
  13. *Лёкен С.* Сила интровертов. Как использовать свои странности на пользу делу. М.: Эксмо, 2017. 320 с.
  14. *Миловзорова М.А.* Анатомия и физиология человека. М.: Медицина, 2010. 231 с.
  15. *Павлов И.П.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. 2-е изд., доп. М.: Издательство АН СССР, 1951. 439 с.
  16. *Пеленицын А.Б., Сошников А.П.* Современные технологии применения полиграфа. Часть 2. М.: АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», 2015. 320 с.
  17. *Русалов В.М.* Модифицированный личностный опросник Айзенка. М.: Смысл, 1992. 21 с.
  18. *Савицкая Т.Ю., Носуленко В.Н., Александров Ю.И.* Динамика сердечного ритма у индивидов при оценке и описании ими эмоционально окрашенных изображений [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 1. С. 5–19. doi:10.17759/exppsy.2020130101
  19. *Свободный Ф.К.* Полиграф в деятельности правоохранительных органов: проблемы и перспективы применения // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 119–124.
  20. *Селье Г.* На уровне целого организма. М.: Наука, 1972. 132 с.
  21. *Симонов П.В.* Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. 161 с.
  22. *Шутилова М.А., Шутилов Ф.В., Молошникова Н.С.* Особенности изучения темперамента личности посредством опросников Айзенка и Русалова // Проблемы функционирования современного государства: право, политика, экономика, образование: Сборник научных докладов международной научно-практической конференции, Москва, 17 апреля 2015 года. М.: Научное обозрение, 2015. С. 68–75.
  23. *Al'Absi M., Flaten M.A.* The Neuroscience of Pain, Stress, and Emotion: Psychological and Clinical Implications. Amsterdam: Academic Press is an imprint of Elsevier, 2016. 296 p. doi:10.1016/C2013-0-16065-5
  24. *Allen M.* Facial Action Coding System // The SAGE Encyclopedia of Communication Research Methods. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc, 2017. 2064 p. doi:10.4135/9781483381411.n178
  25. *Cooper C., Quick J.C.* The Handbook of Stress and Health: A Guide to Research and Practice. Chichester: John Wiley & Sons, 2017. 726 p. doi:10.1002/9781118993811
  26. *Ekman P., Friesen W.V.* Measuring facial movement // Environmental Psychology and Non-verbal Behavior. 1976. Vol. 1(1). P. 56–75.
  27. *Fink G.* Stress: Concepts, Cognition, Emotion, and Behavior: Handbook of Stress Series. Vol. 1: Stress. London: Academic Press, 2016. 502 p.

Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф.
Перспективы использования психофизиологических
методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации
профессионального психологического отбора
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165.

Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F.
Prospects for the Use of Psychophysiological Methods
to Assess Stress Resistance in a Situation
of Professional Psychological Selection
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165.

28. Khavylo A.V., Engalychev V.F., Leonova E.V., Danshin V., Mirzeabasov O.A. Manifestation of Task's Cognitive Complexity in Mimic Micromovements: Prognostic Model // Proceedings of the Future Technologies Conference (FTC) 2021. Vol. 2. Berlin: Springer, 2021. P. 257–265. doi:10.1007/978-3-030-89880-9_20
29. Noldus Facial expression recognition software: FaceReader [Электронный ресурс] // Noldus International Technology. URL: <https://www.noldus.com/facereader/> (дата обращения: 11.04.2022).

References

1. Bodrov B.A. Problema preodoleniya stressa. Chast' 2: Protsessy i resursy preodoleniya stressa [Coping stress problem. part ii. coping stress processes and resources]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2006. Vol. 27, no. 2, pp. 113–123. (In Russ.).
2. Burlutskaya A.V., Prosolenko Yu.A., Malysheva E.A., Abushkevich A.V., Potyagailo E.G., Abushkevich V.G. Otsenka stressoustoichivosti meditsinskikh rabotnikov, napravlennykh v zonu navodneniya v gorode Krymske, i posttravmaticheskogo stressornogo sindroma [The evaluation of the stress resistance of medical professionals present in the flooded area in the city of Krymsk and post-traumatic stress syndrome] [Elektronnyi resurs]. *Kubanskii nauchnyi meditsinskii vestnik = Kuban Scientific Medical Bulletin*, 2015, no. 6 (155), pp. 19–23. doi:10.25207/1608-6228-2015-6-19-23 (In Russ.).
3. Varlamov V.A. Detektor lzhi. 2nd ed. Moscow: PER SE-Press, 2009. 352 p. (In Russ.).
4. Vinogradov M.V., Kasperovich Yu.G., Karavaev A.F. Sovershenstvovanie psikhofiziologicheskikh metodov otsenki dostovernosti informatsii, soobshchaemoi chelovekom [Improved Psychophysiological Methods of Assessing Validity of Information given by an Individual] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 4 (75), pp. 96–102. doi:10.24411/1999-6241-2018-14017 (In Russ.).
5. Garkavets S.A. Psikhologiya neverbal'nogo obshcheniya. Severodonetsk: Petit, 2015. 214 p. (In Russ.).
6. Derkach A.A., Kazakov Yu.N. Mediko-akmeologicheskie osnovaniya povysheniya stressoustoichivosti psikhicheskogo zdorov'ya upravlentsev k ekstremal'nym situatsiyam. *Mir psikhologii = World of Psychology*, 2008, no. 3, pp. 177–186. (In Russ.).
7. Dubinskii A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M. Mekhanizmy stress-sovladayushchego povedeniya u operupolnomochennykh sotrudnikov v situatsii ChS [Mechanisms of Stress-Coping Behavior in Police Operation Officers in an Emergency Situation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109–123. doi:10.17759/psylaw.2021110308 (In Russ.).
8. Engalychev V.F., Leonova E.V., Khavylo A.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya intellektual'nykh sistem mashinnogo zreniya v sudebnoi psikhologicheskoi ekspertize [Potential Use of Intelligent Machine Vision Systems in Forensic Psychological Examination] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 2 (104), pp. 104–117. doi:10.22204/2587-8956-2021-104-02-104-117 (In Russ.).
9. Zolotova T.N. Psikhologiya stressa. Moscow: Knigolyub, 2008. 192 p. (In Russ.).
10. Kitaev-Smyk L.A. Psikhologiya stressa. Moscow: Ripol Klassik, 2010. 368 p. (In Russ.).
11. Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu. Psikhologicheskoe obespechenie stressoustoichivosti kak elementa professional'noi nadezhnosti spetsialista silovykh struktur [Psy-

Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф.
Перспективы использования психофизиологических
методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации
профессионального психологического отбора
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165.

Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F.
Prospects for the Use of Psychophysiological Methods
to Assess Stress Resistance in a Situation
of Professional Psychological Selection
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165.

- chological Support of Stress Resistance as an Element of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2020100213 (In Russ.).
12. Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Teoreticheskaya model' testirovaniya na poligrafe: problemy i perspektivy ikh razresheniya [Theoretical Model of Polygraph Testing: Concerns and Prospects for their Solution] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 126–138. doi:10.17759/psylaw.2020100409 (In Russ.).
  13. Löhken S. Sila introvertov. Kak ispol'zovat' svoi strannosti na pol'zu delu [Leise Menschen — Starke Wirkung]. Moscow: Eksmo, 2017. 320 p. (In Russ.).
  14. Milovzorova M.A. Anatomiya i fiziologiya cheloveka. Moscow: Meditsina, 2010. 231 p. (In Russ.).
  15. Pavlov I.P. Polnoe sobranie sochinenii: V 6 t. T. 3. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. 439 p. (In Russ.).
  16. Pelenitsyn A.B., Soshnikov A.P. Sovremennye tekhnologii primeneniya poligrafa. Chast' 2. Moscow: ANO DPO "Tsentr prikladnoi psikhofiziologii" Publ., 2015. 320 p. (In Russ.).
  17. Rusalov V.M. Modifitsirovannyi lichnostnyi oprosnik Aizenka. Moscow: Smysl, 1992. 21 p. (In Russ.).
  18. Savitskaya T.Yu., Nosulenko V.N., Aleksandrov Yu.I. Dinamika serdechnogo ritma u individov pri otsenke i opisaniimimi emotsional'no okrashennykh izobrazhenii [Heart rate Dynamics in Individuals While they Were Evaluating and Describing Emotional Images] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 1, pp. 5–19. doi:10.17759/exppsy.2020130101 (In Russ.).
  19. Svobodnyi F.K. Poligraf v deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov: problemy i perspektivy primeneniya [The polygraph in activity of law enforcement bodies: problems and perspectives arising at use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2008, no. 314, pp. 119–124. (In Russ.).
  20. Selye H.H.B. Na urovne tselogo organizma [In vivo]. Moscow: Nauka, 1972. 132 p. (In Russ.).
  21. Simonov P.V. Temperament. Kharakter. Lichnost'. Moscow: Nauka, 1984. 161 p. (In Russ.).
  22. Shutilova M.A., Shutilov F.V., Moloshnikova N.S. Osobennosti izucheniya temperamenta lichnosti posredstvom oprosnikov Aizenka i Rusalova. *Problemy funktsionirovaniya sovremennogo gosudarstva: pravo, politika, ekonomika, obrazovanie: Sbornik nauchnykh dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 17 aprelya 2015 goda*. Moscow: Nauchnoe obozrenie, 2015, pp. 68–75. (In Russ.).
  23. Al'Absi M., Flaten M.A. The Neuroscience of Pain, Stress, and Emotion: Psychological and Clinical Implications. Amsterdam: Academic Press is an imprint of Elsevier, 2016. 296 p. doi:10.1016/C2013-0-16065-5
  24. Allen M. Facial Action Coding System. The SAGE Encyclopedia of Communication Research Methods. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc, 2017. 2064 p. doi:10.4135/9781483381411.n178
  25. Cooper C., Quick J.C. The Handbook of Stress and Health: A Guide to Research and Practice. Chichester: John Wiley & Sons, 2017. 726 p. doi:10.1002/9781118993811
  26. Ekman P., Friesen W.V. Measuring facial movement. *Environmental Psychology and Nonverbal Behavior*, 1976. Vol. 1, no. 1, pp. 56–75.
  27. Fink G. Stress: Concepts, Cognition, Emotion, and Behavior: Handbook of Stress Series. Vol. 1: Stress. London: Academic Press, 2016. 502 p.

Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф.
Перспективы использования психофизиологических
методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации
профессионального психологического отбора
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 153–165.

Khavylo A.V., Ustenko A.V., Engalychev V.F.
Prospects for the Use of Psychophysiological Methods
to Assess Stress Resistance in a Situation
of Professional Psychological Selection
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 153–165.

28. Khavylo A.V., Engalychev V.F., Leonova E.V., Danshin V., Mirzeabasov O.A. Manifestation of Task's Cognitive Complexity in Mimic Micromovements: Prognostic Model. *Proceedings of the Future Technologies Conference (FTC) 2021*. Vol. 2. Berlin: Springer, 2021, pp. 257–265. doi:10.1007/978-3-030-89880-9_20

29. Noldus Facial expression recognition software: FaceReader [Elektronnyi resurs]. *Noldus International Technology*. URL: <https://www.noldus.com/facereader/> (Accessed 11.04.2022).

Информация об авторах

Хавыло Алексей Викторович, кандидат психологических наук, заведующий, лаборатория информационно-психологической безопасности, доцент, кафедра общей и социальной психологии, Институт психологии, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского), г. Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Устенко Анастасия Викторовна, студентка, Институт психологии, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского), г. Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9795-5879>, e-mail: ustenko.nastya@yandex.ru

Енгальчев Вали Фатехович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, научно-исследовательский центр судебной экспертизы и криминалистики, профессор, кафедра общей и социальной психологии, Институт психологии, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского), г. Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, e-mail: valiyen@gmail.com

Information about the authors

Alexey V. Khavylo, PhD in Psychology, Head, Information and Psychological Safety Laboratory, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Anastasia V. Ustenko, Student, Institute of Psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University, Kaluga, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9795-5879>, e-mail: ustenko.nastya@yandex.ru

Vali F., Engalychev, Doctor of Psychology, Professor, Head, Forensics and Criminalistics Research Center, Professor, Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University Kaluga, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, e-mail: valiyen@gmail.com

Получена 13.04.2022
Принята в печать 02.08.2022

Received 13.04.2022
Accepted 02.08.2022

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Трудности взаимодействия с созависимыми: системно-семейный анализ

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Роговая О.С.

Общество с ограниченной ответственностью «Веримед-М» (ООО «Веримед-М»), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6352-9125>, e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

Проблема зависимого поведения и поиска эффективных программ психосоциальной помощи остается актуальной. Существующая связь между нарушениями функционирования семьи и формированием зависимой личности обуславливает необходимость психокоррекционной работы с членами семьи. Однако позиция созависимых членов семьи аддикта часто сопряжена с сопротивлением изменениям в семейной ситуации. В статье проблема трудностей взаимодействия специалистов с созависимыми рассматривается через призму анализа системных семейных процессов и явлений. Выделены конкретные виды трудностей, обусловленные нарушениями в различных параметрах семейной системы. Анализ параметров семьи и средств регулирования внутри- и внесемейного взаимодействия показал скрытые аспекты сопротивления изменениям со стороны дисфункциональной семьи и расширил возможности по нивелированию ее влияния. По результатам проведенного анализа предложены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: созависимость, семейная система, зависимое поведение, психоактивные вещества, трудности взаимодействия.

Для цитаты: Миронова О.И., Роговая О.С. Трудности взаимодействия с созависимыми: системно-семейный анализ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 166–182. DOI:10.17759/psylaw.2023130213

Difficulties of Interaction with Codependents: System-Family Analysis

Oksana I. Mironova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Olga S. Rogovaya

LLC “Verimed-M”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6352-9125>, e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

The problem of addictive behavior and the search for effective psychosocial assistance programs remains relevant. The existing relationship between dysfunctions in the family and the formation of a dependent personality necessitates psycho-correctional work with family members. However, the position of co-dependent family members of an addict is often associated with resistance to change in the family situation. In the article, the difficulties in the interaction of specialists with co-dependents is considered through the prism of an analysis of systemic family processes and phenomena. Specific types of difficulties caused by violations in various parameters of the family system are highlighted. An analysis of family parameters and means of regulating intra- and extra-family interaction reveals hidden aspects of resistance to change on the part of a dysfunctional family and expands the possibilities for leveling its influence. Based on the results of the analysis, directions for further research are proposed.

Keywords: codependency, family system, addictive behavior, psychoactive substances, interaction difficulties. (In Russ.).

For citation: Mironova O.I., Rogovaya O.S. Difficulties of Interaction with Codependents: System-Family Analysis. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 166–182. DOI:10.17759/psylaw.2023130213 (In Russ.).

Введение

В России на сегодняшний день остается серьезной проблема зависимого поведения, продолжают исследования и разработки эффективных программ психосоциальной помощи, поскольку в последние годы отмечается рост зависимых от психоактивных веществ [7; 15], также рост количества преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения [5].

Зарубежными и отечественными учеными не раз отмечалось, что предикторами для формирования зависимой личности являются те или иные нарушения функционирования семьи, в частности, особенно подчеркивалась роль эмоциональной функции семьи [13; 23]. Биопсихосоциальный подход, постулирующий, что психический феномен и его нарушения не имеют смысла и реализации вне контекста внешней среды, действующей на человека [19], а также доказанное положительное влияние участия семьи на эффективность программ реабилитации [3; 34] обуславливают необходимость психокоррекционной работы с членами семьи.

Современные программы реабилитации зависимых предполагают работу с семейными процессами и психологическую поддержку созависимых [2; 31; 32]. Однако возможность попадания в программу реабилитации во многом зависит от позиции членов семьи аддикта по этому вопросу, и не всегда эта позиция лояльна и привержена изменениям в семейной ситуации. Трудности вовлечения членов семьи в процесс выздоровления и работы с их сопротивлением признаются специалистами различного профиля, работающими с дисфункциональными семьями (психологами, медицинскими и социальными работниками, сотрудниками правоохранительных органов и др.) [36]. Несмотря на высокую социальную значимость данного направления и разработанность психологического инструментария в плане диагностики и коррекции зависимостей, проблеме отсутствия мотивации созависимых членов се-

мей аддиктов на лечение не уделяется достаточного внимания. При создании специалистом индивидуальной траектории выздоровления пациента в беседе с членами его семьи о перспективах зависимости именно сопротивление семьи лечению, отказ от психотерапии и реабилитации, отказ принимать решения в принципе, стремление скрыть проблему, обесценивание существующей системы наркологической помощи, поиск «волшебной таблетки» или «волшебного доктора» и т. п. лишают специалистов возможности оказывать комплексную помощь зависимому клиенту и создают условия для повторных срывов, усугубления ситуации со здоровьем аддикта и в его семье.

Широкую известность в нашей стране и за рубежом приобрело мотивационное консультирование лиц, столкнувшихся с проблемным поведением (своим или членов семьи) [8; 16], однако клиентоцентрированность метода [11] не позволяет учитывать в полном объеме семейные процессы и феномены, влияющие на поведение созависимой личности. Как известно из представлений системного семейного подхода, семья как система первична по отношению к ее элементам, общее превалирует над частным. Тем более созависимая семья создает крайне прочные и высоко значимые связи «мы»-системы [13], и формирование предпосылок к изменениям сопряжено со специфичными трудностями взаимодействия, обусловленными нарушениями в семейной системе. Трудности взаимодействия в данном случае, с точки зрения теории затрудненного общения и социальной психологии вынужденных контактов [12; 18], предполагают, в первую очередь, невозможность выработки и достижения общей цели специалиста и созависимого, содержат конфликт между сопротивлением взаимодействию и осознанием его значимости, а также подразумевают трудности обнаружения психологических детерминант обращения семьи за помощью.

При работе с семьями системный подход лежит в основе многих видов вмешательства. Появившись в середине XX века, он предложил оригинальное понимание семейных процессов, используя общую теорию систем [4; 10]. В настоящее время идеи системного подхода соединяются с различными психологическими направлениями и традициями, образуя интегративный кластер методов психокоррекционной работы с семьей; например, одним из основных и наиболее целостных и востребованных направлений является когнитивно-бихевиоральная семейная терапия (КБСТ) [6].

Теоретико-методологическим фундаментом данного направления являются работы таких исследователей, как Г. Бейтсон, В. Сатир, К. Витакер, С. Минухин, Ч. Фишман, М. Боуэн, А.Я. Варга, Н.Л. Васильева, Н.Г. Гаранян, Е.В. Змановская, Н.М. Манухина, Т.Д. Марцинковская, Л.Б. Шнейдер, Э.Г. Эйдемиллер, Е.Т. Соколова, В.В. Столин, А.Б. Холмогорова, А.В. Черников, В.В. Юстицкис и др. Системный семейный подход базируется на основной идее, заключающейся в рассмотрении семьи как комплекса различных элементов, свойств, которые динамически связаны и имеют отношения друг с другом, при этом данные связи и отношения первичны относительно входящих в комплекс элементов. Имеется два основных закона, которые оказывают воздействие на функционирование семьи — это закон гомеостазиса (стремление к сохранению своего положения) и закон развития (прохождение своего жизненного цикла); живые системы определяются как сохраняющие себя или развивающиеся в направлении достижения состояния подвижного равновесия [4]; неспособность системы поддерживать равновесие приводит к ее дисфункции и разрушению.

Анализ работ, посвященных проблемам зависимости, созависимости, семейным системам показал дефицит эмпирических исследований и литературы в целом по системному семейному консультированию созависимых и преодолению трудностей взаимодействия с ними.

Цель исследования: провести теоретический обзор научных данных и выявить трудности взаимодействия специалистов с созависимыми через призму анализа системных семейных процессов и явлений.

Исследование

Феномен созависимости впервые привлек внимание ученых в контексте влияния поведения жен на алкоголизм их мужей и по большей части рассматривался сугубо как ситуативное семейное явление. Дальнейшие исследования привели к пониманию семейных истоков созависимости и системной причинности ее формирования [1; 13; 33]. Важнейшими предпосылками созависимости являются незавершенные сепарационные процессы детей от родителей, а также неудовлетворенность первичных потребностей в раннем возрасте. Проблемы во взаимоотношениях в семье родителей обуславливают нарушения развития личности, в частности, возникновение созависимости, которая, в свою очередь, транслирует и поддерживает дисфункциональные паттерны уже в своей семье и во взаимодействии с окружающими [23].

С точки зрения системного семейного подхода, термин «созависимость» определяет систему взаимоотношений, характеризующуюся своеобразными качествами, как внутри собственной структуры, так и во внешних для нее отношениях. К основным из них относятся: слитные отношения, без которых включенные в них лица не мыслят своего существования; внимание партнеров обращено друг на друга как на причину своего неблагополучия; размытость психологических границ [13]. В широком смысле созависимость — это эмоциональная зависимость одного человека от значимого для него Другого, где пространства для свободного развития личности не остается [9].

Модели системной семейной терапии, появившиеся в США в середине XX века, позволяют объяснить трудности взаимодействия с созависимыми, их отрицание проблем и сложность мотивирования к изменениям определенными системными нарушениями в семье.

Например, в теории М. Боуэна сопротивление созависимых лечению члена семьи с аддиктивным поведением может быть проявлением низкого уровня психологической дифференциации созависимого от семьи происхождения. По мнению М. Боуэна, эмоциональная независимость личности требует психологического отделения (дифференциации) от семьи, которое представляет собой автономное функционирование со способностью различать интеллектуальные и эмоциональные процессы [10; 26; 27]. «То есть хорошая дифференциация позволяет человеку размышлять о действиях и делать выбор, не поддаваясь эмоциональному влиянию других и не чувствуя себя ответственным или контролируемым другими. Люди с низким уровнем дифференциации психологически не отделились от родителей и сильно зависят от принятия и одобрения окружающих, что вынуждает их либо самих подстраиваться и делать и говорить то, что приятно другим, либо контролировать других с целью принуждения их подстроиться» [24, с. 604]. Психические и поведенческие изменения членов семьи при низкой дифференциации доказаны на уровне функционирования отделов головного мозга. Например, исследование Zielinski M., Bradshaw S.D. и др. (2022) членов семьи аддиктов указывает на положительную взаимосвязь между активацией префронтальной коры на образ близкого человека и слияния с другими [35]. Связь дифференциации Я с психологическим благополучием семьи аддикта наглядно демонстрирует концепцию зависимости как «семейной болезни».

Опираясь на модель функциональной семьи по С. Минухину, трудности взаимодействия с созависимыми можно объяснить, в первую очередь, проявлением в процессе общения нарушенных границ и ролевых дисфункций в семье созависимого. По мнению автора, дисфунк-

циональность семьи связана с размытостью границ и невозможностью членов семьи устанавливать безопасное психологическое расстояние между ними. Кроме того, каждая семья имеет уникальную структуру, состоящую из подсистем (мать и отец, отец и ребенок, мать и ребенок), и в случае родительской дисфункции ребенок преждевременно начинает выполнять родительскую роль и проявлять ожидаемую в этом случае от него заботу [10; 17; 26]. Согласно концепции С. Минухина, такие отношения воспроизводятся во взрослой жизни и становятся почвой для чрезмерной заботливости и гиперответственности, не позволяющие созависимым отпустить контроль и перепоручить заботу (в том числе лечение) о членах семьи посторонним.

В соответствии со взглядами представителей коммуникативно-гуманистического направления (В. Сатир, К. Витакер и др.), рассматривавших семью как систему вербальной и невербальной коммуникации, включающую роли, чувства, ценности, уважение, трудности взаимодействия с созависимыми подразумевают в первую очередь наличие в контакте со специалистом нарушений коммуникации, имеющих корни в семейной системе, например, запрет на чувства, закрытость эмоциональных проявлений, искажение «игр общения» и ролевых моделей, ограниченность и стереотипность ролевого репертуара [10; 26].

Разработка современных зарубежных моделей терапии зависимого поведения учитывает возникающие искажения вышеперечисленных явлений семейного контекста, препятствующие выздоровлению. Tambling R.R., Russell B. и др. в своей работе (2022) показали, что с помощью воздействия специалистов на феномены семейной системы (семейные роли, границы, функционирование и др.) возможен переход членов семьи аддикта от подхода, основанного на надзоре и разрешении, к роли слушателя, выстраивающего новые роли, которые реализуют открытое общение с зависимым, а также готовы совместно формулировать возможности для автономии и дифференциации, взаимно согласовывать структуры адекватного надзора (например, правила совместного проживания и доступ к финансовым ресурсам), что предоставляет семье необходимые ресурсы для адаптации к зависимости и создает условия для положительной динамики [34].

Отечественные подходы к изучению семейных систем базируются на разработках зарубежных авторов, при этом вносят свой весомый вклад не только в форме интегративных направлений (аналитико-системная семейная психотерапия Э.Г. Эйдемиллера и Н.В. Александровой, краткосрочная бифокальная семейно-групповая психотерапия М.Ю. Городновой и др.) [25], но и в синтезе различных взглядов на семейную систему с обобщением и систематизацией концептуального аппарата.

При проведении анализа трудностей взаимодействия с созависимыми использована одна из таких моделей — четырехаспектная модель семейной системы А.Б. Холмогоровой, в которой автором выделены следующие параметры семьи: 1) структура семьи (связь, иерархия, подсистемы внутренние и внешние границы и др.); 2) семейная микродинамика (роли, паттерны взаимодействия, стиль эмоциональной коммуникации, метакоммуникация, триангуляция и др.); 3) семейная макродинамика (история, сценарии, цикл развития, ресурсы и др.); 4) семейная идеология (правила, нормы, мифы, ценности, традиции и др.) [28].

Трудности взаимодействия с созависимыми могут быть классифицированы по четырем основным группам.

Группа I. Трудности, обусловленные нарушением структурных параметров семьи (сплоченности, иерархии, гибкости, границ)

Трудность 1. Невозможность обсуждения стационарного лечения зависимого члена семьи в силу слабой дифференцированности семьи и низкой автономности созависимого. В

дисфункциональной семье обращению за помощью препятствуют как симбиотические связи, так и разобщенность, но созависимость подразумевает все же в первую очередь вариант слияния.

В случае крайне высокой сплоченности членов семьи (на уровне запутанности по Д. Олсону) аргументация отказа от длительного лечения в стационаре, реабилитационном центре или иного вмешательства основывается на невыносимости расставания и нахождения зависимого отдельно от семьи, что проявляется, например, в высказываниях супруги алкозависимого: «какое лечение, он без меня очень скучает, он не выдержит». Также в этом случае, например, мать отказывается класть сына в наркологическую клинику или реабилитационный центр из-за возможных негативных реакций и непереносимости отвержения («он от нас откажется», «он не простит»). Говоря об особенностях таких сплоченных дисфункциональных семей, Н.И. Олифинович отмечает, что для таких семей характерны большие затраты энергии для того, чтобы сохранить единство членов; от них требуется эмоциональная близость и лояльность, а если кто-то из членов семьи отдаляется, то появляется реакция, похожая на реакцию ребенка, когда теряется объект привязанности, появляются пустота, одиночество, тревога, уменьшение собственного Я [22].

Трудность 2. Невозможность во взаимодействии с созависимым обнаружить или выстроить адекватную траекторию принятия решений в семье в силу инверсии или распада иерархии семьи. Поскольку иерархия характеризует отношения доминантности-подчинения в семье, включает такие аспекты, как авторитетность, степень влияния одного члена семьи на других, и обнаруживает способность членов семьи принимать решения и брать за них ответственность, здесь трудность взаимодействия заключается в том, что по причине слабости иерархии не обнаруживается влиятельный член семьи, и созависимый снимает с себя ответственность за принятие решений об изменениях в семье, перекладывает ее на другого человека (пациента, дальнего родственника и др.). В связи с этим специалист лишается возможности адресно мотивировать членов семьи. Также трудность взаимодействия с созависимыми проявляется в том, что власть находится у других конкретных членов семьи и при обсуждении проблемы они преподносятся как более авторитетные, более осведомленные и опытные в лечении зависимости, чем специалисты (например, супруга больного алкоголизмом заявляет, что «сама уже психолог», «мы столько всего перепробовали, что сами все знаем», «мой отец ходил на группы Анонимных алкоголиков, он говорит, что это бесполезно»). Кроме того, инверсия иерархии или ролей затрудняет конструктивное взаимодействие тем, что созависимый родственник в данном случае приобретает власть и авторитет, не свойственные его фактической роли (например, созависимая дочь становится родителем для своего страдающего алкоголизмом отца), и во взаимодействии проявляет гиперконтроль и недоверие специалистам.

Трудность 3. Невозможность созависимого действовать для изменения ситуации в семье в силу его включенности в коалицию (вертикальное объединение между членами подсистем), что сопровождается размытостью внутренних границ, часто наличием триангулируемого третьего. Например, существование коалиции «мать—злоупотребляющий алкоголем сын», необходимой для избегания необходимости налаживать отношения женщины с мужем, не позволит ей так же серьезным образом решать проблему сына и нарушать достигнутую стабильность. Также такая трудность создает опасность триангуляции специалиста и создания коалиции с созависимым в ущерб целям взаимодействия.

Трудность 4. Закрытость созависимого для обсуждения семейных проблем в силу жестких внешних границ семьи. Данное явление подразумевает чрезмерную закрытость семейной системы от внешних воздействий и утрату членами семьи внутренней автономии [17]. Во

взаимодействии со специалистами такие особенности могут проявляться в повышенной тревожности членов семьи, их страхе перед лечебными учреждениями, группами поддержки и любым вмешательством извне, затруднениях в установлении контактов, неумении их поддерживать, пользоваться их возможностями. Данные особенности минимизируют любые обмены с внешней средой, изолируют семью и затрудняют мотивирование созависимых членов семьи к изменениям.

Трудность 5. Неготовность семьи к изменениям в силу ригидности семейной системы. Ригидность проявляется в снижении способности семейной системы адаптироваться к изменениям внешней и внутрисемейной ситуации, в том числе к проблеме химической зависимости. Ригидность усиливает и фиксирует иерархизированность семьи, ограничивает количество изменений и возможность переговоров по этому поводу [22]. Ригидность становится благоприятной почвой для формирования отрицания зависимости как серьезной проблемы, что, в свою очередь, сохраняет стабильность семьи ценой снижения ее адаптивного потенциала [21]. В этом случае взаимодействие со специалистом затруднено тем, что созависимые родственники отрицают необходимость глобальных изменений или заявляют о неготовности к ним, обращаются к прошлому семьи, в котором проблема употребления не была такой серьезной («никогда к врачам не обращались, такой срыв в первый раз»), ссылаются на отказ наиболее статусного члена семьи от лечения.

Группа II. Трудности, обусловленные нарушением микродинамики семейной системы

Трудность 6. Проявление во взаимодействии со специалистом патологизирующих семейных ролей (козла отпущения, всеобщего утешителя, вечной жертвы, спасателя, тирана, любимчика, др.), исполнение созависимым подобной роли. Поскольку функция таких ролей — сохранение стабильности семейной системы, их наличие и невозможность члена семьи выйти из этой роли является затруднением при обсуждении решения проблемы алкоголизма или наркомании в семье. Например, при делегировании роли взрослого ребенку общение специалиста с супругой больного зависимостью малоэффективно, так как ответственность за гармонизацию внутрисемейной ситуации возложена этими супругами на своего ребенка. «Делегирование роли взрослого ребенку типично для семей с проблемой алкоголизации, где мама спасает папу и страдает, а ребенок ставится перед необходимостью быть маминной «опорой» — поддерживать ее, не огорчать, скрывая свои детские трудности. Нередко при этом ребенок используется («триангулируется») матерью для решения супружеских конфликтов: выдвигается как щит во время пьяных скандалов, делегируется для переговоров с отцом на следующее утро, чтобы «вразумить» его и т. д.» [28, с. 112]. Также нахождение зависимого в семье в роли «козла отпущения» смещает фокус с проблем отношений в семье на проблему употребления, создает вторичные выгоды и становится необходимым для семейного функционирования; нахождение супруги зависимого в роли «жертвы» не позволяет ей во взаимодействии со специалистом занять активную ответственную позицию и двигаться к изменениям в семейной ситуации и т. п.

Трудность 7. Наличие нарушений коммуникации в семье. В ситуациях, когда коммуникация в созависимой семье вместо прямых и ясных посланий базируется на косвенных сообщениях, манипуляциях, двойных посланиях, привлечении третьих лиц для передачи информации, взаимодействие со специалистом также может осложняться такими феноменами, как отказ членов семьи от коммуникации и обсуждения семейных проблем (в том числе, с применением грубой формы) [22]. Например, трудности взаимодействия здесь могут представлять собой искажение или замалчивание созависимым отдельных фактов об употреблении ПАВ членом семьи и его последствиях; преуменьшение тяжести проблемы; противоречия,

например, сообщения о тяжести ситуации безразличным тоном или рассказ об усталости от зависимого и необходимости решать его проблемы вместе с просьбой быть с ним все время на связи, одновременные высказывания о чрезвычайной серьезности проблемы и возможности ее преодоления в бытовых условиях («найдет новые интересы», «будет с внуками заниматься, пить будет некогда», «отвезем на дачу», «поживет со мной две недели» и т. п.), переменчивость мнения, смещение фокуса с поиска решения проблемы на «тупиковые», деструктивные темы (оскорбления зависимого пациента, обвинение себя и окружающих в алкоголизме или наркомании родственника, неоднократное озвучивание решения развестись без конкретных действий и т. д.), отказ от лечения в связи с необходимостью сокрытия проблемы зависимости от других членов семьи или работодателя. «Уход в болезнь» может проявляться отказом воспринимать информацию от специалиста или избирательным ее восприятием вследствие расстроенного душевного состояния, какого-либо заболевания, дефекта зрения, слуха и т. д. с выходом в отказ от лечения (например, мать больного наркоманией сообщает, что больше не может обсуждать лечение, так как ей нельзя нервничать из-за перенесенного инсульта, и поэтому забирает сына домой, где они с мужем присмотрят за ним).

Трудность 8. Деструктивные паттерны взаимодействия, или вытекающие из ролей устойчивые коммуникативные стереотипы: высмеивание, обесценивание, унижение и т. д. Во взаимодействии со специалистом это проявляется особенностью предъявления созависимым семейной проблемы через ее высмеивание, обесценивание чувств и переживаний членов семьи аддикта, что маскирует глубинное недовольство, обиды, эмоциональные проблемы семьи и мешает осознанию сложившейся ситуации и ее последствий. Важную роль играет стиль эмоциональной коммуникации в семье зависимого с преобладанием негативных эмоций и наличием запрета на открытое выражение чувств. Такой стиль обнаруживает себя во взаимодействии с созависимыми трудностями обсуждения и названия чувств, обесцениванием мира эмоций, критикой, угрозами и др. Подобный подход семьи к проблеме и личности зависимого увеличивает тревогу, агрессию, страхи, напряжение в отношении проблемы, снижает самооценку членов семьи и веру в положительный исход болезни [25; 30].

Трудность 9. Отсутствие у созависимого навыков адекватной метакоммуникации, неумение обсуждать и осмысливать проблему зависимости в семье. Такая трудность взаимодействия в какой-то степени является следствием ранее указанных трудностей, в частности, замалчивания проблем, наличия запрета на открытое проявление чувств и т. п., также влияние оказывают и мифы, например о том, что любящие и по-настоящему близкие люди должны понимать друг друга без слов.

Группа III. Трудности взаимодействия, связанные с нарушениями на уровне макродинамики семьи

Трудность 10. Наличие исторических, сценарных конструкций в семье, поддерживающих паттерн «зависимости—созависимости», препятствующих лечению, обращению за помощью. Эти параметры исследователи называют защитными, так как их функция «...заключается в поддержании целостности и стабильности семейной системы путем препятствия осознанию ее членами отвергаемых о ней представлений» [20, с. 34]. Проблематика зависимости и способов справиться с ней находит отражение в семейной истории, формируя сценарии отношений с зависимым членом семьи. Например, женщина, будучи дочерью больного алкоголизмом отца и имевшая созависимую мать (защищавшую и оправдывавшую мужа перед окружающими, приводившую его дома в трезвое состояние, разрешавшую его конфликты), создает свою семью с зависимым и действует в рамках имеющегося сценария: звонит его начальнику с просьбами дать отпуск за свой счет, оправдывает запои, занимается

«лечением» супруга домашними средствами (разбавляет алкоголь в попытке уменьшить дозу, дает психотропные препараты, отпаивает бульонами и т. д.). Особенно сильны подобные сценарии при низком уровне дифференциации с родительской семьей. Также, в соответствии со взглядами Э.Г. Эйдемиллера, химическая зависимость одного из членов семьи может быть темой, определяющей способ организации жизненных событий и внешне проявляющейся в стереотипах поведения, которые воспроизводятся из поколения в поколение, т. е. по сути несущей стержневую нагрузку в жизни семьи и, соответственно, мало подверженной изменениям без соответствующей глубинной психотерапевтической работы [25; 30]. Трудности взаимодействия с созависимыми в этом ключе представляют собой проявление в первую очередь сценариев и мифов, направленных на сохранение в семье ситуации с употреблением ПАВ. Во взаимодействии со специалистами наблюдаются противоречивые заявления о наличии проблемы и одновременно стремление оправдать запой супруга вескими причинами (при невозможности осознать и разрешить эти противоречия), а также приоритет опыта семьи в решении проблемы.

Трудность 11. Отсутствие или слабость ресурсов семьи для изменений. Проявляется это в высказываниях созависимых о том, что больше нет ни сил, ни средств решать проблему, о дистанцировании и отказе других членов семьи подключаться к поиску решения. В работах по изучению преодоления неблагоприятных жизненных событий в семье исследователями отмечается необходимость умения членов семьи оперировать семейными ресурсами. «Ввиду широты, универсальности и масштабности понятия “ресурсы” семьи они позволяют охарактеризовать семью как систему, играя для нее защитную и компенсаторную роль, одновременно являясь индикаторами ее жизнеспособности» [14, с. 46—47]. В дисфункциональной семье психологические ресурсы не сбалансированы с уровнем стресса, который испытывают близкие аддикта, и в силу слабой дифференциации могут быть равно истощены у всех членов семьи. При этом социальные ресурсы, как правило, не доступны, так как семья зависимого изолируется от окружения, социальных институтов и служб, скрывает проблему, избегает обращения за помощью, обесценивает работу специалистов и пр. Финансовые ресурсы, если речь идет о давней проблеме употребления психоактивных веществ, также истощены, поскольку сопряжены с микрокредитами, займами и т. д. Разрешение подобных трудностей движется в направлении демонстрации членам семьи их самоограничивающего поведения, формирования или восполнения ресурсов (работе с отрицанием, коммуникацией и др.), опоре на сильные стороны семьи (возможность открытого обсуждения проблемы, любовь и заинтересованность друг в друге и др.).

Группа IV. Трудности, обусловленные спецификой семейной идеологии (норм, правил, традиций, мифов и др.)

Трудность 12. Прямая трансляция семейных норм и ценностей, основанных на лояльном отношении к употреблению алкоголя, «культуры питания», традиций, связанных с сопровождением жизненных событий алкоголем. Например, супруга пациента, больного алкоголизмом, объясняет отказ от лечения предстоящей обязательной семейной поездкой в отпуск, где «он захочет расслабиться», а паттерн регулярного употребления — традицией совместных ужинов с бутылкой вина. Сюда же относятся представления о том, что немного алкоголя полезно для здоровья или что в жизни нужно попробовать все, и пробы наркотиков для молодежи — это нормально («кто в молодости не курил травку»). Созависимые члены семьи могут оправдывать употребление различными событиями (праздники, свадьба, похороны, встреча с давним другом и т. п.). Ритуалы тесно связаны с семейной идентичностью, и их изменения могут быть фундаментальными, так как затрагивают образ семьи, к чему члены се-

мы зачастую не готовы. Если норма заключается в том, что деньги в семью приносит мужчина, жена отказывается от стационарного лечения алкоголизма мужа с формулировкой «а кто будет зарабатывать?». Если принято, что в семье все решает мужчина, на его мнение о болезни и лечении будет полагаться вся семья, несмотря на появление у него уже психических нарушений в результате наркомании. Кроме того, на трудности во взаимодействии могут влиять скрытость или отсутствие правил. Незнание или изменчивость правил усиливают тревогу и страх перемен в семейной ситуации, так как члены семьи не обладают полной информацией о правилах и последствиях их нарушения, поэтому вмешательство специалистов (психологов, социальных работников) с неизвестным результатом может восприниматься как угроза психологическому благополучию семьи. Вместе с тем наличие члена семьи с химической зависимостью повышает тревогу и усиливает ритуализацию и ригидность семейных норм (что помогает создать предсказуемую среду существования). Принятые в семье способы обсуждения проблем или проявления эмоций становятся жесткими, подчиняя созависимых членов семьи и затрудняя внесение изменений в жизнь семьи.

Трудность 13. Трудности, обусловленные семейными мифами. Иллюстративной может стать формула мифа «в нашей семье так принято», т. е. это правила, существующие «сами по себе», не осознаваемые и не требующие объяснения. «Семейный миф выявляется через паттерн функционирования... гештальт отношений, структурированный и вовлекающий всех членов семьи» [29, с. 35—36]. Мифы проявляются, например, в невозможности специалиста при обсуждении вопросов лечения зависимости обойти убежденность родственников в том, что «женщины в нашем роду сильные, мы никогда не просили о помощи», «наша семья очень дружная, вместе мы — сила» и т. п., поддерживающую замкнутость семейной системы на себе, повышающую ее ригидность и исключаящую возможность лечения зависимости в профильных учреждениях. Также вследствие мифа благородного происхождения и принадлежности к особой категории людей специалист может столкнуться с отказом родственников ставить своего зависимого члена семьи в один ряд с другими созависимыми, принимать проявления зависимости как свойственные всем страдающим этой болезнью и, соответственно, лечить традиционными методами; здесь речь идет об объяснении зависимости незаурядностью ума или особенностями характера пациента, непонятностью, непризнанностью, нереализованностью и т. д. Миф принадлежности к особой категории создает и трудности подбора вариантов лечения и среды выздоровления, поскольку для таких членов семьи неприемлемо нахождение зависимого среди других созависимых с более выраженными нарушениями, алкозависимого — среди наркозависимых, бизнесмена или доктора наук — среди людей рабочих профессий и т. п. (например, отец, будучи состоятельным бизнесменом, категорически возражает против посещения сыном групп сообщества анонимных алкоголиков, так как «это не его контингент»).

Некоторые авторы отдельно подчеркивают работу механизмов функционирования семьи. «Механизмы функционирования семьи, в узком смысле, — это средства регулирования внутри- и внесемейного взаимодействия» [22, с. 8]. Таким образом, их нарушения влияют на возможности эффективного взаимодействия семьи с окружением. Наиболее вероятно то, что трудности взаимодействия обусловлены преобладанием механизмов стабилизации, идентификации, изоляции, интеграции (в противовес механизмам развития, разотождествления, диффузии, дифференциации). Например, несмотря на разъяснительную работу врачей, психологов, социальных педагогов, на объективное ухудшение жизни с зависимым членом семьи (учащение запоев, потеря работы, конфликты, побои, материальный ущерб, сужение круга общения, снижение социальной активности и др.) происходит «топтанье на месте»,

многократное повторение ситуации с обращением в клиники и обсуждением проблемы зависимости. При каждом поступлении пациента с запоем родственники демонстрируют стереотипное поведение: сообщают одну и ту же информацию, используют те же высказывания и аргументы («так сложились обстоятельства», «его спровоцировали», «я с ним разведусь» и др.), каждый раз слушают информацию от специалистов как впервые, снова и снова берут деньги в долг или оформляют кредит на кратковременную помощь (только снятие абстиненции) и т. д. Здесь можно говорить о том, что доминирующие механизмы стабилизации, интеграции удерживают членов семьи от радикальных шагов, и их позиция в отношении болезни не меняется. Дополнительно механизм изоляции способствует «закрытию» семьи от внешних воздействий, что проявляется в отказе от общения, игнорировании и т. д. Трудности, обусловленные механизмом интеграции, также связаны с вовлечением специалиста в качестве триангулируемого третьего в отношения между зависимым и созависимым членами семьи (когда специалист становится посредником в общении, берет на себя роль спасателя, сокращает психологическую дистанцию и пр.).

Таким образом, приведенные параметры семейной системы обнаруживают особенности взаимодействия с созависимыми в условиях реализации специалистом своих профессиональных задач и указывают на дисфункции, сдерживающие процесс изменений в созависимой семье и нуждающиеся в коррекционном воздействии.

Выводы

Обращение к проблеме зависимости по-прежнему актуально в современном обществе. Необходимое участие созависимых членов семьи в программе реабилитации зависимых, а также принятие необходимых решений о лечении аддикта не всегда возможны в силу определенных дисфункциональных явлений в семье.

В ходе обзора отечественных и зарубежных исследований выявлены широкий пласт работ в области системного семейного подхода и дефицит эмпирических исследований по системному семейному консультированию созависимых и преодолению трудностей взаимодействия с ними.

В результате проведенного исследования достигнута поставленная цель — выявлены трудности взаимодействия специалистов с созависимыми и раскрыто их психологическое содержание с помощью анализа системных семейных процессов и явлений. Предложено понимание трудностей взаимодействия как невозможности выработки и достижения общей цели специалиста и созависимого, при наличии конфликта между сопротивлением взаимодействию и осознанием его значимости и затруднений в обнаружении психологических детерминант обращения семьи за помощью. В ходе анализа выделены трудности взаимодействия во всех параметрах семейной системы: в структуре семьи, микро- и макродинамике, идеологии. Слабая дифференциация, инверсии иерархии, жесткие внешние границы, ригидность семейной системы, нарушения коммуникации, деструктивные паттерны взаимодействия, слабость ресурсов семьи для изменений и другие явления в конечном итоге работают на сохранение в семье ситуации с употреблением психоактивных веществ. Указанные группы трудностей имеют конкретные поведенческие проявления и проиллюстрированы примерами из практики. Анализ параметров семьи и средств регулирования внутри- и внесемейного взаимодействия позволяет увидеть теневые аспекты сопротивления изменениям со стороны дисфункциональной семьи и расширяет возможности по нивелированию ее влияния.

Перспективы дальнейших исследований могут быть сфокусированы на вопросах диагностики приемов и техники преодоления трудностей взаимодействия с созависимыми у раз-

личных категорий специалистов, создании типовых и индивидуальных программ подготовки специалистов к деятельности с созависимыми, разработки лекционных курсов по социальной психологии, психологии конфликта, трудных ситуаций. Также исследования, безусловно, должны проводиться в направлении разработки непосредственно инструментария преодоления выявленных трудностей; предполагается создание методического комплекса, который поспособствует формированию навыков преодоления трудностей взаимодействия у различных категорий специалистов, работающих с созависимыми.

Литература

1. Артемцева Н.Г. Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: Институт психологии РАН, 2017. 227 с.
2. Архипова М.В., Максимова О.В., Геронимус И.А. Системная семейная терапия в рамках программы реабилитации людей, страдающих от химической зависимости: опыт работы в клинике [Электронный ресурс] // Психология и психотерапия семьи. 2020. № 2. С. 21–29. doi:10.24411/2587-6783-2020-10010
3. Берёза Ж.В. Исследование феномена созависимости в системе семейных взаимоотношений больных опийной наркоманией: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2019. 19 с.
4. Берталанфи фон Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 20–37.
5. Власова Н.В., Лановая А.М. Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 208–220. doi:10.17759/psylaw.2021110215
6. Даттилио Ф.М. Когнитивно-бихевиоральные техники и системная семейная терапия [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 3. С. 58–68. doi:10.17759/cpp.2021290305
7. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс] // Астраханская область портал органов власти. URL: <https://adm.astrobl.ru/storage/documents/226926/Доклад-о-наркоситуации-в-РФ-в-2021-году.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
8. Дроздова Л.Ю., Лиценко О.В., Драпкина О.М. Технологии мотивационного консультирования [Электронный ресурс] // Профилактическая медицина. 2020. Том 23. № 2. С. 97–101. doi:10.17116/profmed20202302197
9. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб: Речь, 2014. 320 с.
10. Змановская Е.В. Психология семьи. Основы супружеского консультирования и семейной психотерапии: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2019. 378 с.
11. Коротина О.В. Базовые стратегии и технологии ведения мотивационной работы с наркологическими пациентами // Наркология. 2017. № 11 (191). С. 63–73.
12. Лабунская В.А., Менджерщукская К.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 288 с.
13. Манухина Н.М. Созависимость глазами системного терапевта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Независимая фирма «Класс», 2017. 336 с.

14. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность семьи с позиции организационной теории А.А. Богданова [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 41–55. doi:10.17759/sps.2021120203
15. МВД отметило рост зависимых от новых психоактивных веществ [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200215/1564813933.html> (дата обращения: 15.03.2023).
16. *Миллер У.Р., Роллник С.* Мотивационное консультирование: как помочь людям измениться. М.: Эксмо, 2019. 544 с.
17. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2012. 304 с.
18. *Миронова О.И.* Социально-психологическая концепция вынужденных контактов: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2014. 42 с.
19. *Незнанов Н.Г., Рукавишников Г.В., Касьянов Е.Д., Филиппов Д.С., Кибитов А.О., Мазо Г.Э.* Биопсихосоциальная модель в психиатрии как оптимальная парадигма для современных биомедицинских исследований [Электронный ресурс] // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 3–15. doi:10.31363/2313-7053-2020-2-3-15
20. *Николс М., Шварц Р.* Семейная терапия. Концепции и методы. М.: ЭКСМО, 2004. 960 с.
21. *Олифирович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф.* Психология семейных кризисов. СПб: Речь, 2006. 360 с.
22. *Олифирович Н.И., Велента Т.Ф.* Анализ функциональных показателей семейной системы // Журнал практической психологии и психоанализа. 2011. № 3.
23. *Осинская С.А., Кравцова Н.А.* Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2016. Том 12. № 1. С. 42–56.
24. *Роговая О.С.* Трудности взаимодействия с созависимыми как объект исследований в психологической науке // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований: Материалы Международной научно-практической конференции «XVI Левитовские чтения», Москва, 14–15 апреля 2021 года. М.: МГОУ, 2021. С. 601–607.
25. Семейная психотерапия и клиническая психология семьи: традиции и современное состояние / Эйдемиллер Э.Г. [и др.] [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. № 6 (29). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_6_29/nomer/nomer03.php (дата обращения: 15.03.2023).
26. Системная психотерапия супружеских пар / Авт.-сост. А.Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2017. 342 с.
27. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2022. 496 с.
28. *Холмогорова А.Б.* Научные основания и практические задачи семейной психотерапии [Электронный ресурс] // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 1. С. 93–119. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2002_n1/771 (дата обращения: 15.03.2023).
29. *Шутценбергер А.А.* Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Психотерапия, 2011. 254 с.
30. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.* Психология и психотерапия семьи. СПб: Питер, 1999. 651 с.

31. Bradshaw S.D., Shumway S.T., Kimball T.G. Associations Between SUD in the Family, PFC Functioning, and Codependency: Importance of Family Member Recovery // *Family Resilience and Recovery from Opioids and Other Addictions. Emerging Issues in Family and Individual Resilience* / Croff J.M., Beaman J. (eds). Springer Cham, 2021. P. 145–168. doi:10.1007/978-3-030-56958-7_8
32. Coffman E., Swank J. Attachment Styles and the Family Systems of Individuals Affected by Substance Abuse // *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*. 2021. Vol. 29(1). P. 102–108. doi:10.1177/1066480720934487
33. Costa C.M.R.F., Oliveira-Monteiro N.R. Codependency, psychological problems and time of exposure to parents with a history of psychoactive substance dependence: appointments // *Contextos Clínic*. 2020. Vol. 13(3). P. 724–739.
34. Tambling R.R., Russell B., D'Aniello C. Where is the Family in Young Adult Substance Use Treatment? The Case for Systemic Family Therapy for Young Adults with Substance Use Disorders // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2022. Vol. 20(3). P. 1659–1670. doi:10.1007/s11469-020-00471-1
35. Zielinski M. et al. Differentiation of Self in Family Members' of SUD Loved Ones: An Analysis of Prefrontal Cortex Activation // *Contemporary Family Therapy*. 2022. Vol. 44(2). P. 250–266. doi:10.1007/s10591-022-09639-4
36. Zvonarev V. Psychotherapeutic aspects of domestic violence and child abuse. The relationship of violence with co-dependent relationships: specifics of motivational interviewing application // *European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 1. P. 98–109.

References

1. Artemtseva N.G. Fenomen sozavisimosti: obshchee, tipologicheskoe, individual'noe. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017. 227 p. (In Russ.).
2. Arkhipova M.V., Maksimova O.V., Geronimus I.A. Sistemnaya semeinaya terapiya v ramkakh programmy reabilitatsii lyudei, stradayushchikh ot khimicheskoi zavisimosti: opyt raboty v klinike [The family system therapy on different stages of rehabilitation process: experience of working in rehab center] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i = Family Psychology and Psychotherapy*, 2020, no. 2, pp. 21–29. doi:10.24411/2587-6783-2020-10010 (In Russ.).
3. Bereza Zh.V. Issledovanie fenomena sozavisimosti v sisteme semeinykh vzaimootnoshenii bol'nykh opiinoy narkomaniei: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. Saint Petersburg, 2019. 19 p. (In Russ.).
4. Bertalanffy von L. Istoriya i status obshchei teorii sistem [The History and the Status of General System Theory]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik = Systems Research. Yearbook*. Moscow: Nauka, 1973, pp. 20–37. (In Russ.).
5. Vlasova N.V., Lanovaya A.M. Osobennosti samoregulyatsii muzhchin s alkohol'noi zavisimost'yu [Self-Control Peculiarities of Men with Alcohol Dependence] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 208–220. doi:10.17759/psylaw.2021110215 (In Russ.).
6. Dattilio F.M. Kognitivno-bikhevioral'nye tekhniki i sistemnaya semeinaya terapiya [Cognitive-Behavioral Techniques and Family System Therapy] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 3, pp. 58–68. doi:10.17759/cpp.2021290305 (In Russ.).
7. Doklad o narkosituatsii v Rossiiskoi Federatsii v 2021 godu [Elektronnyi resurs]. *Astrakhanskaya oblast' portal organov vlasti*. URL:

<https://adm.astrobl.ru/storage/documents/226926/Doklad-o-narkosituatsii-v-RF-v-2021-godu.pdf>
(Accessed 20.03.2023). (In Russ.).

8. Drozdova L.Yu., Lishchenko O.V., Drapkina O.M. Tekhnologii motivatsionnogo konsul'tirovaniya [Technologies of motivational counseling] [Elektronnyi resurs]. *Profilakticheskaya meditsina = The Russian Journal of Preventive Medicine*, 2020. Vol. 23, no. 2, pp. 97–101. doi:10.17116/profmed20202302197 (In Russ.).
9. Emel'yanova E.V. Krizis v sozavisimyykh otnosheniyakh. Printsipy i algoritmy konsul'tirovaniya. Saint Petersburg: Rech', 2014. 320 p. (In Russ.).
10. Zmanovskaya E.V. Psikhologiya sem'i. Osnovy supruzheskogo konsul'tirovaniya i semeinoi psikhoterapii: Uchebnoe posobie. Moscow: INFRA-M, 2019. 378 p. (In Russ.).
11. Korotina O.V. Bazovye strategii i tekhnologii vedeniya motivatsionnoi raboty s narkologicheskimi patsiyentami [Basic strategies and techniques of doing motivational work in patients with psychoactive substance abuse]. *Narkologiya = Narcology*, 2017, no. 11 (191), pp. 63–73. (In Russ.).
12. Labunskaya V.A., Mendzheritskaya K.A., Breus E.D. Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrektsiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2001. 288 p. (In Russ.).
13. Manukhina N.M. Sozavisimost' glazami sistemnogo terapevta. 2nd ed. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2017. 336 p. (In Russ.).
14. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' sem'i s pozitsii organizatsionnoi teorii A.A. Bogdanova [Family Resilience from the Perspective of A.A. Bogdanov' Organizational Theory] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 41–55. doi:10.17759/sps.2021120203 (In Russ.).
15. MVD otmetilo rost zavisimyykh ot novyykh psikhoaktivnykh veshchestv [Elektronnyi resurs]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20200215/1564813933.html> (Accessed 15.03.2023). (In Russ.).
16. Miller W.R., Rollnick S. Motivatsionnoe konsul'tirovanie: kak pomoch' lyudyam izmenit'sya [motivational interviewing]. Moscow: Eksmo, 2019. 544 p. (In Russ.).
17. Minuchin S., Fishman Ch. Tekhniki semeinoi terapii [Family therapy techniques]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2012. 304 p. (In Russ.).
18. Mironova O.I. Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya vynuzhdennykh kontaktov: Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk. Moscow, 2014. 42 p. (In Russ.).
19. Neznanov N.G., Rukavishnikov G.V., Kas'yanov E.D., Filippov D.S., Kibitov A.O., Mazo G.E. Biopsikhosotsial'naya model' v psikhiiatrii kak optimal'naya paradigma dlya sovremennykh biomeditsinskikh issledovaniy [Biopsychosocial model in psychiatry as an optimal paradigm for relevant biomedical research] [Elektronnyi resurs]. *Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoi psikhologii imeni V.M. Bekhtereva = V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2020, no. 2, pp. 3–15. doi:10.31363/2313-7053-2020-2-3-15 (In Russ.).
20. Nichols M.P., Schwartz R.C. Semeinaya terapiya. Kontseptsii i metody [Family Therapy. Concepts and Methods]. Moscow: EKSMO, 2004. 960 p. (In Russ.).
21. Olifirovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. Psikhologiya semeinykh krizisov. Saint Petersburg: Rech', 2006. 360 p. (In Russ.).
22. Olifirovich N.I., Velenta T.F. Analiz funktsional'nykh pokazatelei semeinoi sistemy. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza = Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, 2011, no. 3. (In Russ.).
23. Osinskaya S.A., Kravtsova N.A. Sistemnaya determinatsiya sozavisimosti: nekotorye podkhody k ob'yasneniyu fenomena [Systematic determination of codependence: some approaches

to the phenomenon explanation]. *Vestnik psikhiatrii i psikhologii Chuvashii = The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 42–56. (In Russ.).

24. Rogovaya O.S. Trudnosti vzaimodeistviya s sozavisimymi kak ob"ekt issledovaniya v psikhologicheskoi nauke. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologopedagogicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovaniy: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "XVI Levitovskie chteniya"*, Moskva, 14–15 aprelya 2021 goda. Moscow: MGOU Publ., 2021, pp. 601–607. (In Russ.).

25. Eidemiller E.G. et al. Semeinaya psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya sem'i: traditsii i sovremennoe sostoyanie [Elektronnyi resurs]. *Medsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical Psychology in Russia*, 2014, no. 6 (29). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_6_29/nomer/nomer03.php (Accessed 15.03.2023).

26. Varga A.Ya. Sistemnaya psikhoterapiya supruzheskikh par. Moscow: Kogito-Tsentr, 2017. 342 p. (In Russ.).

27. Teoriya semeinykh sistem Myurreya Bouena: Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika. Moscow: Kogito-Tsentr, 2022. 496 p. (In Russ.).

28. Kholmogorova A.B. Nauchnye osnovaniya i prakticheskie zadachi semeinoi psikhoterapii [Elektronnyi resurs]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal = Moscow Psychotherapeutic Journal*, 2002, no. 1, pp. 93–119. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2002_n1/771 (Accessed 15.03.2023). (In Russ.).

29. Schützenberger A.A. Sindrom predkov: Transgeneratsionnye svyazi, semeinye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy [Aïe, mes aïeux!]. Moscow: Psikhoterapiya, 2011. 254 p. (In Russ.).

30. Eidemiller E.G., Justickis V.V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. Saint Petersburg: Piter, 1999. 651 p. (In Russ.).

31. Bradshaw S.D., Shumway S.T., Kimball T.G. Associations Between SUD in the Family, PFC Functioning, and Codependency: Importance of Family Member Recovery. In Croff J.M., Beaman J. (eds). *Family Resilience and Recovery from Opioids and Other Addictions. Emerging Issues in Family and Individual Resilience*. Springer Cham, 2021, pp. 145–168. doi:10.1007/978-3-030-56958-7_8

32. Coffman E., Swank J. Attachment Styles and the Family Systems of Individuals Affected by Substance Abuse. *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*, 2021. Vol. 29, no. 1, pp. 102–108. doi:10.1177/1066480720934487

33. Costa C.M.R.F., Oliveira-Monteiro N.R. Codependency, psychological problems and time of exposure to parents with a history of psychoactive substance dependence: appointments. *Contextos Clínic*, 2020. Vol. 13, no. 3, pp. P. 724–739.

34. Tambling R.R., Russell B., D'Aniello C. Where is the Family in Young Adult Substance Use Treatment? The Case for Systemic Family Therapy for Young Adults with Substance Use Disorders. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2022. Vol. 20, no. 3, pp. 1659–1670. doi:10.1007/s11469-020-00471-1

35. Zielinski M. et al. Differentiation of Self in Family Members' of SUD Loved Ones: An Analysis of Prefrontal Cortex Activation. *Contemporary Family Therapy*, 2022. Vol. 44, no. 2, pp. 250–266. doi:10.1007/s10591-022-09639-4

36. Zvonarev V. Psychotherapeutic aspects of domestic violence and child abuse. The relationship of violence with co-dependent relationships: specifics of motivational interviewing application. *European Journal of Humanities and Social Sciences*, 2019, no. 1, pp. P. 98–109.

Миронова О.И., Роговая О.С.
Трудности взаимодействия с созависимыми:
системно-семейный анализ
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 166–182.

Mironova O.I., Rogovaya O.S.
Difficulties of Interaction with Codependents:
System-Family Analysis
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 166–182.

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, доцент, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Роговая Ольга Степановна, клинический психолог, Общество с ограниченной ответственностью «Веримед-М» (ООО «Веримед-М»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6352-9125>, e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Olga S. Rogovaya, Clinical Psychologist, LLC “Verimed-M”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6352-9125>, e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

Получена 25.04.2023
Принята в печать 25.05.2023

Received 25.04.2023
Accepted 25.05.2023

Профессиональные деформации педагогов и девиации учащихся в период глобального кризиса: психологическая диагностика, профилактика, коррекция

Митин Г.В.

Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3124-0352>, e-mail: meetingv@gmail.com

Митина Л.М.

Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8407-0978>, e-mail: mitinalm@mail.ru

Востокова Ю.И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»), г. Арзамас, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5265-686X>, e-mail: vostokova_julia@mail.ru

Статья посвящена изучению и разработке технологий профилактики и коррекции профессиональных деформаций педагогов, обуславливающих проявления девиантных форм поведения учащихся. Представлены материалы теоретико-эмпирического исследования, состоящего из констатирующего и формирующего экспериментов. Констатирующее исследование было направлено на изучение личностно-профессионального развития и проявлений профессиональных деформаций у учителей ($n=90$), индивидуальных особенностей и показателей девиантного поведения учеников ($n=125$); сравнительный анализ результатов исследования учителей и учащихся до кризиса (2018 г.) и в период кризиса (до настоящего времени). Формирующий эксперимент представлял собой лонгитюд 2018—2022 гг., в котором приняли участие студенты направления «Педагогическое образование» ($n=107$). Полученные результаты доказывают эффективность внедренной технологии личностно-профессионального развития, которая способствует актуализации рефлексивного ресурса как психологического средства профилактики и коррекции профессиональных деформаций учителей и девиаций учащихся.

Ключевые слова: личностно-профессиональное развитие, профессиональные деформации, девиации подростков, технология развития рефлексивного ресурса.

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

Для цитаты: Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И. Профессиональные деформации педагогов и девиации учащихся в период глобального кризиса: психологическая диагностика, профилактика, коррекция [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205. DOI:10.17759/psylaw.2023130214

Professional Deformations of Teachers and Deviations of Students During the Global Crisis: Psychological Diagnosis, Prevention, Correction

Georgy V. Mitin

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3124-0352>, e-mail: meetingv@gmail.com

Larisa M. Mitina

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8407-0978>, e-mail: mitinalm@mail.ru

Julia I. Vostokova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5265-686X>, e-mail: vostokova_julia@mail.ru

The article is devoted to the study and development of technologies for the prevention and correction of professional deformations of teachers that cause the manifestations of deviant forms of behavior of students. The materials of theoretical and empirical research consisting of ascertaining and forming experiments are presented. The ascertaining study was aimed at studying the personal and professional development and manifestations of professional deformations of teachers (n = 90), individual characteristics and indicators of deviant behavior of students (n = 125); comparative analysis of the results of the study of teachers and students before the crisis (2018) and during the crisis (until now), the formative experiment was a longitudinal study of 2018-2022, in which students of the Pedagogical Education direction took part (n=107). The results obtained prove the effectiveness of the implemented technology of personal and professional development, which contributes to the actualization of the reflexive resource as a psychological means of prevention and correction of professional deformations of teachers and deviations of students.

Keywords: personal and professional development; professional deformations; deviations teenagers; technology of reflexive resource development.

For citation: Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I. Professional Deformations of Teachers and Deviations of Students During the Global Crisis: Psychological Diagnosis, Prevention, Correction. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205. DOI:10.17759/psylaw.2023130214 (In Russ.).

Введение

Профессиональное развитие педагога осуществляется в том мире, в то время и в том обществе, в котором он живет. Успех попыток педагога наметить стратегию собственного развития, реализовать свой потенциал зависит от многих факторов, которые можно разделить на внешние и внутренние.

Остановимся на внутренних. Внутренние условия основываются на идее максимально возможной опоры на саморазвитие и самоорганизацию, предполагающие максимально эффективное использование педагогом всей совокупности своих сил, навыков, личностных качеств и иных ресурсов, способствующих позитивному развитию учащихся, сохранению их физического, психического здоровья и благополучия, особенно в период кризисов.

В психодинамических и экзистенциальных теориях считается, что триггером развития и роста человека непременно является тот или иной глубокий кризис, переломный момент.

Результаты наших исследований показали, что деятельность педагога, обусловленная решением внутриличностных противоречий и конфликтов, как движущих сил профессионального развития педагога, не всегда предусматривает экстремальные условия и может осуществляться при их отсутствии [19]. Вместе с тем эмпирические данные о личностно-профессиональном развитии педагогов, способных создать психологически благоприятную/неблагоприятную образовательную среду в период глобального кризиса, практически отсутствуют.

Глобальный кризис последнего времени — пандемия COVID-19, карантин и изоляция, военные операции и санкции, частичная мобилизация, финансовые трудности и ожидание экономического коллапса — серьезный вызов для психики любого человека: детей, молодежи, взрослых, особенно для педагогов, ответственных не только за себя, но и за судьбы подрастающего поколения. Неопределенность, нестабильность, невозможность прогноза будущего, мощное и хаотичное информационное воздействие, высокие риски жизненных и профессиональных крушений, разрушение привычного уклада жизни педагога затронули потребности разных уровней: от витальных до высших, усилив изменения, сопровождающие профессиональную деятельность педагога (астения, выгорание, пассивность, стагнация), — то, что относится к профессиональным деформациям личности.

К этому необходимо добавить экзистенциальный вакуум педагога, связанный с утратой целей, ценностей, смыслов, жизненно важных интересов, что вызывает страх, стресс, тревогу, психические и психосоматические расстройства [1; 15; 30 и др.].

Перед педагогом встают острые вопросы: как не поддаться панике самому и вселить уверенность и надежду в своих подопечных? Как адекватно реагировать на происходящие изменения в новой реальности? Как понять, в каком направлении перенастроить и оптимизировать педагогический процесс, создавая благоприятную образовательную среду для учащихся в условиях глобального кризиса?

В последнее время возникает особая проблема — выход из дистанционного обучения, так как период вынужденного карантина привел к формированию у учащихся таких черт характера, как безответственность, неорганизованность, расхлябанность, недисциплинированность, и усиление таких психологических барьеров развития личности, как выученная беспомощность, прокрастинация, маргинализация сознания, и таких характеристик девиаций, как агрессивность, жестокость, психологическая и физическая травля [23; 40].

Подобное поведение учащихся усугубляет негативные изменения, сопровождающие профессиональную деятельность педагога — профессиональные деформации личности, отрицательно сказывающиеся как на качестве профессиональной деятельности и образовательной среды, так и на личностном и профессиональном развитии учащихся.

Анализ степени разработанности проблемы профессиональных деформаций личности показал, что, несмотря на постоянное внимание исследователей, она является остро актуальной и в наши дни [2; 16; 23 и др.].

Решение этой проблемы предполагает проведение исследования, которое в русле единого методологического подхода — системного личностно-развивающего — и единой концепции рассматривало бы личностно-профессиональное развитие педагога как субъекта, способного к созданию оптимальной образовательной среды для учащихся, а также факторы, препятствующие этому процессу в условиях кризиса.

Материалы и методы

Психологический анализ перспективных исследований непрерывного педагогического образования, факторов и условий, способствующих и препятствующих личностно-профессиональному развитию педагогов и учащихся, проводился по следующим направлениям:

- стратегия развития непрерывного педагогического образования [10; 14; 21; 34];
- профессиональное развитие педагога в эпоху информатизации и цифровизации [5; 26; 27; 35];
- становление полисубъектной общности «педагог—учащийся» на разных этапах образования и в различных форматах обучения [3; 17; 37];
- педагог как субъект создания психологически благоприятной образовательной среды для учащихся с особенными траекториями развития [15; 29; 32; 36];
- педагог и психолог: пути профессионального сотрудничества [8; 12];
- психологические проблемы воспитания и воспитывающего обучения [4; 11; 31; 33; 38];
- актуальные вопросы профессионального здоровья, профессиональных деформаций педагогов и девиаций учащихся [2; 6; 13; 24; 28; 39].

Теоретический анализ показал, что назрела необходимость расширить эмпирическое поле исследований, которые бы в русле единой концепции рассматривали психологические особенности личностно-профессионального развития и профессиональных деформаций педагогов и девиаций учащихся в период глобального кризиса.

Согласно концепции профессионального развития личности [19; 20] педагог, работающий в модели развития, обладает высоким уровнем развития самосознания и интегральных личностных характеристик, что позволяет ему в ходе осуществления профессиональной деятельности обеспечить психологическое благополучие, развитие и творческую самореализацию учащихся. В адаптивной модели созданию условий психологического благополучия учащихся препятствует низкий уровень развития самосознания, личностных характеристик и наличие профессиональных деформаций (приспособление педагога к сложившимся условиям среды, жесткое ролевое поведение, проявление защитных психологических реакций) [22; 25]. Вместе с тем влияние уровня личностно-профессионального развития педагогов и их профессиональных деформаций на психологическое благополучие и возможность формиро-

вания девиаций у учащихся в сравнении до и во время глобального кризиса не было предметом специального экспериментального исследования.

Проблема исследования определяется наличием противоречия между потребностью в психолого-педагогических средствах личностно-профессионального развития педагога как субъекта создания благополучной образовательной среды для учащихся и недостаточной изученностью на теоретическом и эмпирическом уровнях факторов (профессиональных деформаций), обуславливающих возможность формирования девиаций у учащихся.

Для решения проблемы была разработана методическая программа, включающая: «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром и др.); методику диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко; методику определения устойчивости и социальной адаптации Т. Холмса и Р. Праге; опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус); тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева; методику изучения оценки психологического климата в коллективе (А.Н. Лутошкин); шкалу тревоги Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина); методику А. Басса и А. Дарки (в модификации А.К. Осницкого); методику склонности к девиантному поведению (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев); проективную методику «Несуществующее животное» М.З. Дукаревич; тест «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), авторскую анкету на исследование представлений студентов (будущих педагогов) о проявлениях девиантного поведения у учащихся и средствах их преодоления.

Результаты исследования

Исследование состояло из двух этапов: констатирующего и формирующего. Общее число респондентов — 322.

На констатирующем этапе были проведены 5 серий исследования личностно-профессионального развития и проявлений профессиональных деформаций у учителей ($n = 90$), 4 серии — индивидуальных особенностей и показателей девиантного поведения у учеников ($n = 125$); 10 и 11 серии направлены на сравнительный анализ результатов исследования учителей и учащихся до кризиса (2018 г.) и в период кризиса (2021 г.). Выборку учителей составили 18 мужчин и 72 женщины в возрасте 25—62 лет, а также учащиеся в возрасте 13—15 лет, из них — 56 мальчиков и 69 девочек, учащихся муниципальных бюджетных образовательных учреждений г. Арзамаса Нижегородской области.

Целью 1 серии исследования было выявление уровня личностно-профессионального развития у учителей. Результаты представлены на рисунке 1 (рис. 1).

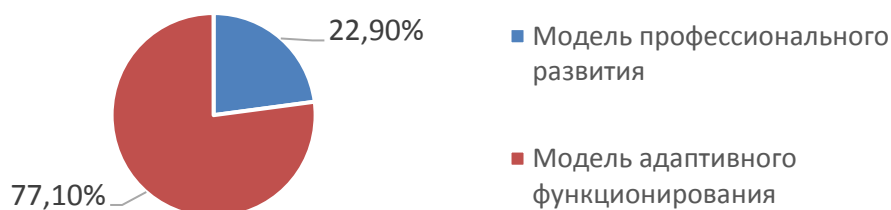

Рис. 1. Соотношение педагогов в зависимости от уровня личностно-профессионального развития

Во 2 серии был выявлен уровень эмоционального выгорания у учителей (рис. 2).

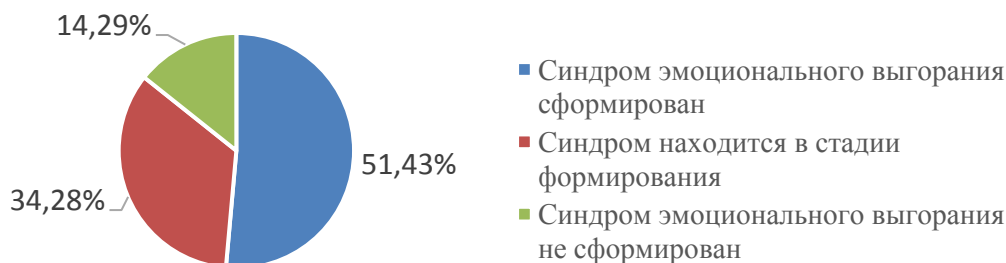

Рис. 2. Соотношение педагогов в зависимости от степени сформированности синдрома эмоционального выгорания

Целью 3 серии исследования было выявление уровня стрессоустойчивости у педагогов (рис. 3).

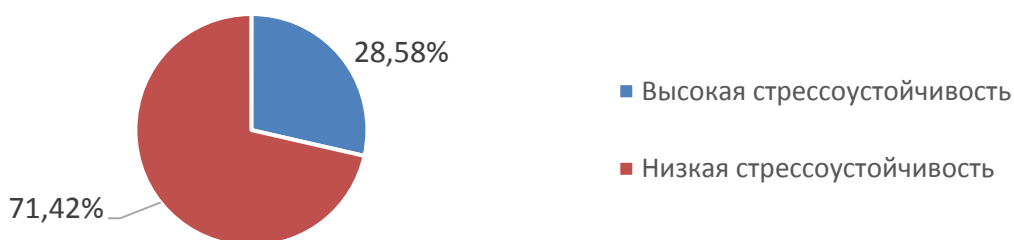

Рис. 3. Соотношение педагогов в зависимости от уровня стрессоустойчивости

В 4 серии были изучены доминирующие стратегии совладающего поведения у педагогов (рис. 4).

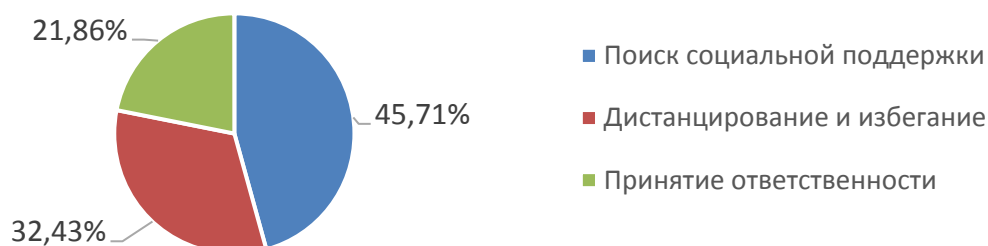

Рис. 4. Соотношение педагогов в зависимости от доминирующих стратегий совладающего поведения

В 5 серии исследованы показатели осмысленности жизни у педагогов, которые, согласно результатам, значительно различаются (на статистически значимом уровне) в трех группах учителей: с высоким, средним, низким уровнем личностно-профессионального развития.

Целью 6 серии исследования было изучение психологического климата в коллективе учеников. Было выявлено преобладание неблагоприятного психологического климата (среднее значение по группе — 7).

В 7 серии выявлены уровни личностной и ситуативной тревожности у учащихся: преобладают респонденты с высоким уровнем ситуативной (среднее значение по группе — 48,8) и личностной (среднее значение по группе — 44,6) тревожности.

Целью 8 серии было изучение уровня агрессивности и враждебности у учащихся (рис. 5.)

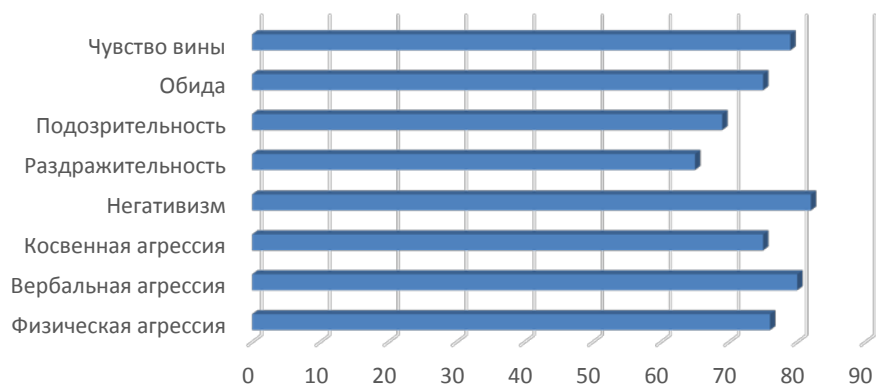

Рис. 5. Среднегрупповые показатели проявлений агрессивности и враждебности у учащихся

Выявлен повышенный уровень агрессивности (среднее значение индекса агрессивности по группе — 65) и высокий уровень враждебности (среднее значение индекса враждебности по группе — 68).

В 9 серии исследована склонность к девиантному поведению у учащихся (рис. 6).

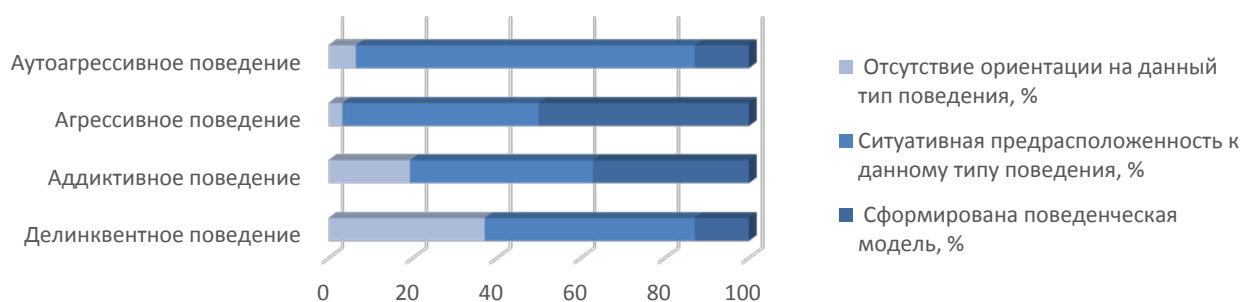

Рис. 6. Показатели склонности к девиантному поведению у учащихся.

Выявлены низкие значения социально обусловленного поведения (замкнутость, изолированность) у 45,16%; высокие значения (зависимость от группы) — у 9,67% учащихся.

В серии 10 проведен сравнительный анализ результатов исследований учителей до кризиса и в период кризиса (рис. 7).

В 11 серии проведен сравнительный анализ результатов исследований учащихся до кризиса и в период кризиса (рис. 8–11).

Выявлено снижение уровня благоприятности психологического климата (рис. 8).

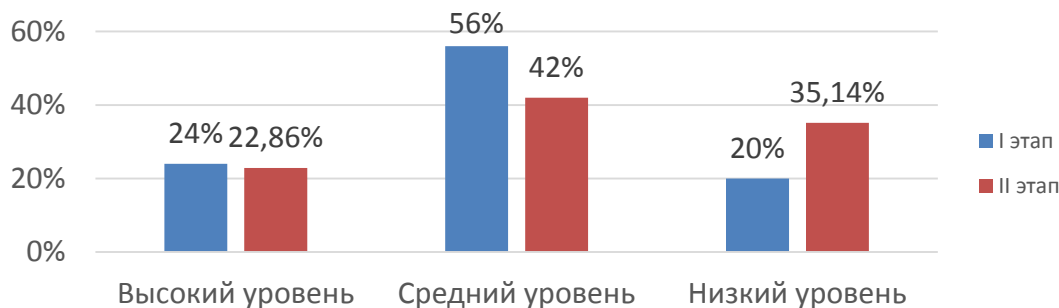

Рис. 7. Соотношение педагогов с разными уровнями личностно-профессионального развития до и во время кризиса

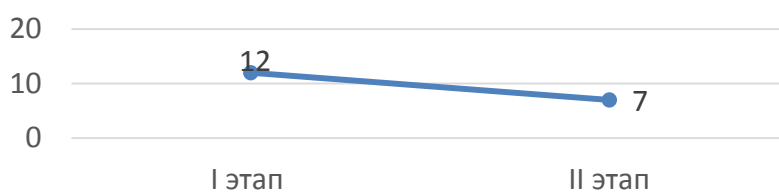

Рис. 8. Среднегрупповые показатели благоприятности психологического климата в ученическом коллективе до и во время кризиса.

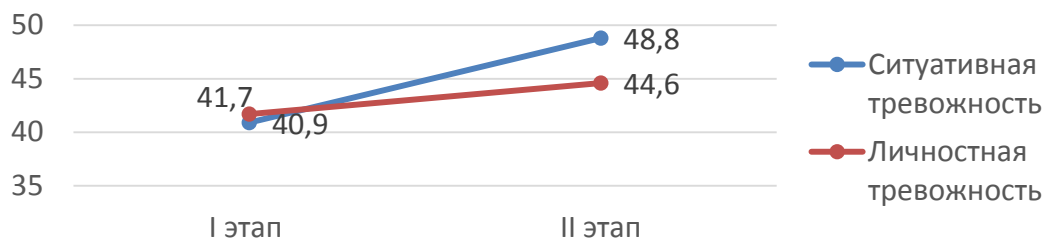

Рис. 9. Среднегрупповые показатели ситуативной и личностной тревожности у учащихся до и во время кризиса

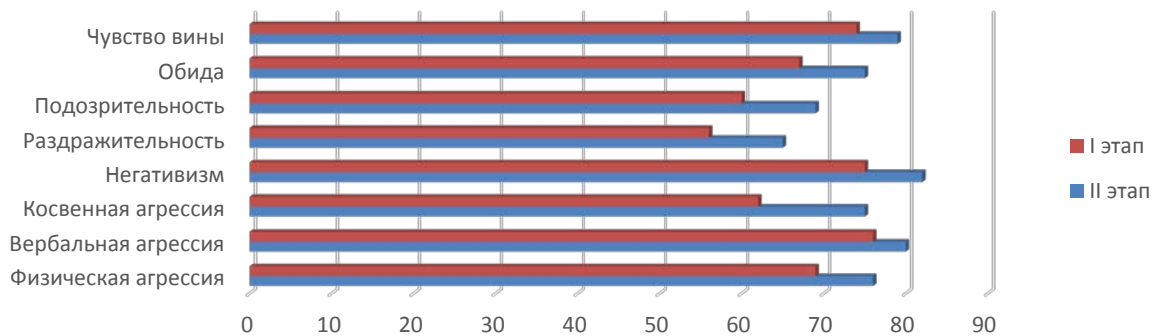

Рис. 10. Среднегрупповые показатели проявлений агрессивности и враждебности у учащихся до и во время кризиса

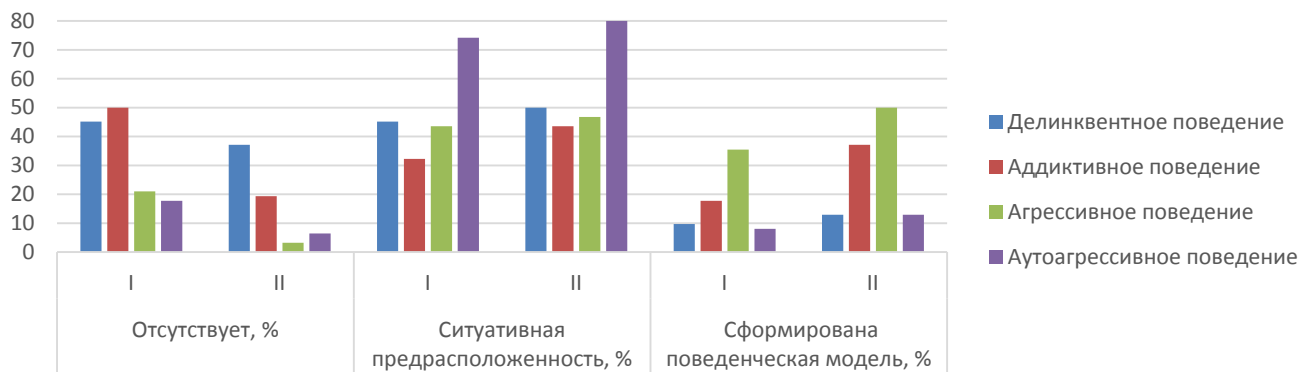

Рис. 11. Показатели склонности к девиантному поведению у учащихся до и во время кризиса

Сравнительный анализ проявлений агрессии и враждебности у учащихся до и во время кризиса показал повышение их показателей на статистически значимом уровне: физическая агрессия ($t=2,173$, при $p<0,05$); вербальная агрессия ($t=5,582$, при $p<0,001$); косвенная агрессия ($t=3,159$, при $p<0,01$); негативизм ($t=5,447$, при $p<0,001$), раздражительность ($t=2,790$, при $p<0,01$); подозрительность ($t=2,731$, при $p<0,01$); обида ($t=2,889$, при $p<0,01$); чувство вины ($t=2,707$, при $p<0,01$).

Использованная в исследовании методика «Отчет о значимом событии» [18] показала, что положительные события школьной жизни учащихся, характеризуемые переживанием позитивных эмоций, верой в себя и свои силы и возможности, способностью решать проблемы в период кризиса связаны, главным образом, с учителями, работающими в модели профессионального развития. В то же время отрицательные эмоции, повышение тревожности у учащихся, проявление у них симптомов «выученной беспомощности», раздражительности, агрессивности, снижение учебной мотивации — эти девиации связаны с проявлениями профессиональных деформаций у учителей, работающих в модели адаптивного функционирования.

Результаты констатирующего этапа исследования являются доказательной базой необходимости проведения формирующего эксперимента, направленного на поиск средств актуализации рефлексивного ресурса личностно-профессионального развития педагогов и преодоления собственных профессиональных деформаций и девиаций у учащихся.

Психологическое содержание рефлексивного ресурса потребовало выделения и разработки его компонентов, характеристик и уровней сформированности. В результате проведенного теоретического анализа (И.В. Вачков, С.Р. Пантилеев, В.В. Столин, И.И. Чеснокова и др.) была составлена содержательно-иерархическая модель рефлексивного ресурса, которая представлена в табл. 1.

Практическая реализация теоретической модели осуществлялась на основе психологической технологии (конструктивного изменения поведения педагога) профессионального развития личности (Митина, 2014; Mitina, 2021), которая является интегративной и опирается на единство целей, принципов, содержания и форм организации педагогического процесса. Технология профессионального развития личности педагога, включает:

- четыре стадии профессионального развития учителя (подготовку, осознание, переоценку, действие);

- процессы, происходящие на каждой стадии (мотивационные, когнитивные, аффективные, поведенческие);
- комплекс методов воздействия (традиционные и активные).

Таблица 1

Содержательно-иерархическая модель рефлексивного ресурса

Уро- вень	Показатели компонентов рефлексивного ресурса		
	Когнитивный	Аффективный	Поведенческий
Высокий/ надситуационный	Интерес к добыванию знаний о себе явно выражен, явно выраженное самопонимание, интегрированное профессиональное самопредставление во всех темпоральных характеристиках	Явно выраженное позитивное самопринятие и самоуважение, отсутствует самообвинение, положительное профессиональное самоотношение и отношение к субъектам профессионального взаимодействия (принятие «других»), к профессиональной деятельности; адекватная, устойчивая, гибкая самооценка; профессиональная самооценка адекватная	Стабильность собственного поведения, саморуководство явно выражены; высокий самоконтроль, независимость от внешних оценок; общая интернальность личности
Средний	Интерес к добыванию знаний о себе выражен, выраженное самопонимание, профессиональное самопредставление диагностируется в диадном темпоральном аспекте — актуальном и перспективном	Выраженное позитивное самопринятие и средний уровень самоуважения, самообвинение не выражено, положительное профессиональное самоотношение, отношение к субъектам профессионального взаимодействия (принятие «других»), к профессиональной деятельности не дифференцируется; самооценка адекватная или неадекватная, неустойчивая; профессиональная самооценка неадекватная	Стабильность собственного поведения, саморуководство выражены; средние показатели самоконтроля и общей интернальности, расхождение субъективного контроля в областях достижений и неудач
Низкий/ внутриситуационный	Интерес к добыванию знаний о себе не выражен, самопонимание и профессиональное самопредставление внешние или отсутствуют в темпоральном аспекте не диагностируется	Самопринятие отсутствует, аутосимпатии и самоуважение не выражены или отсутствуют; самообвинение не выражено, профессиональное самоотношение и отношение к субъектам профессионального взаимодействия, к профессиональной деятельности не дифференцируется или носит отрицательный характер; неадекватная самооценка; профессиональная самооценка неадекватная	Стабильность собственного поведения, саморуководство не выражены; низкий самоконтроль, зависимость от внешних оценок, преобладание общей экстернальности личности

В технологии профессионального развития личности педагога стадии соотнесены с курсами обучения студентов в вузе и модифицированы с учетом специфики возраста и специальности ее участников. Так, стадия подготовки (I стадия) реализовывалась на первом курсе и была направлена на развитие мотивационных процессов, стадии осознания (II стадия) и переоценки (III стадия) оказывали воздействие на когнитивные и аффективные процессы раз-

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

вития личности студентов второго и третьего курсов, стадия действия (IV стадия) реализовывалась на четвертом курсе и включала комплекс методов, направленных на оптимизацию поведенческих процессов развития личности.

Формирующий этап исследования представлял собой лонгитюд 2018—2022 гг., в котором приняли участие 107 студентов направления «Педагогическое образование» Арзамасского филиала ННГУ имени Н.И. Лобачевского: 52 студента — экспериментальная группа, 55 — контрольная группа. Реализация технологии профессионального развития личности осуществлялась с экспериментальной группой в процессе профессиональной психологической подготовки в период обучения. Для дальнейшего подтверждения эффективности проводимой работы со студентами была проведена диагностика до, в процессе и по окончании эксперимента с помощью методик «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантеев), «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром и др.), авторской анкеты на исследование представлений студентов (будущих педагогов) о проявлениях девиантного поведения учащихся и средствах их преодоления.

I стадия «Подготовка» реализовывалась на первом курсе вуза и была направлена на развитие педагогической направленности студентов, активизацию их мотивации на учебную и профессиональную деятельность, общение и саморазвитие. Применялись следующие методы психологической работы со студентами: лекции, семинары с элементами тренингов, работа в малых группах [19], метод проектов [9].

II стадия «Осознание» реализовывалась со студентами на втором курсе обучения, актуализируя когнитивные характеристики рефлексивного ресурса развития личности как психологическое средство профилактики профессиональных деформаций и девиаций учащихся.

Модуль «Я — профессионал» составили упражнения на развитие самоинтереса и навыков самодиагностики, развитие адекватности самовосприятия, самопонимания и позитивного самоотношения («Осознание сильных и слабых сторон личности» модификация по В.Г. Маралову и т. д.), диагностику признаков профессиональных деформаций в работе педагога.

Модуль «Профессиональное взаимодействие» составили упражнения на осознание студентами самих себя в системе профессионального полисубъектного взаимодействия и сопровождающих его деструктивных стереотипов. В ходе ситуационно-ролевых игр демонстрировались различные формы девиантного поведения учащихся, анализировались особенности их проявления в конкретных ситуациях («Перемена», «Совещание», «Родительское собрание»).

Модуль «Профессиональная деятельность» реализовывался через техники, направленные на осознание требований профессии к субъекту и профессиональных мотивов, установок, провоцирующих эмоциональное выгорание педагога («Профессиограмма», «Перекрестный допрос», по Г.В. Резапкиной, модификации).

III стадия «Переоценки» реализовывалась со студентами на третьем курсе обучения, актуализируя аффективные характеристики рефлексивного ресурса развития личности как психологическое средство профилактики профессиональных деформаций и девиаций учащихся.

Модуль «Я — профессионал» составили упражнения на восприятие студентами себя как будущего профессионала, развитие профессиональной рефлексии, что позволило осознать желаемые и отвергаемые стороны собственной личности, потенциально детерминирующие проявления профессиональных деформаций («Герб и девиз моей будущей профессии», по

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

И.В. Вачкову, модификация; «Вакансии»; «Пустой стул», по Е. Мелибруда, модификация и пр.) [7].

Модуль «Профессиональное взаимодействие» составили техники развития индивидуального стиля построения профессиональных взаимодействий через осознание и переживание позитивного и негативного опыта проявлений деформационных тенденций в работе педагога («Высказывания», «Желаемый и отвергаемый ученик (родитель)», «Трудная профессиональная ситуация»). В малых группах студенты анализировали влияние особенностей взаимодействия педагога с учащимися на проявления у них различных форм отклоняющегося поведения.

Модуль «Профессиональная деятельность» реализовывался через упражнения, актуализирующие восприятие позитивных и негативных последствий стратегий профессионального поведения (технологий и методик), профессиональных мотивов, установок, стереотипов («Развитие навыков хорошего слушания других людей», по Е. Мелибруда, модификация, «Дискуссия в ролях друг друга», по И.В. Вачкову).

IV стадия «Действие» реализовывалась на четвертом и пятом курсах обучения, актуализируя поведенческие характеристики рефлексивного ресурса развития личности как психологическое средство профилактики профессиональных деформаций и девиаций учащихся.

Модуль «Я — профессионал» составили технологии на выстраивание путей профессионального саморазвития и развитие возможностей самоорганизации, саморегуляции в профилактике профессиональных деформаций («Какой я есть и каким хотел бы быть профессионалом», «Мои субличности», по И.В. Вачкову, модификация; «Барьеры профессионального развития»).

Модуль «Профессиональное взаимодействие» реализовывался через техники освоения и развития эффективного профессионального взаимодействия в полисубъектной общности «педагог—учащийся» («АБВГДежз», по Л.М. Кролю, «Зеркальные упражнения» модификация, по И.В. Вачкову и С.В. Гиппиус). В ходе упражнений студенты отрабатывали навыки конструктивного реагирования при проявлениях различных форм отклоняющегося поведения учащихся, анализировали условия эффективной коммуникации с детьми «группы риска».

Модуль «Профессиональная деятельность» составили техники и упражнения формирования индивидуальных стратегий эффективного профессионального поведения в различных ситуациях, позволяющих профилировать эмоциональное выгорание («Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения», «Уверенное и неуверенное поведение», по В.Г. Маралову, модификация и пр.).

Итоговые занятия по обсуждению «домашних заданий» (примеров взаимодействия педагога с субъектами будущей профессиональной деятельности) на каждой стадии позволили выявить позитивные и негативные стратегии профессионального поведения, отреагировать негативный опыт, обнаружить ресурсы личностно-профессионального развития в профилактике профессиональных деформаций и девиаций у учащихся.

Кроме тренингов на выпускных курсах большое внимание уделялось развитию проективного ресурса будущих учителей в профилактике профессиональных деформаций и девиаций у учащихся. Применялись круглые столы и проблемные семинары с успешными представителями профессии, которые делились опытом работы с детьми и подростками «группы риска». Последующая разработка и публичная защита проектов на темы «Профилактика девиантного поведения в работе учителя», «Профилактика и коррекция профессиональных деформаций педагога», «Влияние профессиональных деформаций педагогов на

проявления девиаций учащихся» систематизировали полученные знания и актуализировали рефлексивный ресурс будущих педагогов.

Обсуждение результатов

По итогам реализации технологии профессионально-личностного развития со студентами пятого курса (n=55) была проведена повторная диагностика с помощью методик «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантлеев), «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром и др.), авторской анкеты на исследование представлений студентов (будущих педагогов) о проявлениях девиантного поведения у учащихся и средствах их преодоления. Сравнительный анализ изменения показателей самоотношения студентов экспериментальной группы до и после внедрения технологии представлен в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ изменения показателей самоотношения студентов экспериментальной группы до и после внедрения технологии

Шкалы	Средние значения		t-критерий Стюдента
	1-й курс	5-й курс	
Глобальное самоотношение	81,31	89,44	2,666**
Самоуважение	64,84	85,05	5,199***
Аутосимпатия	69,25	79,22	2,755**
Ожидаемое отношение от других	61,24	72,09	2,963**
Самоинтерес	76,35	88,04	3,300**
Самоуверенность	59,33	67,71	2,420*
Отношение других	64,96	70,34	1,830
Самопринятие	76,60	86,65	2,977**
Саморуководство, самопоследовательность	68,07	77,24	2,775**
Самообвинение	42,64	33,87	2,845**
Самоинтерес	77,36	87,00	3,155**
Самопонимание	70,42	83,27	3,485***

Примечание: «***» — изменения статистически значимы при $p < 0,001$; «**» — изменения статистически значимы при $p < 0,01$; «*» — изменения статистически значимы при $p < 0,05$.

Согласно данным, у студентов экспериментальной группы на статистически значимом уровне увеличились показатели когнитивных, аффективных и поведенческих характеристик рефлексивного ресурса, что повышает уровень его сформированности у будущих педагогов. В контрольной группе статистически значимых изменений не обнаружено.

Сравнительный анализ изменения показателей по методике «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром и др.) студентов экспериментальной группы до и после внедрения технологии представлен в табл. 3.

Согласно данным, у студентов экспериментальной группы на статистически значимом уровне повысились показатели интегральных личностных характеристик. В контрольной группе статистически значимых изменений не обнаружено.

Качественный анализ результатов анкетного опроса студентов на первом и пятом курсах обучения (до и после внедрения технологии) показал, что представления о девиантном пове-

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
 Профессиональные деформации педагогов
 и девиации учащихся в период глобального
 кризиса: психологическая диагностика,
 профилактика, коррекция
 Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
 Professional Deformations of Teachers
 and Deviations of Students During the Global Crisis:
 Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
 Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

дении учащихся и средствах их преодоления у первокурсников характеризуются бытовой, житейской направленностью, стереотипной осведомленностью о стратегиях работы с отклоняющимся поведением. Ответы студентов пятого курса отличаются более систематизированными знаниями, пониманием причинно-следственных связей проявлений девиаций, их разнообразием и способами профилактики.

Таблица 3

Сравнительный анализ изменения показателей личностно-профессионального развития студентов экспериментальной группы до и после внедрения технологии

Шкалы	Средние значения		t-критерий Стюдента
	1-й курс	5-й курс	
Поддержка	52,13	58,52	3,931***
Ориентация во времени	48,33	50,93	1,887
Ценностная ориентация	50,15	54,86	3,424**
Гибкость	47,85	54,52	4,575***
Сензитивность к себе	48,53	52,46	3,573**
Спонтанность	49,98	53,89	2,587*
Самоуважение	54,09	59,48	3,364**
Самопринятие	51,89	58,16	3,550**
Представление о природе человека	51,96	54,98	2,673*
Синергия	51,49	53,75	1,562
Принятие агрессии	48,55	52,52	2,711**
Контактность	46,82	56,66	4,372***
Познавательные потребности	45,73	49,63	2,662**
Креативность	50,84	55,21	3,558***

Примечание: «***» — изменения статистически значимы при $p < 0,001$; «**» — изменения статистически значимы при $p < 0,01$; «*» — изменения статистически значимы при $p < 0,05$.

Таким образом, результаты диагностики доказали эффективность специальной психологической работы с будущими педагогами по повышению уровня их личностно-профессионального развития, профилактике и коррекции профессиональных деформаций и предотвращению и преодолению девиантных форм поведения у учащихся.

Заключение

Результаты качественного и количественного психологического анализа позволили сделать вывод о том, что в условиях глобального кризиса лишь учителя развивающей модели способны сохранять вектор развития благодаря высоким показателям профессионального самосознания и интегральных личностных характеристик (направленности, компетентности, гибкости), которые объединяются в профессионально значимые конstellации и ресурсы (конструктивное совладание, эмоциональное вовлечение, рефлексивное проектирование) и транслируются учащимся в форме позитивных моделей поведения, установок, отношений. Разработанная нами технология конструктивного изменения поведения педагога позволяет трансформировать противоречия и риски, факторы (профессиональные деформации педагогов) и последствия их влияния (девиаций учащихся), характерные для кризисного периода, в

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

ресурс личностно-профессионального развития учителя, способствующий созданию психологически благоприятной образовательной среды для учащихся.

Ограничения исследования. На некоторых этапах формирующего эксперимента использовался дистанционный формат обучения студентов (в период пандемии). Преодолению данного ограничения способствовали специально разработанные психотехнические приемы, используемые на второй (осознание) и третьей (переоценка) стадиях технологии профессионального развития личности педагога.

Перспективы исследования. Обеспечение опережающей подготовки будущих педагогов, включающей профилактику профессиональных деформаций, должно осуществляться посредством непрерывного обновления знаний и компетенций, разработанных на основе ресурсно-прогностического подхода к развитию педагога как субъекта; выявления места и роли компонентов самосознания и интегральных характеристик личности в общей системе психических ресурсов как рефлексивных, так и проектировочных, определяющих качественные изменения в деятельности педагога в результате перехода на более высокую стадию профессионального развития личности: самоопределения, самовыражения, самореализации. Следующий этап исследования будет направлен на изучение рефлексивного проектирования как ресурса личностно-профессионального развития и профилактики профессиональных деформаций педагогов и девиаций учащихся.

Литература

1. *Алехин А.Н., Дубинина Е.А.* Пандемия: клинико-психологический аспект [Электронный ресурс] // Артериальная гипертензия. 2020. Том 26. № 3. С. 312–316. doi:10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316
2. *Амбалова С.А.* Синдром психического выгорания как следствие профессионального кризиса у педагогов [Электронный ресурс] // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Том 9. № 1 (30). С. 321–324. doi:10.26140/anip-2020-0901-0079
3. *Аминов Н.А., Чернявская В.С., Осадчева И.И.* Дифференциальный контекст исследования педагогических способностей и педагогического мастерства // Мир психологии. 2020. № 3 (103). С. 131–143
4. *Андреанова Р.А., Шемшурин А.А., Чернов В.А., Селиванова Е.И.* Проблемы и ресурсы комплексной профилактики агрессивного поведения в образовательной организации [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2022. Том 14. № 2. С. 107–125. doi:10.17759/psyedu.2021130407
5. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157. doi:10.17759/psylaw.2020100310
6. *Бусарова О.Р., Евсина Е.О.* Особенности личной профессиональной перспективы старших подростков и юношей со склонностью к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 147–159. doi:10.17759/psylaw.2022120112
7. *Вачков И.В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники: Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2009. 255 с.
8. *Вачков И.В., Вачкова С.Н., Воронаев М.В.* Представления родителей о качестве образования детей в мегаполисе и их установки в отношении родительского контроля [Электрон-

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

ный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 3. С. 19–31.
doi:10.17759/pse.2019240302

9. Востокова Ю.И. Возможности метода проектов в профилактике кризиса профессиональной идентичности студентов вуза [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 9 (99). Часть 2. С. 187–190.
doi:10.23670/IRJ.2020.99.9.075

10. Гукаленко О.В., Ткач Л.Т. Организационные формы реализации поликультурного содержания педагогического образования [Электронный ресурс] // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Том 1. № 4 (77). С. 99–106. doi:10.24412/2224-0772-2021-77-99-106

11. Гут Ю.Н., Худаева М.Ю., Кабардов М.К., Овсяникова Е.А., Беданоква А.К. Влияние жизненной перспективы личности студентов на психологическую готовность к профессиональной деятельности педагогов-психологов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 6. С. 96–106. doi:10.17759/pse.2021260607

12. Дубровина И.В. Психологический аспект феномена «личностные результаты образования» [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 3. С. 50–62. doi:10.17759/bppe.2021180305

13. Карауш И.С., Куприянова И.Е., Дашиева Б.А. Негативные события, связанные со школьным функционированием, и их взаимосвязь с риском развития депрессии у подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2022. Том 11. № 3. С. 142–166. doi:10.17759/cpse.2022110306

14. Лукашениа З.В., Нагорная Т.В. Консалтинговое сопровождение профессиональной подготовки современного педагога // Педагогическое образование в культурно-образовательном пространстве современного университета. М.: ООО «МАКС Пресс», 2021. С. 145–154.

15. Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н. Психология художественного творчества. М.: Издательство Московского университета, 2022. 238 с.

16. Мерзлякова Д.Р. Особенности психологического здоровья педагогов с разным уровнем профессионального мастерства в условиях цифровой трансформации образовательного процесса [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2022. Том 14. № 2. С. 48–63. doi:10.17759/psyedu.2022140204

17. Митин Г.В., Галина З.Н., Щелина С.О. Психологические закономерности становления полисубъектной общности «педагог — учащийся» при переходе с одной ступени образования на другую // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Митиной. М.: ПИ РАО; Издательский дом «Бахрах», 2022. С. 101–113.

18. Митина Л.М. Личностно-профессиональное развитие педагога: современное осмысление и инновационная практика [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2022. Том 19. № 2. С. 9–19. doi:10.17759/bppe.2022190201

19. Митина Л.М. Личностно-профессиональное развитие учителя: стратегии, ресурсы, риски. М.; СПб: Нестор-История, 2018. 456 с.

20. Митина Л.М. Конвергенция научных традиций и инновационных технологий как путь к обновлению содержания педагогической деятельности [Электронный ресурс] // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 3. С. 143–161. doi:10.24412/2073-0861-2022-3-143-161

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

21. *Митина Л.М.* Личностно-профессиональное развитие педагога как стратегическая задача системы непрерывного образования // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Митиной. М.: ПИ РАО; Издательский дом «Бахрах», 2022. С. 12–27.
22. *Митина Л.М., Митин Г.В.* Педагог как субъект создания психологически благоприятной образовательной среды в период глобального кризиса [Электронный ресурс] // Сборник научных статей «Стратегии и ресурсы личностно-профессионального развития педагога: современное прочтение и системная практика» / Под ред. Л.М. Митиной. М.: Психологический институт РАО. С. 7–12. doi:10.24412/cl-36923-2022-1-7-12
23. *Митина Л.М., Митин Г.В.* Психологический анализ проблемы маргинализма, прокрастинации, выученной беспомощности как барьеров личностно-профессионального развития человека [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 90–100. doi:10.17759/pse.2020250308
24. *Митина Л.М., Митин Г.В., Анисимова О.А.* Профессиональное здоровье педагога: Учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: Юрайт, 2020. 379 с.
25. *Митина Л.М., Митин Г.В., Щелина С.О.* Психологические условия и средства обеспечения преемственности в развитии учащихся на этапе перехода от среднего образования к высшему [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2022. № 1 (55). С. 426–443. doi:10.32744/pse.2022.1.27
26. *Невдах С.И.* Организационно-методическое сопровождение формирования у будущих педагогов компетенций в области конструктивного взаимодействия // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Митиной. М.: ПИ РАО; Издательский дом «Бахрах», 2022. С. 81–92.
27. *Панов В.И., Плаксина И.В.* Субъектность студентов педагогического вуза в меняющейся образовательной среде [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2022. Том 14. № 2. С. 64–83. doi:10.17759/psyedu.2022140205
28. *Симатова О.Б.* Общепрофессиональные деформации педагогов с различным типом личности по отношению к социальной конкуренции [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 117–128. doi:10.33910/1992-6464-2021-202-117-128
29. *Тихомирова Т.Н., Малых С.Б., Басюк В.С.* Федеральная сеть психологических служб образовательных организаций высшего образования: концепция, приоритеты и ресурсы развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 6. С. 4–18. doi:10.17759/pse.2022270601
30. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации пандемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 70–89. doi:10.17759/cpp.2020280204
31. *Умняшова И.Б.* Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 1. С. 133–146. doi:10.17759/psylaw.2022120111
32. *Щебланова Е.И., Петрова С.О.* Современные зарубежные исследования тревожности интеллектуально одаренных школьников [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 97–106. doi:10.17759/jmfp.2021100409

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

33. Щелина Т.Т. Психолого-педагогическое обеспечение воспитания в контексте реализации федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Том 2. № 1 (58). С. 15–24.
34. Ambrosetti A., Capeness R., Kriewaldt J., Rorrison D. Educating future teachers: Insights, conclusions and challenges // Educating future teachers: Innovative perspectives in professional experience. Springer, Singapore, 2018. P. 235–244.
35. Anderson M., Boutelier S. Converging Andragogy with Working Adult Professionalism in Initial Teacher Preparation // Journal of Educational Research & Practice. 2021. Vol. 11(1). P. 202–216. doi:10.5590/jerap.2021.11.1.14
36. Bernstein B.O., Lubinski D., Benbow C.P. Academic Acceleration in Gifted Youth and Fruitless Concerns Regarding Psychological Well-Being: A 35-Year Longitudinal Study // Journal of Educational Psychology. 2021. Vol. 113(2). P. 830–845. doi:10.1037/edu0000500
37. Boyle T., Wilkinson J. Two worlds, one site: leading practices and transitions to school // Journal of Educational Administration and History. 2018. Vol. 50(4). P. 325–342. doi:10.1080/00220620.2018.1510384
38. Celuch K., Milewicz C., Saxby C. Student and Faculty Interaction in Motivated Learning for Face-to-Face and Online Marketing Classes // Journal of Education for Business. 2021. Vol. 96(6). doi:10.1080/08832323.2020.1848767
39. Mitin G.V. Difficulties and means of overcoming them in the personal and professional development of educational subjects // Contemporary University Education. 2020. Vol. 5(5). P. 50.
40. Mitin G.V., Mitina L.M., Shchelina S.O. Theoretical and Analytical Foundations and New Technological Means of Overcoming Barriers to Personal and Professional Development of Educational Subjects // ARPHA Proceedings. 2022. Vol. 5. P. 1103–1114. doi:10.3897/ap.5.e1103

References

1. Alekhin A.N., Dubinina E.A. Pandemiya: kliniko-psikhologicheskii aspekt [Pandemic: the view of a clinical psychologist] [Elektronnyi resurs]. *Arterial'naya gipertenziya = Arterial Hypertension*, 2020. Tom 26. № 3. S. 312–316. doi:10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316 (In Russ.).
2. Ambalova S.A. Sindrom psikhicheskogo vygoraniya kak sledstvie professional'nogo krizisa u pedagogov [Mental flush syndrome as a consequence of professional crisis in teachers] [Elektronnyi resurs]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1 (30), pp. 321–324. doi:10.26140/anip-2020-0901-0079 (In Russ.).
3. Aminov N.A., Chernyavskaya V.S., Osadcheva I.I. Differentsial'nyi kontekst issledovaniya pedagogicheskikh sposobnostei i pedagogicheskogo masterstva [Differential context of the study of pedagogical abilities and pedagogical skill]. *Mir psikhologii = World of Psychology*, 2020, no. 3 (103), pp. 131–143 (In Russ.).
4. Andrianova R.A., Shemshurin A.A., Chernov V.A., Selivanova E.I. Problemy i resursy kompleksnoi profilaktiki agressivnogo povedeniya v obrazovatel'noi organizatsii [Problems and Resources of Comprehensive Prevention of Aggressive Behavior in an Educational Organization] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 107–125. doi:10.17759/psyedu.2021130407 (In Russ.).
5. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Chelovek v tsifrovom obshchestve: ob'yasnitel'nyi potentsial odnoi sotsial'no-psikhologicheskoi teorii [Living in a Digital Society: from the Point of

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

- View of One Social Psychological Perspective] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 143–157. doi:10.17759/psylaw.2020100310 (In Russ.).
6. Busarova O.R., Evsina E.O. Osobennosti lichnoi professional'noi perspektivy starshikh podrostkov i yunoshei so sklonnost'yu k deviantnomu povedeniyu [Specifics of Personal Vocational Outlook of Senior Adolescents and Youth with Sociopathy] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 147–159. doi:10.17759/psylaw.2022120112 (In Russ.).
7. Vachkov I.V. Osnovy tekhnologii gruppovogo treninga. Psikhotehniki: Uchebnoe posobie. 3rd ed. Moscow: Os'-89, 2009. 255 p. (In Russ.).
8. Vachkov I.V., Vachkova S.N., Voropaev M.V. Predstavleniya roditeli o kachestve obrazovaniya detei v megapolise i ikh ustanovki v otnoshenii roditel'skogo kontrolya [Parents' Notions of Education Quality in Metropolis and Their Attitudes Towards Parental Control] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 3, pp. 19–31. doi:10.17759/pse.2019240302 (In Russ.).
9. Vostokova Yu.I. Vozmozhnosti metoda proektov v profilaktike krizisa professional'noi identichnosti studentov vuza [Performance capabilities of the project-based learning for preventing the crisis of professional identity in university students] [Elektronnyi resurs]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2020, no. 9 (99). Part 2, pp. 187–190. doi:10.23670/IRJ.2020.99.9.075 (In Russ.).
10. Gukalenko O.V., Tkach L.T. Organizatsionnye formy realizatsii polikul'turnogo sodержaniya pedagogicheskogo obrazovaniya [Organizational forms of implementation of the multicultural content of teacher education] [Elektronnyi resurs]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy*, 2021. Vol. 1, no. 4 (77), pp. 99–106. doi:10.24412/2224-0772-2021-77-99-106 (In Russ.).
11. Gut Yu.N., Khudaeva M.Yu., Kabardov M.K., Ovsyanikova E.A., Bedanokova A.K. Vliyanie zhiznennoi perspektivy lichnosti studentov na psikhologicheskuyu gotovnost' k professional'noi deyatel'nosti pedagogov-psikhologov [Impact of Life Perspective on Students' Psychological Readiness for Professional Activity as Psychologists in Education] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 6, pp. 96–106. doi:10.17759/pse.2021260607 (In Russ.).
12. Dubrovina I.V. Psikhologicheskii aspekt fenomena "lichnostnye rezul'taty obrazovaniya" [The Psychological Aspect of the Phenomenon "Personal Results of Education"] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 50–62. doi:10.17759/bppe.2021180305 (In Russ.).
13. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Dashieva B.A. Negativnye sobytiya, svyazannye so shkol'nym funktsionirovaniem, i ikh vzaimosvyaz' s riskom razvitiya depressii u podrostkov [Negative Events Related to School Functioning and Their Relationship with the Risk of Depression in Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2022. Vol. 11, no. 3, pp. 142–166. doi:10.17759/cpse.2022110306 (In Russ.).
14. Lukashenya Z.V., Nagornaya T.V. Konsaltingovoe soprovozhdenie professional'noi podgotovki sovremennogo pedagoga. Pedagogicheskoe obrazovanie v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo universiteta. Moscow: OOO "MAKS Press", 2021, pp. 145–154. (In Russ.).

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

15. Melik-Pashaev A.A., Novlyanskaya Z.N. *Psikhologiya khudozhestvennogo tvorchestva*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2022. 238 p. (In Russ.).
16. Merzlyakova D.R. Osobennosti psikhologicheskogo zdorov'ya pedagogov s raznym urovnem professional'nogo masterstva v usloviyakh tsifrovoi transformatsii obrazovatel'nogo protsessa [Features of the Psychological Health of Teachers of Different Levels of Professional Skill in the Context of Digital Transformation of the Educational Process] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2022. Vol. 14, no. 2, pp. 48–63. doi:10.17759/psyedu.2022140204 (In Russ.).
17. Mitin G.V., Galina Z.N., Shchelina S.O. Psikhologicheskie zakonomernosti stanovleniya polisub'ektnoi obshchnosti "pedagog — uchashchiysya" pri perekhode s odnoi stupeni obrazovaniya na druguyu. In Mitina L.M. (ed.). *Pedagog v kontekste lichnostnogo i professional'nogo razvitiya: real'nost' i perspektivy*: Kollektivnaya monografiya. Moscow: PI RAO Publ.; Izdatel'skii dom "Bakhrakh", 2022, pp. 101–113. (In Russ.).
18. Mitina L.M. Lichnostno-professional'noe razvitie pedagoga: sovremennoe osmyslenie i innovatsionnaya praktika [Personal and Professional Development of a Teacher: Modern Understanding and Innovative Practice] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2022. Vol. 19, no. 2, pp. 9–19. doi:10.17759/bppe.2022190201 (In Russ.).
19. Mitina L.M. Lichnostno-professional'noe razvitie uchitelya: strategii, resursy, riski. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 456 p. (In Russ.).
20. Mitina L.M. Konvergentsiya nauchnykh traditsii i innovatsionnykh tekhnologii kak put' k obnovleniyu sodержaniya pedagogicheskoi deyatel'nosti [Convergence of scientific traditions and innovative technologies as a way to update the content of pedagogical activity] [Elektronnyi resurs]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 2022. Vol. 15, no. 3, pp. 143–161. doi:10.24412/2073-0861-2022-3-143-161 (In Russ.).
21. Mitina L.M. Lichnostno-professional'noe razvitie pedagoga kak strategicheskaya zadacha sistemy nepreryvnogo obrazovaniya. In Mitina L.M. (ed.). *Pedagog v kontekste lichnostnogo i professional'nogo razvitiya: real'nost' i perspektivy*: Kollektivnaya monografiya. Moscow: PI RAO Publ.; Izdatel'skii dom "Bakhrakh", 2022, pp. 12–27. (In Russ.).
22. Mitina L.M., Mitin G.V. Pedagog kak sub'ekt sozdaniya psikhologicheskii blagopriyatnoi obrazovatel'noi sredy v period global'nogo krizisa [Elektronnyi resurs]. In Mitina L.M. (ed.). *Sbornik nauchnykh statei "Strategii i resursy lichnostno-professional'nogo razvitiya pedagoga: sovremennoe prochtenie i sistemnaya praktika"*. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO Publ., 2022, pp. 7–12. doi:10.24412/cl-36923-2022-1-7-12 (In Russ.).
23. Mitina L.M., Mitin G.V. Psikhologicheskii analiz problemy marginalizma, prokrastinatsii, vyuchennoi bespomoshchnosti kak bar'erov lichnostno-professional'nogo razvitiya cheloveka [Psychological Analysis of the Problem of Marginalism, Procrastination and Learned Helplessness as Barriers to Personal and Professional Development] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 90–100. doi:10.17759/pse.2020250308 (In Russ.).
24. Mitina L.M., Mitin G.V., Anisimova O.A. Professional'noe zdorov'e pedagoga: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2020. 379 p. (In Russ.).
25. Mitina L.M., Mitin G.V., Shchelina S.O. Psikhologicheskie usloviya i sredstva obespecheniya preemstvennosti v razvitiu uchashchikhsya na etape perekhoda ot srednego obrazovaniya k

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

vysshemu [Psychological conditions and means of ensuring continuity in students' development at the stage of transition from secondary education to higher education] [Elektronnyi resurs]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2022, no. 1 (55), pp. 426–443. doi:10.32744/pse.2022.1.27 (In Russ.).

26. Nevdakh S.I. Organizatsionno-metodicheskoe soprovozhdenie formirovaniya u budushchikh pedagogov kompetentsii v oblasti konstruktivnogo vzaimodeistviya. In Mitina L.M. (ed.). *Pedagog v kontekste lichnostnogo i professional'nogo razvitiya: real'nost' i perspektivy*: Kollektivnaya monografiya. Moscow: PI RAO Publ.; Izdatel'skii dom "Bakhrakh", 2022, pp. 81–92. (In Russ.).

27. Panov V.I., Plaksina I.V. Sub"ektnost' studentov pedagogicheskogo vuza v menyayushcheisya obrazovatel'noi srede [Subjectness of Pedagogical University Students in the Changing Educational Environment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2022. Vol. 14, no. 2, pp. 64–83. doi:10.17759/psyedu.2022140205 (In Russ.).

28. Simatova O.B. Obshcheprofessional'nye deformatsii pedagogov s razlichnym tipom lichnosti po otnosheniyu k sotsial'noi konkurentsii [General professional deformation of teaching staff with different types of personality in relationship to social competition] [Elektronnyi resurs]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2021, no. 202, pp. 117–128. doi:10.33910/1992-6464-2021-202-117-128 (In Russ.).

29. Tikhomirova T.N., Malykh S.B., Basyuk V.S. Federal'naya set' psikhologicheskikh sluzhb obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniya: kontseptsiya, priority i resursy razvitiya [Federal Network of Psychological Services of Educational Institutions of Higher Education: Concept, Priorities and Development Resources] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 6, pp. 4–18. doi:10.17759/pse.2022270601 (In Russ.).

30. Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psikhologicheskoe sodержanie trevogi i profilaktiki v situatsii pandemii: zashchita ot koronavirusa ili "porochnyi krug" trevogi? [Psychological Contents of Anxiety and the Prevention in an Infodemic Situation: Protection against Coronavirus or the "Vicious Circle" of Anxiety?] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020. Vol. 28, no. 2, pp. 70–89. doi:10.17759/srr.2020280204 (In Russ.).

31. Umnyashova I.B. Normativnye osnovaniya profilaktiki razlichnykh vidov deviantnogo povedeniya detei i podrostkov v sisteme obshchego obrazovaniya [Legislative Framework for Prevention of Various Kinds of Deviant Behavior of Children and Adolescents in the General Education System] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 1, pp. 133–146. doi:10.17759/psylaw.2022120111 (In Russ.).

32. Shcheblanova E.I., Petrova S.O. Sovremennye zarubezhnye issledovaniya trevozhnosti intellektual'no odarennykh shkol'nikov [Modern Foreign Researches of Anxiety in Intellectually Gifted School Children] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 97–106. doi:10.17759/jmfp.2021100409 (In Russ.).

33. Shchelina T.T. Psikhologo-pedagogicheskoe obespechenie vospitaniya v kontekste realizatsii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya [Psychological and pedagogical ensuring of upbringing in the context of realization of federal state

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

educational standard of the primary general education]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy*, 2019. Vol. 2, no. 1 (58), pp. 15–24. (In Russ.).

34. Ambrosetti A., Capeness R., Kriewaldt J., Rorrison D. Educating future teachers: Insights, conclusions and challenges. *Educating future teachers: Innovative perspectives in professional experience*. Springer, Singapore, 2018, pp. 235–244.

35. Anderson M., Boutelier S. Converging Andragogy with Working Adult Professionalism in Initial Teacher Preparation. *Journal of Educational Research & Practice*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 202–216. doi:10.5590/jerap.2021.11.1.14

36. Bernstein B.O., Lubinski D., Benbow C.P. Academic Acceleration in Gifted Youth and Fruitless Concerns Regarding Psychological Well-Being: A 35-Year Longitudinal Study. *Journal of Educational Psychology*, 2021. Vol. 113, no. 2, pp. 830–845. doi:10.1037/edu0000500

37. Boyle T., Wilkinson J. Two worlds, one site: leading practices and transitions to school. *Journal of Educational Administration and History*, 2018. Vol. 50, no. 4, pp. 325–342. doi:10.1080/00220620.2018.1510384

38. Celuch K., Milewicz C., Saxby C. Student and Faculty Interaction in Motivated Learning for Face-to-Face and Online Marketing Classes. *Journal of Education for Business*, 2021. Vol. 96, no. 6. doi:10.1080/08832323.2020.1848767

39. Mitin G.V. Difficulties and means of overcoming them in the personal and professional development of educational subjects. *Contemporary University Education*, 2020. Vol. 5, no. 5, pp. 50.

40. Mitin G.V., Mitina L.M., Shchelina S.O. Theoretical and Analytical Foundations and New Technological Means of Overcoming Barriers to Personal and Professional Development of Educational Subjects. *ARPHA Proceedings*, 2022. Vol. 5, pp. 1103–1114. doi:10.3897/ap.5.e1103

Информация об авторах

Митин Георгий Валерьевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3124-0352>, e-mail: meetingv@gmail.com

Митина Лариса Максимовна, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8407-0978>, e-mail: mitinalm@mail.ru

Востокова Юлия Игоревна, старший преподаватель, кафедра общей и практической психологии, Арзамасский филиал, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И. Лобачевского»), г. Арзамас, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5265-686X>, e-mail: vostokova_julia@mail.ru

Information about the authors

Georgy V. Mitin, PhD in Psychology, Leading Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3124-0352>, e-mail: meetingv@gmail.com

Митин Г.В., Митина Л.М., Востокова Ю.И.
Профессиональные деформации педагогов
и девиации учащихся в период глобального
кризиса: психологическая диагностика,
профилактика, коррекция
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 183–205.

Mitin G.M., Mitina L.M., Vostokova J.I.
Professional Deformations of Teachers
and Deviations of Students During the Global Crisis:
Psychological Diagnosis, Prevention, Correction
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 183–205.

Larisa M. Mitina, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/000-0001-8407-0978>, e-mail: mitinalm@mail.ru

Julia I. Vostokova, Senior Lecturer, Department of General and Practical Psychology, Arzamas branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5265-686X>, e-mail: vostokova_julia@mail.ru

Получена 27.01.2023
Принята в печать 27.03.2023

Received 27.01.2023
Accepted 27.03.2023

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде

Пазухина С.В.

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»), г. Тула, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-3520>, e-mail: pazuhina@mail.ru

Работа направлена на прояснение статуса понятий «экстремизм», «протестное поведение» в молодежной среде с психологической точки зрения и выявление их предикторов. Представлены аналитические материалы, касающиеся тенденций развития экстремизма в настоящее время, факторов, видов, причин, механизмов, признаков формирования экстремистских установок в сознании молодого человека. Обоснована схема влияния экстремистской идеологии на молодого человека, отражающая этапы развития у него экстремистского поведения. В качестве предикторов развития экстремистских установок и протестного поведения, которые позволяют осуществлять прогноз и своевременную профилактику данных негативных проявлений, выделены следующие: 1) возрастно-психологические, психофизиологические особенности молодых людей, обусловленные естественными процессами их развития, а также социально-личностные особенности, детерминированные социальной средой и воспитанием; 2) знание причин, обуславливающих индивидуальную податливость молодых людей влиянию экстремистской идеологии; 3) социально-личностный ресурс субъектов образовательных отношений. Описана авторская модель психолого-педагогической профилактики молодежного экстремизма посредством развития социально-личностного ресурса субъектов образовательных отношений, представлены эмпирические данные ее апробации на практике. В качестве основных направлений психолого-педагогической профилактики экстремизма в молодежной среде указывается повышение уровня внешней стимуляции и преодоление дефицита внутренней саморегуляции; развитие субъектности, собственной активности личности, внутренней мотивации положительной самореализации в общественно-значимых видах деятельности. Для каждого из направлений предложены технологии их реализации.

Ключевые слова: экстремизм, протестное настроение, протестное поведение, молодежь, психолого-педагогическая профилактика, предиктор, модель.

Для цитаты: Пазухина С.В. Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 206–223. DOI:10.17759/psylaw.2023130215

Psychological Foundations of Psychological and Pedagogical Prevention of Extremism and Protest Behavior among Young People

Svetlana V. Pazukhina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-3520>, e-mail: pazuhina@mail.ru

The work is aimed at clarifying the status of the concepts of “extremism”, “protest behavior” among young people from a psychological point of view and identifying their predictors. Analytical materials concerning the tendencies of extremism development at the present time, factors, types, causes, mechanisms, signs of the formation of extremist attitudes in the mind of a young person are presented. The scheme of the influence of extremist ideology on a young person is substantiated, reflecting the stages of development of extremist behavior in him. As predictors of the development of extremist attitudes and protest behavior, which make it possible to predict and timely prevent these negative manifestations, the following are highlighted: 1) age-psychological, psychophysiological features of young people due to the natural processes of their development, as well as socio-personal, determined by the social environment and upbringing; 2) knowledge of the reasons that determine the individual susceptibility of young people to the influence of extremist ideology; 3) socio-personal resource of subjects of educational relations. The author’s model of psychological and pedagogical prevention of youth extremism through the development of social and personal resources of subjects of educational relations, as well as empirical data of its approbation in practice, is described. The main directions of psychological and pedagogical prevention of extremism in the youth environment are work on a low level of external stimulation and overcoming the deficit of internal self-regulation, work on the development of subjectivity, self-activity of the individual, internal motivation of positive self-realization in socially significant activities. Technologies for their implementation are proposed for each of the directions.

Keywords: extremism, protest mood, protest behavior, youth, psychological and pedagogical prevention, predictor, model.

For citation: Pazukhina S.V. Psychological Foundations of Psychological and Pedagogical Prevention of Extremism and Protest Behavior among Young People. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 206–223. DOI:10.17759/psylaw.2023130215 (In Russ.).

Введение

Экстремизм как негативное явление общественной жизни приобрел в последние годы масштабные и социально-опасные формы, превратился в динамично развивающуюся и самовоспроизводящую систему спланированных актов насилия, как единичных, так и групповых. Пик экстремистской активности отмечается в периоды, когда общество наиболее уязвимо (пандемия, санкции, специальная военная операция, экономические трудности и пр.) [1; 17].

В научном тезаурусе укрепилось определение, данное в Федеральном законе от 25 июля 2002 года 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; там же конкретизиро-

ваны формы проявления экстремизма [31]. Вместе с тем в используемых в юридической практике определениях не рассматриваются существенные характеристики данного феномена в социально-психологическом и педагогическом контекстах, что обуславливает актуальность постановки проблемы исследования.

Преступления экстремистской направленности, наряду с алкоголизацией, наркотизацией населения, военной угрозой со стороны НАТО, США и др., занимают лидирующие позиции в рейтинге главных национальных угроз Российской Федерации [14]. Согласно опубликованным данным МВД России, всего за 2021 год было зарегистрировано 1057 преступлений экстремистской направленности, это на 26,9% больше, чем в 2020 г., что указывает на рост количества выявленных преступлений экстремистской направленности более чем на четверть. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, две трети (62,5%) преступлений совершены с использованием Интернета (в 2020 г. — 56,8%) с задействованием социальных сетей и мессенджеров. В качестве причины зафиксированного роста в докладе Генерального прокурора Российской Федерации указывается увеличившаяся динамика выявленных преступлений по статье 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»). За год было зарегистрировано 486 подобных преступлений (что обусловило рост на 32,4%), а количество пресеченных деяний, связанных с созданием и функционированием экстремистских сообществ, достигло 278 (увеличение на 27,5%) [6].

Обоснование проблемы

Согласно исследованиям ряда специалистов и официальной статистике, в экстремистскую деятельность чаще всего вовлекаются молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, примерно четверть из них — несовершеннолетние. Нижняя возрастная граница за последнее время снизилась до 12 лет. Поэтому в научных источниках молодежный экстремизм неслучайно выделяют и рассматривают как отдельный вид экстремизма [10]. Среди наиболее распространенных его проявлений выделяют следующие: бытовой, социально-протестный, политический, религиозный, национально-этнический, пенитенциарный, спортивный, экстремизм в сфере культуры (в том числе музыкальный) и др. [12].

К факторам, способствующим распространению идеологии экстремизма, относятся социально-политические, социально-экономические, социокультурные, религиозные, юридические, педагогические, психологические и др. [4], при этом двум последним сегодня необходимо уделять особое внимание в связи с возросшей значимостью вопросов воспитания молодежи на разных уровнях силами всех институтов социализации.

Податливость подрастающего поколения влиянию экстремистской идеологии имеет явно выраженную социально-психологическую подоплеку. Именно поэтому сегодня приобретают актуальность исследования, связанные с изучением не только политических аспектов экстремизма, но и его социально-психологических истоков и причин [9].

Любое негативное явление легче предупредить, чем иметь дело с его развитыми формами и последствиями. Для противодействия распространению идеологии экстремизма важна слаженная работа и координация усилий всех государственных институтов. Специалисты различных областей знаний — философы, психологи, социологи, политологи, педагоги, юристы, экономисты и мн. др. — обозначают для себя сегодня в качестве приоритетной задачи изучение проблем экстремизма с целью предупреждения рисков, связанных с противодействием его развитию у нас в стране [18]. Работа в этом направлении ведется в течение многих лет.

Особое значение сегодня, на наш взгляд, должно уделяться психолого-педагогическим аспектам профилактики экстремизма, которые реализуются в процессе воспитания и социализации молодежи. Наша позиция в этом вопросе согласуется со взглядами Л.Р. Темирезовой [29]. Она провела опрос, согласно которому на первом месте среди факторов, которые необходимо учитывать в работе с молодежью в плане профилактики экстремизма, оказались образование и воспитание (его в качестве основного назвали 30% респондентов). Несмотря на то, что вариантов решения обозначенной проблемы на разных уровнях предлагается немало, однако целостная концепция и системное представление о возможностях психолого-педагогической профилактики распространения идеологии экстремизма в среде подростков и молодежи все еще не выработана. Об этом шла речь на заседании бюро Отделения философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования 25 января 2022 г.

Целью нашего исследования стало выявление предикторов — психологических основ психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде, которые могут составить базу для построения соответствующей теоретической модели.

Предиктор — это прогностический показатель; средство прогнозирования; структурно-организованная система, функцией которой является прогноз. Проблемой изучения психологических предикторов экстремизма сегодня занимаются Ю.И. Джембек, А.В. Ефремова, П.А. Моторина, С.М. Ситяева, С.В. Яремчук и другие ученые [11; 28].

Результаты исследования

В качестве **первого предиктора** мы рассматривали ряд возрастно-психологических, психофизиологических особенностей, обусловленных естественными процессами развития, а также социально-личностных, детерминированных социальной средой и воспитанием, из-за чего молодые люди наиболее часто становятся объектом воздействия экстремистской идеологии. На основе анализа работ современных ученых к данным особенностям были отнесены следующие:

- противоречивость духовно-нравственных ценностей и идеалов, размытость этических представлений, правовых норм, мировоззренческая неустойчивость, анонимизация молодежи;
- недостаточная социально-психологическая зрелость, диффузная идентичность;
- юношеский максимализм, оценка жизненных событий и людей по биполярной шкале в черно-белых тонах, интолерантность, что создает благодатную почву для «впитывания» радикальных националистических, ксенофобских экстремистских идей, поверхностное восприятие социальных противоречий без осознания их неоднозначности и всего спектра вызывающих их причин;
- наивность, инфантилизм, не критичность при усвоении информации, в том числе фигурирующей в Интернете, высокая внушаемость;
- несформированность мотивации самоактуализации в созидательной социально-значимой деятельности, позитивных жизненных установок, склонность к самореализации в разных формах социального протеста;
- информационный и коммуникативный голод, любопытство, стремление уйти от скуки, обыденности, спектакулярность, поиск острых ощущений, разнообразных приключений, интерес ко всему запретному;

- желание жить полной жизнью, «быть в потоке», испытывать сильные эмоции, драйв, быть включенным в социально-обсуждаемые дела (при этом не важно, положительный это аспект или отрицательный; в последние годы нашу молодежь упорно приучали к проявлению интереса именно к негативной информации о ком-либо или о чем-либо: об эпатажном поведении «звезд», безнаказанных противоправных выходках «мажоров», экстрим-сессиях «безбашенных» молодых людей, шокирующих фактах в разных областях, — создавая таким образом ложных кумиров, вырабатывая соответствующие модели поведения по механизму подражания мнимым «героям нашего времени», транслируя «модный» стиль жизни, что не отвечает нашим традиционным духовно-нравственным ценностям), ощущать себя активно действующим субъектом, управляющим своей жизнью, влияющим на события;
- стремление быть принятым какой-либо общностью, являться ее значимым членом, испытывать единение с референтной группой, не находиться в социальной изоляции, не испытывать одиночество;
- склонность доверять в большей степени сверстникам, нежели взрослым, конформность, подверженность влиянию мнения одногруппников;
- отрицание ценностей, навязываемых взрослым сообществом, негативное отношение к контролю с их стороны, ограничению свободы, в том числе в сети Интернет, упрямство, нигилизм, стремление казаться самостоятельным, взрослым за счет принятия собственных (часто спонтанных, необдуманных) решений и отказа от помощи и советов близких, цинизм;
- уход от ответственности, инфантильность, социальная сервильность (раболепие, стремление выслужиться перед сильными мира), подчинение авторитетам (в том числе ложным кумирам), стремление общаться с интересными людьми, которые позиционируют себя как сильные личности, умеют бороться за свои идеи, отстаивать собственную позицию, а не с занудливыми, скучными неудачниками;
- желание выделиться, быть не как все, испытать себя и расширить свое Я, обнаружить и проявить свою индивидуальность, стремление к риску, экстремальность;
- агрессия, тенденция к лидерству, самоутверждению, повышению самооценки, обретению уверенности в себе через агрессивные действия;
- неумение работать с напряжением, слабая саморегуляция эмоций, неотработанность приемлемых способов избавления от отрицательных переживаний в сложных ситуациях;
- превышение психофизиологических возможностей и способностей молодого человека (динамичность, подвижность, быстрота реагирования, «кровь кипит» — энергия, требующая выхода), возможностей ситуации (в состоянии скуки он вынужден сдерживаться, подавлять, заставляя себя быть включенным в то, что ему не интересно, пренебрегать собственными потребностями и эмоциями);
- необдуманность, слабая ориентировка в выборе адекватных средств и способов достижения жизненных целей в ситуациях напряженности, конфликта и др. [22; 33].

Нам представляется, что данный список не является законченным и однозначным, его можно видоизменять, дополнять, корректировать и пр.

Мы также предприняли попытку систематизировать индивидуально-психологические особенности личности, которые могут оказать существенное влияние на формирование экс-

тремистской позиции и классифицировали их на 3 группы: когнитивные, эмоционально-волевые и мотивационные.

К *когнитивным* особенностям были отнесены следующие: способ мышления, опосредующий экстремистское поведение, агрессивные убеждения — сознательные представления, оправдывающие применение зла и насилия для достижения своих целей. Данные убеждения в случаях, когда определенные ситуации трактуются как угрожающие, детерминируют упреждающее применение агрессии, осознанный выбор неконструктивных способов поведения.

Эмоционально-волевые особенности. Выработке экстремистской позиции могут способствовать неотработанные эмоции обиды, пережитые унижения, нереализованность желаний, состояние фрустрации вследствие блокировки актуальных потребностей (из-за нехватки денег на самое главное, долгов, потери интереса к старым друзьям и невозможности обретения новых, отсутствия впечатлений и пр.), острое чувство непонятности, одиночества, общая эмоциональная неудовлетворенность собственной жизнью и др.

Следующая группа — *мотивационные особенности* (установки, мотивы, интересы, потребности, желания и пр., совместно образующие экстремистскую направленность личности). Это - бессознательные агрессивные установки, определяющие состояние готовности подростка к агрессии в определенной ситуации; стереотипы агрессивного поведения — устойчивые ориентации на поведение, связанное с применением насилия; мотивы, связанные с реализацией экстремистской идеологии, и др.

На значимость изучения психологических особенностей личности как фактора противодействия экстремизму в молодежной среде указывают А.А. Гребенюк, З.А. Рамазанова и др. [26].

Вторым предиктором, который мы выделили, является знание причин, обуславливающих индивидуальную податливость молодых людей влиянию экстремистской идеологии, своевременное их выявление и преодоление, в том числе в прогностическом плане. Данные причины изучались в ходе бесед со школьными учителями. Это конфликтные отношения в семье, в группе сверстников; недостаточный акцент на духовно-нравственное, патриотическое воспитание молодежи, просвещение в плане формирования толерантности и уважения к представителям иных культур, национальностей, рас и пр.; недостаток положительных идеалов в СМИ и большое количество ложных кумиров (в том числе намеренно создаваемых представителями западной культуры — распространителями экстремистской идеологии); опыт агрессивных, разрушительных действий (например, в комнатах ярости, позиционируемых как места для борьбы со стрессом, где можно все рушить, ломать, стрелять, а по факту приобретать опыт разрушительного поведения), преподносимый как вариант эффективного разрешения конфликта и др. Наши данные согласуются с результатами исследований В.П. Коняхина, А.В. Петровского, М.Л. Прохоровой, М.Б. Рахимгуловой, Я.Ф. Трофимова, Т.А. Ханова и др., изучавших социально-психологические причины молодежного экстремизма в России [19; 30].

Современные ученые отмечают, что, несмотря на недостаточно выраженный интерес российской молодежи к политическим вопросам, ее протестный потенциал является достаточно высоким, что объясняется как возрастными, так и социально-экономическими и пр. факторами развития, перечисленными выше [3; 7].

Мы полагаем, что *протестное поведение молодежи* можно рассматривать как разновидность девиантного поведения отдельных индивидов, групп или организаций по отношению к существующим социальным нормам, традициям, позициям. Оно связано с проявлением таких качеств, как негативизм, недовольство окружающим, ощущение, что твои права ущем-

ляются, непокорность, упрямство, стремление добиться желаемого нагло и в обход существующим правилам, самоуверенность, отказ от социально приемлемых форм поведения.

Формированию протестного поведения предшествует развитие *протестного настроения* — это вид социальных настроений, характеризующийся неудовлетворенностью социальных групп сложившимся положением вещей, неоправдавшимися ожиданиями и одновременно готовностью предпринять конкретные действия для изменения субъективно воспринимаемой неблагоприятной ситуации. Протестное настроение аккумулирует влияние объективных и субъективных факторов протеста и предвосхищает протестное поведение личности.

Различным аспектам изучения протестного поведения, протестных настроений и установок российской молодежи сегодня посвящают свои исследования Е.В. Бродовская, Е.И. Васильева, А.Ю. Домбровская, Т.Е. Зерчанинова, О.А. Капцевич, С.В. Ковалева, О.А. Колосова, Р.В. Ленков, Э.В. Лихачева, Е.Б. Марин, Л.П. Николаева, А.С. Огнев, Н.В. Осмачко, Р.В. Парма и др. [3; 13; 16; 20].

Каналы «подогрева» протестных настроений, по мнению опрошенных нами школьных учителей, — это дестабилизирующая информация в СМИ, прежде всего в Интернете (так называемая «вредная информация», которой мы посвятили отдельное исследование [24]), прозападные агрессивные фильмы с элементами психологических манипуляций, некоторые телепередачи (сегодня уже закрытые в России), определенные танцы (тверк, хип-хоп и пр.) и музыка, экстремистская литература и пр. Эти данные согласуются с результатами исследований, полученных другими учеными. Так, в диссертации Т.В. Поповой экстремизм рассматривается как эффект дисфункциональности телевидения [25].

В нашем исследовании, проведенном в том числе с использованием материалов уголовных дел, возбужденных по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, связанным с экстремистской деятельностью молодых людей, где автор составлял экспертные заключения психолога, был прописан общий психологический механизм развития у молодого человека экстремистских убеждений, который реализуется на трех этапах (что было учтено при обосновании нашей модели профилактики данного негативного социально-психологического явления):

1. целенаправленная актуализация, обострение у него чувства обиды, социальной обделенности, несправедливости к себе;
2. намеренное отделение его от семьи, прежних социальных групп членства с одновременным объединением с организацией, поддерживающей развивающиеся радикальные установки, выработкой образа «врага», протестного настроения;
3. формирование готовности молодого человека к совершению конкретных экстремистских действий (экстремистских установок) и переход к их осуществлению.

При выделении данных этапов мы опирались на работы Б.А. Аманжоловой, И.Б. Гайворонской, Л.Л. Грищенко, Н.В. Сердюк, А.М. Столяренко, Т.Ф. Фоминой и др. [5; 27].

Схему влияния экстремистской идеологии на молодого человека, отражающую этапы развития у него экстремистского поведения, мы (совместно с А.С. Мироновым [32]) представили следующим образом (рис. 1).

Из схемы видно, что первоначальные воздействия экстремистских структур направлены на эмоцию и волю молодого человека, затем у него формируются новые знания с соответствующим экстремистской идеологии содержанием, трансформируется мышление, разжигаются экстремистские мотивы, закладываются установки на поведение определенной направленности как готовность к совершению конкретно ориентированных действий; итогом выступает экстремистский акт, экстремистское поведение.

Рис. 1. Влияние экстремистской идеологии на молодого человека, отражающее этапы развития у него экстремистского поведения

По мнению школьных педагогов-психологов, беседы с которыми мы проводили, вовлечение в экстремистскую группу зачастую субъективно становится для молодого человека компенсаторной формой обретения идентичности, так как дает/обещает ему следующие компенсации: реальный (иногда предельный) смысл жизни; достойное место в жизни; чувство принадлежности, избранности, неподвластности; выход за пределы обыденности. Результаты нашего исследования в этом аспекте согласуются с данными, полученными Д.П. Ищенко и Д.К. Григорян, которые рассматривают экстремизм как своеобразный способ самореализации молодежи в современном обществе и средство достижения власти [15].

На основе наблюдения, бесед со школьными учителями и педагогами-психологами, а также анализа и обобщения эмпирических данных других исследователей нами были систематизированы и классифицированы маркеры, по которым можно определить начальные признаки увлеченности молодых людей экстремистской идеологией и вовлечения обучающихся в экстремистские сообщества:

4. *изменения в эмоциональной сфере*: повышенная возбудимость, грубость, агрессия, утрата прежнего эмоционального контакта с родными, одноклассниками, снижение эмпатии;
5. *изменения в сфере коммуникации*: учащение конфликтов с учителями и сверстниками, стремление показать свое «бесстрашие» окружающим, желание быть в центре внимания любой ценой или, наоборот, замкнутость, нелюдимость, отчужденность; появление новых странных друзей, которые могут быть гораздо старше; использование в речи новых, нехарактерных для конкретного обучающегося слов, выражений, сленга; разговорная манера производит впечатление «заезженной пластинки» из-за повторяющихся, как будто заученных текстов;
6. *поведенческие маркеры*: резкие и внезапные поведенческие изменения (пропуски занятий по неуважительным причинам, потеря интереса к любимым учебным предметам), пассивный протест (отказ от привычной пищи, избегание зрительного контакта при общении); ведение страницы в Интернете с негативными высказываниями/рисунками в адрес одноклассников/сверстников, родных, учителей, общества в целом и пр.;
7. *регистрация в деструктивных группах в социальных сетях, интерес к деструктивному контенту*: выкладывание своей/чужой медиапродукции — фотографий, видеороликов экстремистского характера, изображений оружия; «лайки» экстремистских высказываний, одобрение террористических актов и призывов и пр.;

8. *приобретение (появление) у подростка особых предметов и веществ* — книг экстремистского содержания; веществ для изготовления взрывчатки; трафаретов с надписями экстремистского характера и пр.;
9. *использование деструктивной символики во внешнем виде*: одежды с агрессивными надписями и изображениями; смена обуви на «грубую», военизированную; использование в одежде символики экстремистских организаций (например, нацистской свастики); появление у несовершеннолетнего собственных денежных средств, источник получения которых он не может объяснить [21].

Перечисленные основания нашли отражение в разработанной нами модели психолого-педагогической профилактики молодежного экстремизма, базирующейся на положениях системного подхода, включающей разные технологии профилактики, несколько уровней и целевых групп молодежи.

При разработке модели мы ориентировались на психологические аспекты педагогических воздействий и исходили из теоретических положений концепции Л.И. Божович [8], утверждавшей, что воспитание человека есть прежде всего воспитание его потребностей. Соответственно, можно выделить два основных направления решения поставленной проблемы, исходя из заявленных психологических оснований.

Первое — это работа над повышением уровня внешней стимуляции с целью увеличения ее разнообразия; осовременивание используемых в работе с молодежью форм и методов воспитания, подходящих для российской действительности; нивелирование негативных воздействий ложных кумиров с одновременной придачей авторитетности тем, кто имеет позитивные социальные установки, реализуется в созидательной активности, проявляет себя в социально полезных делах, которые идут на благо стране. Эту позицию также разделяют Т.В. Белашина, В.Е. Дернов, Д.А. Федосеев, подчеркивающие роль патриотического воспитания в профилактике молодежного экстремизма [2].

Второе — преодоление дефицита внутренней саморегуляции, работа над развитием субъектности, собственной активности, внутренней мотивации положительной самореализации в общественно значимых видах деятельности. Созвучные нашей идее мысли звучат в работе Г.Я. Гревцевой, рассматривающей переход от протестной к созидательной активности посредством формирования гражданственности и патриотизма у обучающихся [7].

Что касается первого направления, то здесь при организации работы с детьми и молодежью необходимо учитывать все вышеперечисленные их психологические особенности (в этом контексте хорошо работает механизм «лучший выход — это вход», т. е. при решении проблем профилактики экстремизма можно задействовать те же «крючки», но в позитивном контексте, так как закономерности формирования сознания, поведения, системы ценностей, отношений одни и те же, различается лишь их направленность и содержание).

Второе направление в большей степени связано с деятельностью психологов и родителей — им нужно учить ребенка быть интересным самому себе, находить полезное занятие, развлечение, даже если вокруг нет никаких игрушек, других детей и пр., воспитывать полезные привычки, создавать среду для созидания, показывать положительные примеры для соответствующей идентификации. При этом родителям важно не только уделять внимание своим детям, но и развиваться вместе с ними.

С психолого-педагогической точки зрения нам представляется важным осуществление прогноза развития совокупности социально-психологических качеств, являющихся основой для подверженности молодого человека экстремистским влияниям и проектирование психо-

лого-педагогических условий для недопущения таких негативных вариантов личностного развития молодого человека в условиях целенаправленного воспитания и социализации.

В качестве *еще одного предиктора*, объясняющего подверженность определенной части молодежи влияниям экстремистского характера и склонность к экстремистским проявлениям, в нашем исследовании рассматривается социально-личностный ресурс субъектов образовательных отношений. На протяжении нескольких лет мы (совместно с Т.И. Куликовой [23]) осуществляли выявление данных социально-психологических качеств, а также занимались разработкой и последующим внедрением в практику модели по их формированию (рис. 2).

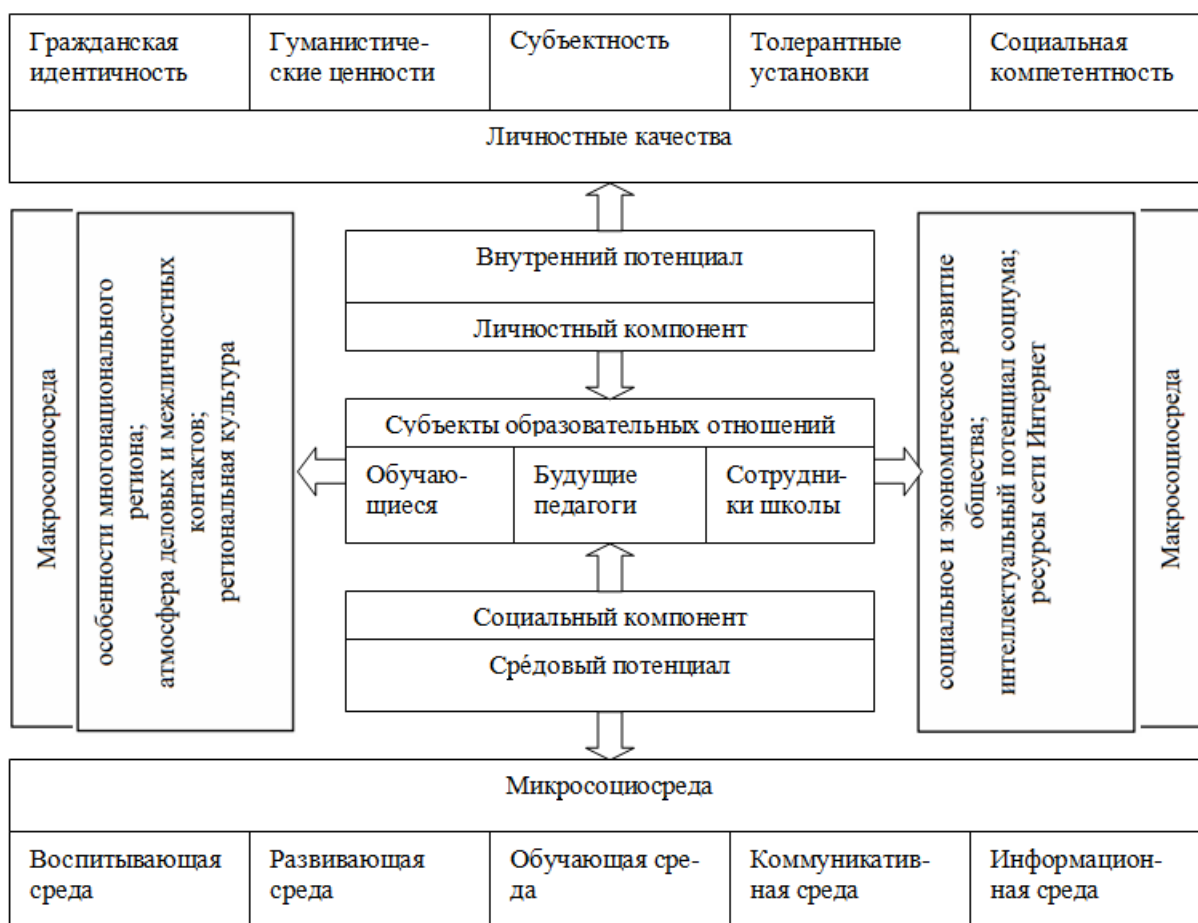

Рис. 2. Модель психолого-педагогической профилактики молодежного экстремизма посредством развития социально-личностного ресурса субъектов образовательных отношений

Корреляционный анализ зависимости изучаемых интегральных личностных качеств позволил установить, что выраженные положительные связи на уровне значимости 0,05 отмечаются между гуманистическими ценностями и толерантными установками (0,82), а также между толерантными установками и социальной компетентностью (0,79).

Обсуждение результатов

По итогам исследования нами была осуществлена градация уровней сформированности социально-личностного ресурса; при этом мы описали уровни как положительного социально-личностного ресурса, так и отрицательного, что в дальнейшем может служить предикто-

ром, позволяющим осуществлять прогноз рисков возникновения экстремистских проявлений в конкретной организации, а также определять более подверженных экстремистским влияниям молодых людей и проводить своевременную коррекционную и профилактическую работу с ними.

Так, *нулевой уровень (0)* характеризуется тем, что все качества еще не сформированы или имеют низкие значения. Поведение личности, обладающей такими качествами, неустойчиво, так как не сформированы внутренний стержень, индивидуальные критерии оценки событий и явлений, собственная позиция не проявляется. Такая личность легко поддается влиянию других людей, «растворяется» в толпе, слепо подражая авторитетам, собственную инициативу не проявляет, ответственность на себя не берет.

На *уровне I*, характеризующем положительный полюс, развивается субъектность, появляются толерантные установки, диагностируется повышение показателей по компонентам социальной компетентности. Поведение такой личности носит просоциальный, но пассивный характер.

На *уровне II*, имеющим два варианта проявления, фиксируется повышение показателей сформированности гражданской идентичности, диагностируются более высокие значения сформированности гуманистических ценностей, развитость других интегральных личностных свойств достигает средних значений. Поведение такой личности носит просоциальный характер с отдельными проявлениями социальной активности.

На *уровне III* все изучаемые интегральные личностные качества имеют высокие показатели или выше среднего. Поведение такой личности носит активный просоциальный характер.

В отрицательной плоскости на *уровне I* диагностируются первые признаки интолерантности, нетерпимости, проявления социальной некомпетентности, отмечается низкая степень сформированности гуманистических ценностей. Поведение такой личности имеет пассивную асоциальную направленность с проявлениями протестного настроения в разных аспектах жизнедеятельности.

На *уровне II* усиливаются отрицательные тенденции в формировании перечисленных качеств, добавляется несформированная гражданская идентичность, все это развивается на фоне становления субъектности, т. е. личность осознанно начинает выбирать антисоциальный путь развития, демонстрировать протестные настроения и антисоциальную направленность. Поведение такого молодого человека начинает носить протестный, антисоциальный характер с отдельными проявлениями соответствующей активности.

На *уровне III* все изучаемые качества развиты в наибольшей степени. Поведение такой личности имеет ярко выраженный активный антисоциальный характер и проявляется, в том числе, в экстремистских установках как готовности к совершению определенных действий и экстремистском поведении в Интернете и реальной жизни.

Особое внимание в своей работе мы уделили подбору, обоснованию и разработке психолого-педагогических технологий формирования социально-личностного ресурса субъектов образовательных отношений в системе первичной, вторичной, третичной профилактики молодежного экстремизма.

Результатом проектирования стало создание комплексной программы формирования социально-личностного ресурса субъектов образовательных отношений в системе профилактики молодежного экстремизма, которая включила в себя четыре функциональных блока:

1) образовательный (дисциплины по профилактике экстремизма в молодежной среде, программы повышения квалификации, просветительские лекции, вебинары, дискуссионные площадки, круглые столы, конференции);

2) психологический (программы социально-психологических тренингов по формированию толерантности и личностной устойчивости молодежи к экстремистским призывам, индивидуальная работа с обучающимися группы риска, консультации педагогических работников и родителей);

3) деятельностный (*социально-ориентированные технологии*: дискуссионные клубы, интерактивные классные часы, встречи с представителями этнических диаспор, историками, этнографами, деятелями культуры, празднование памятных дат исторического значения, юбилеев выдающихся людей Отечества; *познавательно-образовательные технологии*: краеведческие и этнографические экскурсии, квесты, дни национальной культуры, фестивали, викторины, тематические вечера, музейная деятельность, секции, кружки, выставки и др.; *практико-ориентированные психолого-педагогические технологии*: мастер-классы, ролевые игры, кейс-стади, организационно-деятельностные игры; *досугово-развивающие технологии*: вечера, народные праздники, фольклорные концерты, представления, соревнования по национальным видам спорта и народным играм, конкурсы знатоков народных обычаев и др.).

4) социально-педагогический (*технологии работы со сформировавшимися радикальными молодежными объединениями*, на которые влияние экстремистской идеологии уже распространилось (среди действенных технологий были выделены следующие: *технология легализации (формализации)*, основанная на том, чтобы не меняя структуру и ведущую деятельность радикального молодежного объединения, трансформировать его в клуб, любительское объединение или в другую институционализированную общность; *технология ассимиляции*, предполагающая полную реорганизацию радикального молодежного объединения и создание на его основе социальной общности, где от прежней группировки сохраняется лишь прежнее представительство или внешняя атрибутика, сленг; при использовании данной технологии необходимо предложить молодежи альтернативные ценности и соответствующую деятельность; *технология перевода агрессивной активности в просоциальное русло*, ориентированная на замещение целей и экстремистских методов их достижения на также протестные, но уже социально приемлемые; *технология вытеснения экстремистски настроенного лидера* (в качестве конкретных приемов смены лидера были рекомендованы следующие: дискредитация лидера в глазах группы, при которой он теряет харизму и ореол сосредоточенности групповых норм и ценностей; снижение авторитета лидера при его несоответствии какой-либо значимой групповой норме или ценности; создание условий для успешной конкуренции второго или иного значимого лица в группе — вариант ползучего переворота; изменение схемы внутригрупповой коммуникации (при этом член группы, через которого проходят внутригрупповые коммуникационные каналы, резко повышается в статусе в иерархии группы); постановка группы в непривычные для нее условия, где старый лидер уже не способен справиться с новыми, более сложными задачами, в связи с чем выдвигается новый лидер, возможно, ситуативный; привлечение к уголовной ответственности значимых лиц экстремистских формирований и др.).

Выводы

Таким образом:

- влияние экстремистской идеологии усиливается в связи с кризисными аспектами общественного развития, совершенствованием деятельности экстремистских организаций и используемых ими технологий, их переходом в неконтролируемые области Интернета;
- для решения проблемы противодействия распространению идеологии экстремизма в молодежной среде сложились определенные теоретико-методологические предпосылки, информационно-исследовательская база, сформировалась общественная потребность в научной разработке новых подходов к выявлению психолого-педагогического потенциала профилактики экстремизма в молодежной среде;
- экстремизм с точки зрения определяющих его факторов можно рассматривать не только как негативный социально-политический феномен, но и как социально-психологическое явление, обусловленное рядом причин;
- молодежь обнаруживает большую податливость идеологии экстремизма в силу ряда возрастано-психологических особенностей, склонности к протестному поведению, влияние на которые можно осуществлять и в положительном русле, учитывая их в процессе профилактической и коррекционно-развивающей работы;
- большую роль в противодействии экстремизму в плане его влияния на сознание подрастающего поколения может сыграть совершенствование психолого-педагогических аспектов его профилактики с учетом предикторов и этапов его развития;
- особое значение в профилактике экстремизма в молодежной среде мы придаем развитию социально-личностного ресурса субъектов образовательных отношений, который можно рассматривать как один из основных предикторов экстремистских проявлений.

Литература

1. Акимова Г.В. Некоторые аспекты тенденций молодежного экстремизма [Электронный ресурс] // Криминологический журнал. 2022. № 1. С. 9–11. doi:10.24412/2687-0185-2022-1-9-11
2. Белашина Т.В., Дернов В.Е., Федосеев Д.А. Роль патриотического воспитания в профилактике экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 80-5. С. 32–35. doi:10.18411/trnio-12-2021-215
3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Парма Р.В. Взаимосвязь конформного поведения и протестных установок современной молодежи [Электронный ресурс] // Человеческий капитал. 2021. № 10 (154). С. 95–101. doi:10.25629/НС.2021.10.13
4. Воронин М.Ю. Основные группы факторов, детерминирующих молодежный экстремизм // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Том 6. № 1 (11). С. 24–27.
5. Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165. doi:10.17759/psylaw.2020100411
6. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73338775> (дата обращения: 05.10.2022).

7. Гревцева Г.Я. Проблема формирования гражданственности и патриотизма учащейся молодежи в системе высшего образования: от протестной к созидательной активности [Электронный ресурс] // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Том 12. № 1 (47). С. 20–29. doi:10.7442/2071-9620-2020-12-1-20-29
8. Гуткина Н.И. Концепция Л.И. Божович. О строении и формировании личности (культурно-исторический подход) [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 2. С. 116–128. doi:10.17759/chp.2018140213
9. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: потенциал социально-психологического знания [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215
10. Дешина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети Интернет социально-демографическая группа // ОБЗОР.НЦПТИ. 2019. № 1 (16). С. 54–61.
11. Джембек Ю.И., Моторина П.А., Ефремова А.В. Психологические предикторы экстремизма и особенности их проявления у студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 273–275.
12. Зализняк Н.Л., Лундовских И.В., Синеглазова А.Г. Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде. Казань: ИД «МеДДок», 2020. 80 с.
13. Зерчанинова Т.Е., Васильева Е.И. Факторы протестной активности российской молодежи [Электронный ресурс] // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 2 (49). С. 4–8. doi:10.26907/2079-5912.2021.2.4-8
14. Иншакова А.О. Экстремизм как угроза национальной безопасности: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] // Правовая парадигма. 2020. Том 19. № 2. С. 6–12. doi:10.15688/le.jvolsu.2020.2.1
15. Ищенко Д.П., Григорян Д.К. Молодежный экстремизм как способ самореализации в обществе и достижения власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 139–143.
16. Капцевич О.А., Марин Е.Б., Осмачко Н.В. Психологические аспекты политического участия и протестной готовности молодежи приморского края [Электронный ресурс] // Психолог. 2021. № 1. С. 23–34. doi:10.25136/24098701.2021.1.34979
17. Кодзоков Б.В., Гутаев А.М., Малаев А.Х. Молодежный экстремизм как глобальная проблема на современном этапе развития общества // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 413–415.
18. Коняхин В.П., Петровский А.В., Батютина Т.Ю. Предупреждение экстремизма в молодежной среде: поиск оптимальной модели [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 10 (99). С. 36–41. doi:10.24158/per.2021.10.5
19. Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Петровский А.В. Социально-психологические причины молодежного экстремизма в Краснодарском крае [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Том 15. № 6. С. 724–733. doi:10.17150/2500-4255.2021.15(6).724-733
20. Ленков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде [Электронный ресурс] // Цифровая социология. 2021. Том 4. № 1. С. 31–41. doi:10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41

21. Методические рекомендации по внедрению в практику образовательных организаций современных методик в сфере профилактики деструктивного поведения подростков и молодежи (на основе разработок российских ученых). М.: ФИОКО, 2021. 62 с.
22. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Карелин Д.В., Козлова Н.В. Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 123–134. doi:10.17759/psylaw.2018080309
23. Пазухина С.В., Куликова Т.И. Социально-личностный ресурс субъектов образовательного процесса как предиктор экстремистских проявлений в молодежной среде: Монография. Тула: Имидж Принт, 2017. 114 с.
24. Пазухина С.В., Филиппова С.А. Превентивные технологии защиты детей от вредной информации: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 194 с.
25. Попова Т.В. Экстремизм как эффект дисфункциональности телевидения в трансформирующемся российском обществе: Дисс. ... докт. соц. наук. Краснодар, 2017. 302 с.
26. Рамазанова З.А., Гребенюк А.А. Психологические особенности личности как фактор противодействия экстремизму в студенческой среде // Обществознание и социальная психология. 2022. № 6 (36). С. 79–83.
27. Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2018080312
28. Ситяева С.М., Яремчук С.В. Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи: Монография. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2019. 166 с.
29. Темирезова Л.Р. Молодежный экстремизм: социально-педагогический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Том 8. № 6.
30. Трофимов Я.Ф., Ханов Т.А., Рахимгулова М.Б. Причины распространения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы современности. 2021. № 1 (31). С. 44–49.
31. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 09.10.2022).
32. Формы, методы и технологии профилактики и противодействия проникновению идеологии экстремизма и терроризма в образовательную среду: Монография / А.С. Миронов и др. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2019. 255 с.
33. Хадиков С.К. Психологические особенности личности экстремиста // Вестник науки. 2019. Том 3. № 2 (11). С. 58–64.

References

1. Akimova G.V. Nekotorye aspekty tendentsii molodezhnogo ekstremizma [Some Aspects of Youth Extremism Tendencies] [Elektronnyi resurs]. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological Journal*, 2022, no. 1, pp. 9–11. doi:10.24412/2687-0185-2022-1-9-11 (In Russ.).
2. Belashina T.V., Dernov V.E., Fedoseev D.A. Rol' patrioticheskogo vospitaniya v profilaktike ekstremizma v molodezhnoi srede [Elektronnyi resurs]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2021, no. 80-5, pp. 32–35. doi:10.18411/trnio-12-2021-215 (In Russ.).
3. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Likhacheva E.V., Nikolaeva L.P., Ognev A.S., Parma R.V. Vzaimosvyaz' konformnogo povedeniya i protestnykh ustanovok sovremennoi molodezhi

[Relationship of conformal behavior and protest attitudes of co-temporary youth] [Elektronnyi resurs]. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, 2021, no. 10 (154), pp. 95–101. doi:10.25629/HC.2021.10.13 (In Russ.).

4. Voronin M.Yu. Osnovnye gruppy faktorov, determiniruyushchikh molodezhnyi ekstremizm [The Main Groups of Factors Determining Youth Extremism]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021. Vol. 6, no. 1 (11), pp. 24–27. (In Russ.).

5. Gaivoronskaya I.B., Fomina T.F., Amanzholova B.A. Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii posredstvom seti Internet [Online Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 152–165. doi:10.17759/psylaw.2020100411 (In Russ.).

6. General'nyi prokuror Rossiiskoi Federatsii Igor' Krasnov vystupil s докладом v Sovete Federatsii [Elektronnyi resurs]. *General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii = The Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73338775> (Accessed 05.10.2022). (In Russ.).

7. Grevtseva G.Ya. Problema formirovaniya grazhdanstvennosti i patriotizma uchashcheisya molodezhi v sisteme vysshego obrazovaniya: ot protestnoi k sozidatel'noi aktivnosti [Civic consciousness and patriotism of students in the modern world: from protest to creative activity] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*, 2020. Vol. 12, no. 1 (47), pp. 20–29. doi:10.7442/2071-9620-2020-12-1-20-29 (In Russ.).

8. Gutkina N.I. Kontsepsiya L.I. Bozhovich. O stroenii i formirovanii lichnosti (kul'turno-istoricheskii podkhod) [L.I. Bozhovich's Concept of Personality Structure and Formation (Cultural-Historical Approach)] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 116–128. doi:10.17759/chp.2018140213 (In Russ.).

9. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovomolodezhnoi srede: potentsial sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya [Radicalisation among Young People: In Search of Risk Assessment Model] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 207–223. doi:10.17759/psylaw.2022120215 (In Russ.).

10. Dshina E.I., Merkulova A.N. Molodezh' kak naibolee podverzhennaya vliyaniyu ekstremizma i terrorizma v seti Internet sotsial'no-demograficheskaya gruppy. *OBZOR.NTsPTI*, 2019, no. 1 (16), pp. 54–61. (In Russ.).

11. Dzhenbek Yu.I., Motorina P.A., Efremova A.V. Psikhologicheskie prediktory ekstremizma i osobennosti ikh proyavleniya u studentov pedagogicheskogo vuza [Psychological predictors of extremism and features of their manifestation in pedagogical university students]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 74-4, pp. 273–275. (In Russ.).

12. Zaliznyak N.L., Lundovskikh I.V., Sineglazova A.G. Profilaktika ekstremizma i formirovanie tolerantnosti v molodezhnoi srede. Kazan: ID "MeDDok", 2020. 80 p. (In Russ.).

13. Zerchaninova T.E., Vasil'eva E.I. Faktory protestnoi aktivnosti rossiiskoi molodezhi [the factors of protest activity of russian youth] [Elektronnyi resurs]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik = The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, 2021, no. 2 (49), pp. 4–8. doi:10.26907/2079-5912.2021.2.4-8 (In Russ.).

14. Inshakova A.O. Ekstremizm kak ugroza natsional'noi bezopasnosti: vchera, segodnya, zavtra [Extremism as a Threat to National Security: Yesterday, Today, and Tomorrow] [Elektronnyi

resurs]. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2020. Vol. 19, no. 2, pp. 6–12. doi:10.15688/lc.jvolsu.2020.2.1 (In Russ.).

15. Ishchenko D.P., Grigoryan D.K. Molodezhnyi ekstremizm kak sposob samorealizatsii v obshchestve i dostizheniya vlasti [Youth extremism as a way of self-realization in society and power achieving]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2021, no. 2 (129), pp. 139–143. (In Russ.).

16. Kaptsevich O.A., Marin E.B., Osmachko N.V. Psikhologicheskie aspekty politicheskogo uchastiya i protestnoi gotovnosti molodezhi primorskogo kraia [Psychological aspects of political participation and protest readiness of the youth of Primorsky Krai] [Elektronnyi resurs]. *Psikholog = Psychologist*, 2021, no. 1, pp. 23–34. doi:10.25136/24098701.2021.1.34979 (In Russ.).

17. Kodzokov B.V., Gutaev A.M., Malaev A.Kh. Molodezhnyi ekstremizm kak global'naya problema na sovremennom etape razvitiya obshchestva [Youth extremism as a global problem at the present stage of society development]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2021, no. 10 (161), pp. 413–415. (In Russ.).

18. Konyakhin V.P., Petrovskii A.V., Batyutina T.Yu. Preduprezhdenie ekstremizma v molodezhnoi srede: poisk optimal'noi modeli [Preventing Youth Extremism: Finding the Optimal Model] [Elektronnyi resurs]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2021, no. 10 (99), pp. 36–41. doi:10.24158/pep.2021.10.5 (In Russ.).

19. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L., Petrovskii A.V. Sotsial'no-psikhologicheskie prichiny molodezhnogo ekstremizma v Krasnodarskom krae [Social-Psychological Causes of Youth Extremism in Krasnodar Region] [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021. Vol. 15, no. 6, pp. 724–733. doi:10.17150/2500-4255.2021.15(6).724-733 (In Russ.).

20. Len'kov R.V., Kolosova O.A., Kovaleva S.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika i prognozirovaniye protestnogo povedeniya molodezhi v tsifrovoi srede [Socio-psychological diagnostics and forecasting protest behavior of youth in the digital environment] [Elektronnyi resurs]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*, 2021. Vol. 4, no. 1, pp. 31–41. doi:10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41 (In Russ.).

21. Metodicheskie rekomendatsii po vnedreniyu v praktiku obrazovatel'nykh organizatsii sovremennykh metodik v sfere profilaktiki destruktivnogo povedeniya podrostkov i molodezhi (na osnove razrabotok rossiiskikh uchenykh). Moscow: FIOKO Publ., 2021. 62 p. (In Russ.).

22. Meshcheryakova E.I., Larionova A.V., Karelin D.V., Kozlova N.V. Ekstremistskaya napravlennost' lichnosti v yuridicheskom i psikhologicheskom znanii [Extremist orientation of personality in legal and psychological knowledge] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 123–134. doi:10.17759/psylaw.2018080309 (In Russ.).

23. Pazukhina S.V., Kulikova T.I. Sotsial'no-lichnostnyi resurs sub'ektov obrazovatel'nogo protsessa kak prediktor ekstremistskikh proyavlenii v molodezhnoi srede: Monografiya. Tula: Imidzh Print, 2017. 114 p. (In Russ.).

24. Pazukhina S.V., Filippova S.A. Preventivnye tekhnologii zashchity detei ot vrednoi informatsii: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019. 194 p. (In Russ.).

25. Popova T.V. Ekstremizm kak effekt disfunktsional'nosti televideniya v transformiruyushchemsya rossiiskom obshchestve: Diss. dokt. sots. nauk. Krasnodar, 2017. 302 p. (In Russ.).

26. Ramazanova Z.A., Grebenyuk A.A. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti kak faktor protivodeistviya ekstremizmu v studencheskoi srede. *Obshchestvoznaniye i sotsial'naya psikhologiya* = "Social Studies and Social Psychology, 2022, no. 6 (36), pp. 79–83. (In Russ.).
27. Serdyuk N.V., Grishchenko L.L., Stolyarenko A.M. Psikhologo-pedagogicheskie aspekty profilaktiki ekstremizma v molodezhnoi srede [Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in youth] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* = *Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2018080312 (In Russ.).
28. Sityaeva S.M., Yaremchuk S.V. Sub"ektivnye i ob"ektivnye prediktory ekstremistskikh ustanovok molodezhi: Monografiya. Komsomolsk-on-Amur: Amurskii gumanitarno-pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2019. 166 p. (In Russ.).
29. Temirezova L.R. Molodezhnyi ekstremizm: sotsial'no-pedagogicheskii aspekt [Young people extremism: social and pedagogical aspect]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* = *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020. Vol. 8, no. 6. (In Russ.).
30. Trofimov Ya.F., Khanov T.A., Rakhimgulova M.B. Prichiny rasprostraneniya ekstremizma v molodezhnoi srede [Reasons for the spread of extremism among youth]. *Aktual'nye problemy sovremennosti* = *Actual Problems of Modernity*, 2021, no. 1 (31), pp. 44–49. (In Russ.).
31. Federal'nyi zakon ot 25 iyulya 2002 g. No. 114-FZ "O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyi resurs]. *Garant.ru. Informatsionno-pravovoi portal*. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (Accessed 09.10.2022). (In Russ.).
32. Mironov A.S. et al. Formy, metody i tekhnologii profilaktiki i protivodeistviya proniknoveniyu ideologii ekstremizma i terrorizma v obrazovatel'nyu sredu: Monografiya. Moscow: EKON-INFORM, 2019. 255 p. (In Russ.).
33. Khadikov S.K. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti ekstremista. *Vestnik nauki* = *Science Bulletin*, 2019. Vol. 3, no. 2 (11), pp. 58–64. (In Russ.).

Информация об авторах

Пазухина Светлана Вячеславовна, доктор психологических наук, доцент, заведующая, кафедра психологии и педагогики, факультет психологии, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»), г. Тула, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-3520>, e-mail: pazuhina@mail.ru

Information about the authors

Svetlana V. Pazukhina, Doctor of Psychology, Docent, Head, Department of Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3190-3520>, e-mail: pazuhina@mail.ru

Получена 17.10.2022

Принята в печать 20.03.2023

Received 17.10.2022

Accepted 20.03.2023